

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ДОЛИНА СТРАХА

ВСЕ ПОВЕСТИ И РОМАНЫ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

**ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ
ЗНАК ЧЕТЫРЕХ
СОБАКА БАСКЕРВИДЕЙ
ДОЛИНА СТРАХА**

Артур Конан Дойл

**Долина страха. Все повести
и романы о Шерлоке Холмсе**

«Седьмая книга»

Дойл А.

Долина страха. Все повести и романы о Шерлоке Холмсе /
А. Дойл — «Седьмая книга»,

Сборник всех романов и повестей Артура Конан Дойла об опасных расследованиях и приключениях Шерлока Холмса: «Этюд в багровых тонах», «Знак четырех», «Собака Баскервилей» и «Долина страха». Тексты всех произведений впервые публикуются в полном переводе, включая все «опасные» места, тщательно выправленные или вырезанные советской цензурой.

Содержание

Этюд в багровых тонах	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Часть II. Страна святых	42
Глава 1	42
Глава 2	47
Глава 3	50
Глава 4	53
Глава 5	58
Глава 6	63
Глава 7	69
Знак четырех	73
Глава 1	73
Глава 2	79
Глава 3	83
Глава 4	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Артур Конан Дойл Долина страха. Все повести и романы о Шерлоке Холмсе

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Этюд в багровых тонах

Часть I

*Из воспоминаний доктора Джона Г. Уотсона, отставного
офицера Военно-медицинской службы*

Глава 1 Мистер Шерлок Холмс

Закончив в 1878 году Лондонский университет и получив степень доктора медицины, я сразу же поехал в Нетли. Там я прошел специальную подготовку, после чего мне присвоили статус военного хирурга. Затем с соблюдением всех необходимых формальностей меня определили в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк ассистентом хирурга. Полк наш в то время стоял в Индии, но не успел я до него добраться, как вспыхнула вторая Афганская война. Высадившись в Бомбее, я узнал, что наши войска уже перевалили через горы, и продвинулись далеко вглубь неприятельской территории. Вместе с другими офицерами, так же, как и я, отставшими от своих частей, я пустился на поиски своего полка. Нашел я его в Кандагаре, куда добрался без особых сложностей, и сразу же приступил к своим новым обязанностям.

В отличие от многих, кому эта кампания принесла почести и звания, я вышел из афганской войны еще более несчастным, чем когда вступил в нее. На мою долю не досталось ничего, кроме неудач и разочарований. И начались они с того самого момента, когда из своей части я был переведен в Беркширский полк, вместе с которым участвовал в роковом сражении при Майванде, где наши войска потерпели сокрушительное поражение. Именно там мне в плечо угодила пуля, раздробив кость и повредив подключичную артерию. Я бы непременно попал в руки кровожадных фанатиков – гази, если бы не преданность и мужество моего ординарца Меррея, который, перекинув меня через спину вьючной лошади, умудрился благополучно дотащить меня до расположения британских частей.

Измотанного постоянными болями и ослабевшего от длительных мытарств, меня, вместе с множеством других страдальцев, отправили поездом в Пешавар, где располагался главный госпиталь. Там я стал постепенно поправляться и через некоторое время уже настолько окреп, что мог передвигаться по больничным палатам и даже выходить на веранду, чтобы немножко погреться на солнце. Однако вскоре на меня свалилась новая напасть, бич наших индийских колоний – тиф. Несколько месяцев меня считали почти безнадежным, но молодой организм победил болезнь. Я был едва жив от слабости и истощения, когда, наконец, пришел в сознание. И тогда врачебная комиссия решила немедленно отправить меня в Англию. Отплыл я на военном транспорте «Оронте» и спустя месяц вышел на пристань в Портсмуте, имея в кармане трогательно-заботливое предписание правительства, разрешавшее мне в течение девяти месяцев восстанавливать безнадежно потерянное здоровье.

Не имея в Англии ни знакомых, ни родственников, я был свободен как ветер, если, конечно, можно чувствовать себя таковым на одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. Именно такую сумму выделило мне все то же правительство. При таких обстоятельствах я, естественно, устремился в Лондон, в эту человеческую клоаку, куда неизбежно стекаются все бездельники и лодыри со всей империи. Некоторое время я влачил жалкое и бессмысленное существование в гостинице на Стренде, бездумно растрачивая свои гроши. Вполне естественно, мое финансовое положение вскоре сделалось настолько угрожающим, что я понял:

необходимо либо бежать из столицы и прозябать где-нибудь в деревне, либо решительно менять образ жизни. Я выбрал последнее и, прежде всего, начал подумывать о том, чтобы покинуть гостиницу и найти себе жилье и попроще, и подешевле.

К этому мудрому решению я пришел, стоя у бара “Критерий”. Я уже подумывал, не зайти ли мне туда и не подкрепить свою решимость, как вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся и увидел молодого Стэмфорда, которого сразу же узнал – он некоторое время работал моим помощником в одной из лондонских больниц. Не представляете, как приятно одинокому человеку, затерявшемуся в каменных дебрях Лондона вдруг увидеть знакомое лицо! Прежде мы со Стэмфордом никогда особенно не дружили, но сейчас я был чрезвычайно рад ему. Я почти с искренним восторгом приветствовал его, и он тоже, по-видимому, был рад видеть меня. От избытка чувств я пригласил его пообедать со мной, и мы, наняв кэб, тут же отправились в Холборн.

Некоторое время, пока кэб, грохоча колесами, тащился по забитым толпами лондонским улицам, Стэмфорд с нескрываемым удивлением разглядывал меня и затем спросил:

– Что это вы с собой сделали, Уотсон? Вы высохли, как щепка. А кожа у вас такая, словно вас долго дубили.

Стараясь не вдаваться в детали, я начал рассказывать ему о своих злоключениях, но даже когда мы доехали до места, я еще не успел закончить свое повествование.

– Ну и досталось же вам, – сочувственно произнес он. – А чем вы заняты сейчас?

– Поисками квартиры, – ответил я. – Хочу проверить экспериментально, существуют ли в природе удобные комнаты при умеренной цене.

– Очень странно, – заметил мой спутник. – Именно эту фразу я уже слышал сегодня от одного своего знакомого.

– Вот как? А кто же он такой? – заинтересованно спросил я.

– Да так... Один малый, работает в химической лаборатории при нашей больнице. Как раз сегодня утром он все ворчал, что нашел неплохую квартирку, но дороговатую для одного. Спрашивал, нет ли у меня приятеля, с которым можно было бы снять ее напополам.

– Черт подери! – воскликнул я. – Если он на самом деле хочет разделить квартиру и расходы, то я – тот, кто ему нужен! Да и мне будет веселее жить вдвоем.

Держа в руке бокал с вином, молодой Стэмфорд как-то странно посмотрел на меня.

– Боюсь, что если бы вы знали Шерлока Холмса получше, то не стали бы соглашаться так сразу. – Не исключено, что вам такое соседство может не понравиться.

– Это почему же? Чем Шерлок Холмс так плох?

– Я не говорю, что он плох. Просто он немного чудаковат, как все энтузиасты от науки. Но вообще-то, насколько я знаю, он человек вполне порядочный.

– Он что, собирается стать врачом? – поинтересовался я.

– Не думаю. Строго говоря, я не знаю, чего он хочет. Он хорошо разбирается в анатомии, прекрасный химик, но он – самоучка. Все его знания бессистемны. Впрочем, так оно и должно быть, специального образования у него нет. Правда, меня иной раз поражает, сколько ненужных фактов и сведений он накопил. И все они явно не имеют практического применения. Не понимаю, зачем они ему?

– А вы никогда не спрашивали, какова цель его занятий? – спросил я.

– Нет, конечно. Знаете, вообще-то он не слишком разговорчив, хотя порой на него словно накатывает – может болтать без умолку. А иногда вдруг замкнется так, что и слова не вытянешь.

– Интересный экземпляр, – произнес я. – Пожалуй, имеет смысл с ним познакомиться. Уж если иметь соседа, то пусть лучше это будет человек тихий и занятый своим делом. Я еще недостаточно окреп, чтобы выносить шум и всякие сильные впечатления. И того, и другого у

меня с избытком имелось в Афганистане. Хватит, наслушался и наволновался под завязку, до конца дней. Так скажите, как мне можно встретиться с вашим приятелем?

– Очень просто. Уверен, он наверняка торчит у себя в лаборатории. Холмс или неделями туда не показывается, или днюет и ночует там. Если хотите, после обеда давайте сразу поедем к нему, – предложил Стэмфорд.

– Разумеется, хочу, – сразу же ответил я, и наш разговор перешел на другие темы.

Пока мы ехали из Холборна в больницу, Стэмфорд сообщил мне еще несколько любопытных подробностей о странном джентльмене, моем будущем соседе.

– Но самое главное, – закончил он. – Не обижайтесь на меня, если он вам впоследствии не понравится. – Я знаю его не очень хорошо, по случайным встречам в лаборатории характер человека не выяснишь. Вы сами предложили эту комбинацию, поэтому если что не так – я умываю руки.

– Не переживайте. Если мы не уживемся, нам ничто не мешает расстаться, – успокоил я своего приятеля. – Но мне почему-то кажется, Стэмфорд, – добавил я, пристально глядя на него, – что вы слишком рано начинаете умывать руки. Вы не скрываете, а скажите прямо – что за характер у этого вашего знакомого?

– Невозможно объяснить необъяснимое, – уклончиво ответил Стэмфорд и рассмеялся. – Мне лично кажется, что Холмс одержим наукой. Он вполне может ввести вам небольшую дозу какого-нибудь недавно открытого растительного алкалоида, не по злобе, конечно, а из любопытства, чтобы иметь точное представление о том, как он действует. Во всяком случае, я не удивлюсь, узнав об этом. Правда, следует отдать ему должное, аналогичную инъекцию он способен сделать и себе. У Шерлока страсть к точным и достоверным сведениям.

– Что ж, это вполне объяснимо.

– Да, но порой он впадает в крайность. Представляете? Он колотит палкой трупы в анатомическом театре. Согласитесь, что такое поведение выглядит, по меньшей мере, странно.

– Он колотит трупы?

– Вы не ослышались. Колотит, колотит, я сам видел. Чтобы проверить, в течение, какого времени после смерти на теле покойника могут появиться синяки.

– И после этого вы утверждаете, что он не готовится стать медиком?

– Совершенно уверен в этом. Один Бог знает, кем он готовится стать и для чего он все изучает. Вот мы и приехали. Сейчас вы увидите Холмса, а там уж делайте выводы сами.

Мы обогнули громадное здание больницы и через маленькую дверь вошли в одну из пристроек. Все здесь было мне знакомо, я мог бы найти дорогу и без провожатых. По мрачно-ватой лестнице мы поднялись наверх, и пошли по длинному коридору, сверкающая белизна стен которого прерывалась темными пятнами дверей. Почти в самом его конце мы свернули в небольшой переход с низким сводчатым потолком и вскоре подошли к химической лаборатории.

Располагалась она в довольно просторной и высокой комнате. Везде: на столах, в многочисленных шкафах, стоящих вдоль стен и на полках поблескивали бесчисленные пузырьки и бутылки. Широкие столы были заставлены ретортами, пробирками, мензурками и газовыми горелками с трепещущими язычками голубоватого пламени. За исключением какого-то студента, склонившегося за дальним столом, в лаборатории никого не было. Услышав наши шаги, он оглянулся и, вскочив со стула, восторженно закричал: “Я нашел его! Нашел!” и бросился к нам с пробиркой в руках.

– Наконец-то я нашел реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим!

Вид у него при этом был такой счастливый, словно он набрел на золотую жилу.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Здравствуйте! – приветливо сказал Холмс, пожимая мне руку с силой, которую я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вам довелось побывать в Афганистане.

– Откуда вам это известно? – изумился я.

– Пустяки, – ответил он, тихо засмеявшись. – Главное сейчас – это гемоглобин. – Не сомневаюсь, что вы понимаете всю важность моего открытия?

– С точки зрения химии подобная реакция, конечно, интересна, – ответил я, – но что касается ее практического применения...

– Послушайте, да этого открытия ждали десять лет! – взволнованно говорил он. – Ему же цены нет! А свое практическое применение оно найдет в судебной медицине. Неужели вы не понимаете, что с помощью моего реактива можно безошибочно определять кровяные пятна? Пойдемте-ка вот сюда! – он живо схватил меня за рукав и потащил к столу. – Возьмем немножко свежей крови, – проговорил он, и, ткнув длинной иглой в свой палец, набрал в стеклянную пипетку капельку крови. – Вот так. А теперь я растворяю эту каплю в литре воды. Глядите, вода кажется совершенно чистой. Соотношение количества крови к воде не больше, чем один к миллиону. И все-таки, уверяю вас, что мы получим характерную реакцию, – не переставая говорить, он бросил в банку с водой несколько белых кристалликов, а затем накапал туда какой-то бесцветной жидкости. Содержимое банки мгновенно окрасилось в слабый коричневатый-красный цвет, а на дне появился коричневый осадок.

– Ха, ха! Получилось! – захолопал он в ладоши. Он весь сиял от радости, словно ребенок, получивший новую игрушку. Ну, как? Что вы теперь об этом думаете?

– Весьма любопытно, – уклончиво ответил я.

– Это – великолепно! – Прежний метод с применением гваяковой смолы очень громоздок и так же ненадежен, как и исследование кровяных шариков под микроскопом. А если кровь пролита несколько часов назад, то последнее вообще не имеет смысла. Моя же реакция точно покажет наличие крови, сколько бы времени ни прошло. Да, открой кто-нибудь этот метод лет на пять раньше, многие из тех, кто сейчас разгуливают на свободе, давно бы уже поплатились за свои преступления.

– Вот как? – пробормотал я.

– Раскрытие преступления всегда упирается в эту проблему. Предположим, человек совершил убийство, но его вина не доказана. И все равно еще в течение долгого времени его продолжают подозревать в совершении преступления. Теперь представьте, что при просмотре его белья на нем обнаружили коричневатые пятна. Что это: кровь, грязь, ржавчина, следы фруктов или еще что-нибудь? Вот вопрос, который ставил в тупик многих экспертов, а все почему? Потому что не было надежного анализа. Теперь же мы имеем его, и называется он метод Шерлока Холмса. Все, с очередной проблемой покончено!

Глаза его заблестели счастьем, он приложил руку к груди и томно поклонился, отвечая на восхищенные аплодисменты, вызванные его разыгравшимся воображением.

– В таком случае вас следует поздравить, – проговорил я, пораженный его энтузиазмом.

– Год назад во Франкфурте разбиралось довольно запутанное дело. В убийстве обвинялся сам фон-Бишоф. Но он был отпущен за неимением улик. Если бы мой метод был известен, преступник, несомненно, был бы повешен. А дело Мейсона из Бадфорда? А кровавый Мюллер? Или Лефевр из Монпелье? Наконец, Сэмсон из Нового Орлеана. Я мог бы назвать десятки дел, в которых мой реактив сыграл бы решающую роль.

– Вы – поистине ходячая энциклопедия преступлений, – рассмеялся Стэмфорд. – Я бы посоветовал вам издавать на эту тему специальную газетку. Предлагаю даже название – “Полицейские новости прошлых лет”.

– Вы даже не представляете, какое бы это было увлекательное чтение, – заметил Шерлок Холмс, заклеивая крошечную ранку на пальце кусочком пластыря. – Приходится соблюдать осторожность, – проговорил он, с улыбкой повернувшись ко мне. – Частенько приходится

иметь дело с ядами, – он вытянул руку, сплошь покрытую такими же кусочками пластыря и пятнами от кислот.

– Между прочим, мы к вам пришли по делу, – сказал Стэмфорд, усаживаясь на высокую трехногую табуретку и мыском ботинка придвигая мне другую. – Мой друг доктор Уотсон ищет себе жилье, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что вас необходимо свести.

Было очевидно, что идея разделить со мной квартиру Шерлоку Холмсу понравилась.

– Знаете, я тут присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, – заговорил. – Она бы нам с вами подошла во всех отношениях. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

– Я сам курю “корабельный”, – ответил я.

– Вот и прекрасно. Только вот что еще. Я обычно держу дома химикаты и время от времени ставлю кое-какие опыты. Это не будет вам мешать?

– Нисколько, – ответил я.

– Так. Погодите-ка, какие же еще у меня есть недостатки? Ах, да. Иногда на меня находит хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижаюсь. Просто не обращайтесь на меня внимания, такое состояние у меня скоро проходит. Ну а вам есть в чем покаяться? Пока мы еще не поселились вместе, хорошо бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешил этот взаимный допрос.

– У меня есть шенок-бульдог, – сказал я. – Мне противопоказан шум, потому что нервы у меня сильно расстроены. Еще я могу проваливаться в постели до Бог знает которого часа и вообще я страшно ленив. Когда я здоров, у меня появляется еще ряд пороков, но в данное время эти – самые главные.

– Скажите, игру на скрипке вы тоже считаете шумом? – спросил Шерлок настороженно.

– Это, смотря кто играет, – ответил я. – Приятная скрипичная музыка успокаивает, но плохая...

Холмс не дал мне договорить.

– Ну, тогда у нас все в порядке, – весело рассмеялся он. – Дело можно считать улажено, если, конечно, вас устроят сами апартаменты.

– И когда мы их посмотрим?

– Завтра. Приходите сюда ровно в двенадцать. Отсюда мы поедем на квартиру и обо всем договоримся.

– Очень хорошо. Значит, ровно в двенадцать, – согласился я, и мы распрощались.

Шерлок снова погрузился в свои опыты, а мы со Стэмфордом пошли пешком к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг вспомнил я и повернулся к своему спутнику. – Откуда он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой приятель хитро усмехнулся.

– А это – его главная особенность, – ответил он. – Многие хотели бы узнать, как он умудряется все угадывать.

– Вот оно что. Стало быть, тут кроется какая-то тайна? – воскликнул я, потирая ладони. – Очень занятно! Спасибо, что вы нас познакомили. Как говорится, “чтобы узнать человечество, нужно изучить человека”.

– Так изучайте на здоровье, – пожелал мне Стэмфорд на прощанье. – Правда, Шерлок – орешек довольно твердый. Могу поспорить, что он раскусит вас гораздо быстрее, чем вы его. Всего хорошего.

– До свидания, – ответил я и зашагал к дверям гостиницы, весьма заинтригованный своим новым знакомым.

Глава 2

Дедукция как наука

На следующий день мы встретились, как и договаривались, в полдень и сразу же поехали на Бейкер-стрит, № 221-б, где находилась квартира, о которой Холме говорил накануне. Она состояла из двух удобных спален и просторной, обставленной уютной мебелью гостиной, светлой, с двумя высокими окнами. Сказать по правде, нас устроило все – и прекрасная квартира, и весьма умеренная плата. Поэтому мы решили не тянуть, тут же договорились о найме, и через несколько минут вступили во владение своей недвижимостью. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а наутро ко мне присоединился Шерлок Холмс, прибыв на квартиру с несколькими коробками и саквояжами. Пару дней мы распаковывали и раскладывали свое имущество, стараясь найти для каждой вещи наиболее подходящее место, а затем стали постепенно обживать свое новое жилище, приспособливаясь к новым условиям.

Холмс, безусловно, был не из тех, с кем трудно ужиться. Он вел спокойный, размеренный образ жизни и никогда не изменял своих привычек. В редчайших случаях он засиживался после десяти вечера, утром же, как правило, успевал позавтракать и уйти, пока я еще валялся в постели. Нередко он целый день просиживал в лаборатории или в анатомичке и довольно часто надолго уходил гулять, причем эти прогулки, по-видимому, заводили его в самые глухие закоулки Лондона. Но иногда он вдруг загорался какой-нибудь идеей и начинал бешено работать. В такие моменты он мог отсутствовать круглосуточно. Однако временами он впадал в меланхолию и по целым дням, ничего не говоря, и, как мне казалось, даже не шевелясь, валялся в гостиной на диване. Мечтательный блеск и отсутствующее выражение его глаз наводили меня на мысль о том, что Шерлок принимает наркотики, но размеренность и целомудренность его бытия отвергали подобные подозрения.

По мере того, как проходили недели, меня все сильнее и глубже начинала заинтересовывать и сам Шерлок Холмс, и его интересы. Личностью он был чрезвычайно интересной и яркой. Одна только его внешность могла поразить воображение самого ненаблюдательного человека. Высокий, больше шести футов роста, при своей необычайной худобе он казался еще выше. Взгляд у него, если не считать тех периодов оцепенения, о которых я говорил выше, был острый, пронизывающий, а тонкий орлиный нос придавал его лицу выражение энергии и решимости. Квадратный, чуть выступающий вперед подбородок подчеркивал его волевым, твердым характер. Руки его были вечно измазаны чернилами либо в следах от различных химикатов, но при этом не казались грубыми. Напротив, Шерлок Холмс обладал способностью удивительно осторожно обращаться с вещами. Я сам неоднократно видел, как ловко и умело он орудует со своей хрупкой мудреной химической посудой.

Читатель, пожалуй, сочтет меня отпетым охотником совать нос в чужие дела. Признаюсь, что отчасти это и так, но только когда дело касается Шерлока Холмса. Не раз, снедаемый любопытством, я пытался пробить стену из молчания и скрытности, которой он огораживал все, что касалось лично его. Но не торопитесь осуждать меня за излишнюю любознательность, прежде вспомните сколь бесцельной была тогда моя жизнь. Ведь надо же мне было хоть чем-то занять свой праздный ум. Жил я довольно уныло – здоровье не позволяло мне выходить на улицу в пасмурную или прохладную погоду, друзья, по причине отсутствия таковых, меня не навещали. И только изучение характера и личности Шерлока Холмса как-то скрашивало монотонность моей повседневной жизни. Поэтому я даже радовался ореолу таинственности, окружавшему моего компаньона, и жадно стремился проникнуть в него, тратя на это немало времени.

Моим первым выводом в исследовании Холмса было следующее – он не занимался медициной. Правда, в выяснении этой загадки моей заслуги нет, Шерлок сам сказал мне об этом,

подтвердив тем самым мнение Стэмфорда. Кроме того, я не видел также, чтобы он систематически читал какую-либо специальную литературу, дающую знания для получения ученой степени и обеспечивающую широкую известность и признание. Однако некоторые предметы он изучал с необыкновенным упорством, обогащая себя обширными сведениями в областях совершенно для меня неожиданных и странных. Порой он буквально ошеломлял меня своими познаниями, но особого рода. А его наблюдательность была просто поразительной. Из этого я сделал второй вывод – Шерлок Холмс извлекает из своего внешне бессистемного чтения определенную пользу. Следовательно, за мнимым шараханьем по самым разным книгам угадывался поиск. Это и естественно: ни один разумный человек не станет отягощать свою память мелкими, незначительными фактами и подробностями, которые ему никогда не понадобятся. И еще. Читатели, глотающие все книги без разбору, едва ли могут похвастать глубиной знаний и выводов.

Невежество Холмса было столь же удивительно, как и его знания. Его совершенно не интересовала ни литература, ни философия. Он почти не имел представления о таком важном предмете, как современная политика. Однажды я как-то процитировал Томаса Карлайла, и Шерлок с детской наивностью спросил меня, кто это и что он сделал. Но это еще куда бы ни шло. Настоящий шок я испытал позже, когда совершенно случайно узнал, что Шерлоку Холмсу неизвестна ни теория Коперника, ни строение Солнечной системы. Скажи мне кто-нибудь, что сейчас, в девятнадцатом веке найдется человек, не имеющий понятия о том, что Земля вращается вокруг Солнца, я бы никогда не поверил. И, тем не менее, такой невежа был и, более того, сидел рядом со мной.

– Мне кажется, вы немного удивлены, – улыбнулся Шерлок, заметив мой оторопелый взгляд. – Наверное, я удивлю вас еще больше, если скажу, что я попытаюсь сейчас же забыть все, о чем вы мне рассказали.

– Как забыть?!

– Очень просто, – ответил он. – Забыть – и все. Видите ли, я смотрю на процесс получения знаний несколько иначе, чем вы. Для меня мозг – это пустой чердак, набитый не тем, что попало под руку, а только вещами необходимыми. Только круглый дурак будет захламлять драгоценное помещение рухлядью, практическая польза от которой – ноль. Даже если среди этого хлама и найдется одна нужная вещь, так он до нее никогда не докопается. Вы видели плотника, катящего мельничный жернов? Нет? И не увидите, поскольку каждый берет с собой только тот инструмент, который ему определенно понадобится. Его может быть много, очень много, но он всегда будет уложен в определенном порядке, и найти каждую вещь не составит труда. Вот что такое с моей точки зрения мозг человека. Ошибочно думать, что стенки этой небольшой комнатки эластичны и позволят натащить туда все нужное и ненужное. Отнюдь. Если вы поверите в эту ересь, то, уверяю вас, приобретая новое знание, вы будете обязательно забывать что-то из старого. Хорошенько запомните то, что я вам сказал, и немедленно выкиньте из головы все ненужные с практической точки зрения факты и сведения. Они лишь обременяют ваш мозг.

– И о Солнечной системе тоже? – возмущенно спросил я.

– А на кой черт вам или мне знать о ней? – раздраженно перебил он меня. – Ну, хорошо, я согласен с тем, что мы летаем вокруг Солнца. Но только скажите мне, если б мы летали вокруг Луны, это как-то отразилось бы на моей работе?

Меня так и подмывало воспользоваться случаем и немедленно спросить Холмса о его загадочной работе, но только что-то в его взгляде и выражении лица подсказало мне, что подобный вопрос будет нежелателен. Хотя я и не разделял воинственного невежества Холмса, наш короткий разговор заставил меня задуматься и проверить свои дедуктивные способности. Так. Значит, Шерлок уверяет, что не желает знать ничего ненужного. Мысленно перечислив интересующие его предметы, я взял карандаш и решил составить таблицу образованности Шерлока Холмса. Она отдаленно напоминала маленький классный журнал, куда я занес области челове-

ческих познаний и интересов, а также степень их известности Холмсу. Полученный документ до слез рассмешил меня. Вот как он выглядел.

ШЕРЛОК ХОЛМС – интеллектуальный уровень.

1. Знания в области литературы – Нулевые.

2. – “ ” – философии – Нулевые

3. – “ ” – астрономии – Нулевые

4. – “ ” – политики – Очень слабые

5. – “ ” – ботаники – Неравномерные

Знает свойства белладонны, опиума и ядов вообще.

Не имеет понятия о садоводстве.

6. – “ ” – геологии – Практические, но весьма ограниченные. Может на взгляд определить виды почвы. Неоднократно после прогулок показывал мне пятна засохшей на его брюках грязи и по ее цвету и консистенции определял, из какого она района Лондона.

7. – “ ” – химии – Глубокие.

8. – “ ” – анатомии – Точные, но бессистемные.

9. – “ ” – скандальной хроники – Поразительные. Знает мельчайшие подробности каждого преступления, совершенного в девятнадцатом веке.

10. Хорошо играет на скрипке.

11. Прекрасно фехтует, отличный боксер. Увлекается спортом.

12. Обладает глубокими практическими знаниями английских законов.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул составленный документ перечень. “Ничего не могу понять. По такому набору невозможно догадаться ни о его профессии, ни о целях, которые он преследует”, – пробормотал я и решил больше не ломать себе голову понапрасну.

Даже любовь Шерлока к скрипке не давала никакой разгадки, а только еще больше запутывала меня. Кстати, играл он превосходно. Однажды он без труда исполнил по моей просьбе весьма сложные вещи, например “Песни без слов” Мендельсона и некоторые другие. Однако, оставаясь один, он редко играл что-нибудь вразумительное. Чаще, откинувшись в кресле и положив скрипку на колени, он извлекал из нее лишь режущий уши скрип и визг. Правда, слышались иной раз и аккорды, то печальные, то радостные, но всегда одинаково громкие и пронзительные. Очень вероятно, что они соответствовали настроению самого Шерлока в минуты задумчивости. Но одного я никак не мог определить, то ли музыка способствовала полету его фантазии, то ли являлась результатом этого полета. Рано или поздно я, несомненно, взбунтовался бы против “кошачьих скрипичных концертов”, устраиваемых Шерлоком по вечерам. Однако, словно в качестве компенсации за издевательство над моими нервами, он вдруг разражался целой серией блестящих отрывков из моих любимых произведений.

В первую неделю к нам никто не заходил, и я уже начал подумывать, что мой сосед так же одинок в Лондоне, как и я сам. Но вскоре я обнаружил, что знакомых у него превеликое множество, причем из самых разных слоев общества. Раза три или даже четыре в течение недели заявлялся к нам некто мистер Лестрейд, человек весьма гнусного вида – тощий, с черными бегающими глазками и физиономией, сильно смахивающей на крысиную морду. На следующее утро нас посетила молодая девушка, элегантно одетая. Как я заметил, она провела у Холмса не менее получаса. В тот же день принесло к нам второго гостя – седоволосого и обтрепанного старика, похожего на еврея-старьевщика. Он был сильно возбужден, все время размахивал руками и громко кричал. Не успел он удалиться, как к нам опять позвонили. На этот раз гостьей оказалась ветхая старушонка, слезливая, плохонько одетая, в рваненьких башмачках. Потом Холмса посетил представительный седоволосый джентльмен, а затем привокзальный носиль-

щик в униформе из вельветина. И когда все эти живописные гости заходили к нам, Шерлок неизменно обращался ко мне с просьбой покинуть гостиную. Я соглашался и уходил в спальню. Я не обижался на Шерлока за эти мелкие неудобства, тем более что он всегда извинялся.

– Простите меня, – говорил он, – но гостиная мне нужна для деловых разговоров. Люди, что к нам приходят – это не праздные гости, они – мои клиенты.

В такие минуты у меня вновь открывалась блестящая возможность спросить Холмса в лоб, чем это он так увлеченно занимается, но природная вежливость мешала мне воспользоваться ей и откровенно бестактно совать нос в дела постороннего человека. Я предполагал, что у него нет ни желания, ни причин раскрывать передо мной род своих занятий, но я ошибался – очень скоро Шерлок заговорил на эту тему сам.

Случилось это четвертого марта. Эту дату я так хорошо запомнил потому, что в тот день я, встав раньше обычного, застал Шерлока в гостиной. Он как раз заканчивал завтрак. Наша хозяйка давно привыкла, что я встаю поздно, и не поставила мне прибор и чашечки с кофе. Не знаю, почему это в тот момент я так разобиделся на нее и на все человечество в целом, только с самым недовольным видом я позвонил и коротко намекнул, что уже сижу за столом. Затем я схватил со стола журнал и начал перелистывать его. Заголовок одной из статей был подчеркнут карандашом, и я попытался вникнуть в ее содержание, но вид Холмса, жующего гренки, отчасти мешал мне сосредоточиться.

Название статьи, “Книга жизни”, показалось мне несколько претенциозным. Автор ее уверял – наблюдательный человек может многое понять, если станет подвергать систематическому анализу все, что попадает ему на глаза. Первым моим впечатлением было следующее: статья является поразительным набором из бессмыслицы и здравых рассуждений. Аргументация мне понравилась своей простотой и убедительностью, но сами выводы не впечатляли – они были явно скороспелыми и, очевидно, преувеличенными. На мой взгляд, писака явно перестарался, он договорился до того, что начал утверждать – наблюдайте и по мимолетному выражению лица, по малозаметному движению мускула, по вскользь брошенному взгляду вы узнаете сокровенные мысли человека. Согласно его теории получалось, что обмануть человека с развитой наблюдательностью было попросту невозможно. Причем, выводы свои автор сообщал с таким апломбом, будто они абсолютны и незыблемы, как истины Эвклида. Каждым своим словом он шокировал, удивлял или ошарашивал. Я усмехнулся, подумав, какое сногшибательное впечатление все это окажет на человека неподготовленного и ненаблюдательного. Однако стоило только проследить за ходом мыслей автора, увидеть, что именно стоит за трескучими высокопарными сентенциями, и сразу же все его выводы становились легко уязвимыми.

«По одной только капельке воды, – витийствовал автор, – человек, способный мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал и не слышал ни о первом, ни о втором. Вся жизнь – это огромная цепь причин и следствий, каждое звено которой вбирает в себя всю ее природу. Подобно другим искусствам, наука дедукции и анализа постигается долгим и кропотливым трудом, но поскольку жизнь слишком коротка, то ни одному из смертных так и не удастся достичь в обсуждаемом предмете полного совершенства. Но, прежде чем вникать в моральные и интеллектуальные аспекты, которые представляют главную трудность, человеку, интересующемуся данным предметом следует начать с решения более простых задач. Начните с малого – научитесь с первого взгляда определять характер и привычки стоящего перед вами человека, угадывайте род занятий встреченных вами случайных людей. На первый взгляд мое предложение может показаться вам пустячной детской забавой, но именно она отточит вашу наблюдательность, научит вас, на что следует обращать внимание прежде всего. Присмотритесь к ногтям человека, к рукавам его костюма и рубашки, обратите внимание на его обувь и брюки, и вы немало узнаете о нем. Но вы узнаете еще больше, если посмотрите на его пальцы или лицо. И все, собранное вместе, даст вам полную картину о исследуемом индивидууме».

– Дичь какая-то! – воскликнул я и швырнул журнал обратно на стол. – В жизни не читал подобной ахинеи.

– О чем это вы? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да об одной статейке вон оттуда, – я ткнул в журнал чайной ложечкой и принялся за свой завтрак. – Судя по вашим пометкам, вы ее уже прочитали. Написано бойко, не спору, только меня с души воротит от такой напористости. Ясно, что писал статейку кабинетный философ, не знающий жизни... Прекрасно устроился – сидит себе в уединении, в мягком удобном кресле, сочиняет милые изящные парадоксы. А попробовал бы он влезть утром в подземку и поупражняться в наблюдательности. Да я ставлю тысячу фунтов против одного, что он не определит ни характера, ни профессии человека, отдавшего ему ноги.

– Боюсь, что вы проиграете, – хладнокровно заметил Холмс. – А что касается автора статьи, то он сидит перед вами.

– Вы?! – изумился я.

– Да, я. У меня есть склонность наблюдать и делать выводы. А теории, которые я в этой статье изложил, и которые вам столь не понравились по причине, как вы изволили выразиться, дикости, на самом деле не измышления полусонного бездельника из пыльного кабинета, а плод долгих практических занятий. И, смею заметить, они обрели вполне прикладное значение хотя бы потому, что именно им я обязан куском хлеба. С сыром, – прибавил Холмс.

– Но каким образом? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Видите ли, я – единственный в своем роде специалист. Полагаю, что таких, как я в мире больше нет. Я – детектив-консультант, если вам что-нибудь говорит это определение. В Лондоне тьма тьмущая детективов, как частных, так и содержащихся правительством. Но не все они блещут профессионализмом. Иногда они попадают в тупик и тогда срочно мчатся ко мне. Я выслушиваю все детали дела и направляю их по верному следу. Правда, прежде мне нужно знать обстоятельства вплоть до мельчайших деталей, но, познакомившись с ними, я могу все расставить по своим местам. Сделать правильный вывод мне помогает мое знание преступлений. Дело в том, что все преступления имеют много общего, они – словно выходцы из одной фамилии. Поэтому, если вам известны детали тысячи преступлений, то я крайне удивлюсь, если вы не раскроете тысячу первое. Лестрейд – детектив весьма известный, но недавно, расследуя одно интересное дело о мошенничестве, основательно запутался и, вполне естественно, обратился ко мне.

– А остальные?

– В большинстве случаев их направляют ко мне частные агентства. Все это – люди, попавшие в беду и жаждущие совета. Я выслушиваю их рассказы, затем делаю свои выводы и получаю за это гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, – вставил я, – что вы можете раскрыть самое запутанное преступление, не выходя из этой гостиной, тогда как другие, знакомые с деталями преступления или даже свидетели его, не в состоянии сделать этого?

– Совершенно верно, – подтвердил Холмс. – На этот счет у меня есть особая интуиция, нюх, если хотите. Правда, иной раз попадаются настолько запутанные дела, что приходится немного посуетиться, побегать, посмотреть на кое-какие вещи самому. Я обладаю всеми необходимыми знаниями, которые и применяю для решения той или иной проблемы. Изложенные в статье правила дедукции, или искусства анализировать и делать выводы, хотя и вызвали у вас такой презрительный отклик, имеют для меня самое практическое значение. Наблюдательность – моя вторая натура, они въелись мне в плоть и кровь. Помните, как вы удивились, когда при первой нашей встрече я сказал вам, что вы приехали из Афганистана?

– Ничего удивительно, вам заранее рассказали обо мне, – усмехнулся я.

– Да, но только вы сами. Ваша внешность. Стоило мне только взглянуть на вас, как я сразу все понял. От долгого упражнения в наблюдательности и анализе я уже не замечаю, как в моем

мозгу собирается логическая цепочка. Это происходит автоматически. Я делаю вывод непроизвольно и быстро, не задумываясь над тем, как я пришел к нему. Рассказывать об этом скучно, но если хотите, то слушайте. Ход моих рассуждений был приблизительно таков: “Передо мной стоит человек по внешности определенно врач, но с военной выправкой. Следовательно, он – военный врач. Он недавно приехал из тропиков, – лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, а загар, поскольку запястья у него белые. Кроме того, лицо у него изможденное, значит, он много страдал и, вероятнее всего, долго болел. Левую руку держит неподвижно и немного неестественно – скорее всего, вследствие ранения. Вопрос, в какой части тропиков военврач мог быть ранен? Ответ единственный – в Афганистане”. Вот, собственно, и все. Скажу только, что весь это логический ход не занял у меня и секунды. После этого я заметил вам, что вы приехали из Афганистана, и это замечание вас, похоже, весьма удивило.

– Вон как, – усмехнулся я. – Да, ничего удивительного. Все просто, но только когда вы об этом рассказываете. Знаете, вы напоминаете мне Дюпена из романов Эдгара Алана По. Никогда бы не подумал, что такие люди встречаются не только в романах, но и в жизни.

Шерлок Холмс встал и начал раскуривать трубку.

– Вы, вероятно, считаете, что сильно польстили мне, сравнив меня с Дюпеном, – заметил он с ноткой недовольства. – Но, по моему мнению, Дюпен – просто заурядная посредственность. Конечно, это весьма эффектно – помолчать минут пятнадцать, а потом, словно невзначай, бросить эдакую глубокомысленную фразу и тем сбить с толку приятеля. Дешевый театральный трюк. Нет, ему не откажешь в некоторой способности к анализу, но, в общем, Дюпен слабоват. Он никак не тянет на интересную личность, каковым его ошибочно считал сам По. При известной доле воображения он мог бы придумать кое-что и поинтереснее.

– А вы читали Габорио? – спросил я. – Как бы вы оценили Лекока?

Шерлок Холмс презрительно хмыкнул.

– У этого жалкого недоумка есть только одно достоинство – его бешеная энергия. Меня едва не стошнило от книги Габорио. Эка задача – установить личность преступника, уже сидящего в тюрьме. Я бы это сделал в двадцать четыре часа. Лекок же мыкается с этой проблемой полгода и вполне естественно – для его слабенького умишки это почти неразрешимая задача. Эту книжку необходимо рекомендовать как учебник, в ней прекрасно описано то, чего никогда не должен делать сыщик.

Признаться, я был слегка раздражен. Шерлок развенчал двух моих любимейших литературных героев, причем сделал это небрежно, буквально походя. Я отошел к окну и принялся рассматривать шумящую улицу. “Он, конечно, умен, ничего не скажешь. Но чересчур самоуверен”.

– В наши дни уже нет ни преступлений, ни преступников, – недовольно заговорил Шерлок. – Мозг в нашем деле становится ненужным инструментом. Я знаю, что мог бы прославиться. Не было и нет на свете человека, который отдал бы столько времени и таланта на изучение техники раскрытия преступлений, сколько отдаю я. Но какой от этого толк? Нет настоящих преступлений, а значит, и раскрывать нечего. Случаются, конечно, иной раз кое-какие делишки. Но в основном – топорщина, примитив. Причем, с такими очевидными мотивами, что их способны увидеть даже детективы из Скотланд-Ярда, но и только. Скучно.

Меня все больше раздражал тон Шерлока, его вызывающее нахальство и высокомерие, и я решил сменить тему разговора.

– Интересно, что он там высматривает? – спросил я, показывая на дюжего, просто одетого человека. Неторопливо шагая по противоположной стороне улицы, он то и дело поглядывал на номера домов. Это был явно посыльный – в руке он держал большой синий конверт.

– Вы имеете в виду отставного сержанта морской пехоты?

“Вот надоел. Корчит тут из себя всезнайку”, – подумал я. – “Понимает, что я не брошусь на улицу проверять его слова”.

Не успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и торопливо перебежал через улицу. Мы услышали громкий стук, затем глухой низкий голос и тяжелые шаги на лестнице.

– Для мистера Шерлока Холмса, – произнес посыльный, входя в комнату и протягивая моему приятелю конверт.

«Прекрасная возможность сбить с Шерлока спесь», – обрадовался я. – «Какая удача. Он наверняка не ожидал, что этот тип поднимется к нам».

Я с самым невинным видом подошел к посыльному.

– Извини меня, приятель, – вкрадчиво заговорил я. – Могу ли я тебя кое о чем спросить? Например, чем ты занимаешься?

– Как чем? Служу посыльным, – довольно грубо ответил тот. – Униформы на мне нет? Так я отдал ее в починку, обтрепалась маленько.

– А кем ты служил раньше? – задал я свой коварный вопрос и бросил в сторону Шерлока многозначительный взгляд.

– Сержантом королевской морской пехоты, сэр. Ответа не будет? Нет? Слушаюсь, сэр! – прищелкнув каблуками, он выбросил вверх руку. Отсалютовав нам, он вышел из комнаты.

Глава 3 Тайна Лористон-Гарденс

Признаться, получив свежее доказательство правильности выводов моего компаньона, я был ошеломлен. Мое уважение к его аналитическим способностям неизмеримо возросло. И все же глубоко внутри беспокоил меня червячок сомнения: не был ли весь этот эпизод подстроен заранее. Хотя, с какой стати Шерлоку лишний раз поражать меня своими незаурядными талантами? Какая ему польза от этого? Тем не менее, некоторые сомнения оставались. Я взглянул на Шерлока. Он уже закончил читать письмо и отсутствующим взглядом смотрел перед собой. Я уже нередко замечал это выражение глаз Холмса и обратил внимание, что при всей своей отвлеченности оно свидетельствовало о напряженной работе мысли.

– Черт подери, как вы догадались? – спросил я.

– Догадался о чем? – раздраженно отозвался он.

– Ну, о том, что этот человек – отставной сержант морской пехоты?

– У меня нет времени на пустяки, – резко ответил он, но тут же спохватившись, улыбнулся и уже мягче прибавил: – Простите, меня за грубость. Вы прервали ход моих мыслей, но, возможно, это и очень кстати. Так вы, стало быть, не поняли, что перед вами флотский сержант?

– А откуда ж я мог понять?

– Как я уже говорил вам, это легче увидеть, чем объяснить. Представьте на секунду, что вам требуется доказать простую вещь, что дважды два – четыре. Уверяю, вы не сможете этого сделать без подготовки, хотя сам результат не вызывает у вас сомнений. Так вот. Даже на таком расстоянии я увидел у него на руке татуировку – большой синий якорь. Из этого я сделал вывод, что человек был связан с морем. Выправка у него военная, на лице – баки, тоже любимое украшение военных. Следовательно, перед нами военный моряк. Потом я обратил внимание на его уверенную походку, некоторый налет властности на лице и на гордо поднятую голову. И заметьте, как твердо он ставит трость. Из этого я сделал заключение, что это не простой матрос, а офицер. А возраст его говорит, что он в отставке. Вот и все объяснение. Сложите эти факты, и вы получите бывшего флотского сержанта, а ныне почтенного пожилого человека с устоявшимися привычками и размеренной жизнью.

– Вот это да! – восторженно воскликнул я.

– Ничего особенного, – ответил Холмс. Но по его деланно безразличному лицу я понял, что он доволен произведенным на меня впечатлением. Ему явно льстило, что я так восхищаюсь его талантом. – Кстати, совсем недавно я жаловался на отсутствие настоящих преступлений. Очень похоже, что я ошибался. Взгляните-ка вот на это, – он перебрал мне через стол письмо, которое принес посыльный.

– Какой ужас! – воскликнул я, пробегаю его. – Просто невероятно!

– Да, здесь мы имеем дело с преступлением из ряда вон выходящим, – спокойно заметил Холмс. – Вас не затруднит прочесть письмо еще раз, но уже вслух?

Я взял его и стал читать:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме № 3 на Лористон-гарденс, недалеко от Брикстон-роуд произошло чрезвычайное происшествие. Около двух часов ночи наш полисмен, делавший обход, заметил в пустующем доме свет. Заподозрив неладное, он подошел к дому и обнаружил, что дверь в него открыта, а в передней, совершенно пустой, лежит труп неизвестного хорошо одетого джентльмена. В кармане его пальто полисмен нашел визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из города Кливленда, штат Огайо, США. Намеков на разбойное нападение – никаких. В комнате имеются пятна крови, но признаков насильственной смерти на трупе не обнаружено. Как он очутился в пустующем доме – непонятно, и вообще все дело – сплошная загадка. Если хотите застать меня здесь, то приезжайте до двенадцати дня. До вашего прибытия в доме все останется так, как было. В случае невозможности приехать сюда, заходите ко мне, я познакомлю вас с деталями и сочту за честь выслушать ваше мнение по этому делу. С уважением, Тобиас Грегсон».

– Грегсон – самый толковый сыщик в Скотланд-Ярде, – заметил Холмс. – Кроме него кое-какие надежды подает еще Лестрейд, все остальные просто бездари. Грегсон и Лестрейд энергичны, умеют думать, и, разумеется, терпеть друг друга не могут. Постоянно между собой «на ножах», ревнивы, как красотки из одного театра. Представляю, какая будет потеха, если они оба нападут на след.

Шерлок говорил на удивление спокойно, даже бесстрастно. Речь его текла словно ручеек.

– Как вы можете говорить так, когда нельзя терять ни секунды! – воскликнул я. – Я пойду вниз, позову кэб.

– Зачем? Я не уверен, что поеду туда. Ко всем моим прочим недостаткам я еще и ленив. Правда, случается, что и я становлюсь расторопным.

– Но вы же мечтали о таком деле!

– Мой дорогой Уотсон, ну какой мне от него прок? Ну, побегаю я, раскрою это дело. А дальше-то что? Вся слава достанется Грегсону и Лестрейду с их компанией. Я – лицо неофициальное, мое имя нигде упоминаться не будет.

– Но он просит у вас помощи.

– Да, – согласился Шерлок. – Он – малый проницательный, сразу смекнул, что это дело ему не по зубам. Видите, как торопится? Записки пишет, умоляет. Но только запомните – когда дело будет раскрыто, тот же Грегсон под пыткой не скажет, что обращался ко мне. Ну, хорошо, считайте, что вы меня уговорили. Поедем, посмотрим и там я решу – браться мне за это дело или нет. Я ведь могу вести и свое собственное расследование, никого не ставя в известность о результатах. Позже хоть посмеемся над этими умниками, тем и утешимся. Пошли!

Апатия сменилась приступом кипучей деятельности. Холмс бросился к вешалке и торопливо натянул пальто.

– Не забудьте надеть шляпу, – предупредил он меня.

– Вы хотите, чтобы я поехал с вами?

– Да, если вам больше нечем заняться.

Уже через минуту мы были в кэбе, стремительно мчавшем нас в сторону Брикстон-роуд.

Погода была пасмурной и сырой. Нависшие над самыми крышами домов густые серые облака казались отражением расстилавшихся под ними грязных лондонских улиц. Мой спутник был в отличном настроении. Он что-то рассказывал о кремонских скрипках, втолковывал мне, в чем состоит разница между инструментами Страдивари и Амати. Я же всю дорогу лишь молчал. Противное утро, промозглое и безрадостное словно соответствовало тому мрачному делу, по которому мы ехали.

Когда экскурс в мир музыкальных инструментов мне начал основательно надоедать, я едко заметил:

– Вижу, вас не очень-то интересует причина нашей поездки.

– А о чем думать, если у нас еще нет никаких фактов, – спокойно ответил он. – Нельзя теоретизировать, строить догадки и предположения, не зная всех обстоятельств дела. В дальнейшем это может повлиять на весь ход расследования.

– Но скоро вы получите на руки все факты, – ответил я. – Кстати, мы приехали. Брикстон-роуд. И если я не ошибаюсь, вот это, – я ткнул пальцем, – и есть тот дом, который нам нужен.

– Точно. Стойте! Кучер, стойте!

Хотя мы не доехали ярдов сто, Холмс настоял на том, чтобы до нужного места мы шли пешком.

Дом № 3, один из четырех, стоящих по Лористон-гарденс, в стороне от Брикстон-роуд, производил мрачное впечатление. Темного цвета зловещее здание словно таило в себе угрозу. Это был один из двух нежилых домов, другие два были заселены. Мы осмотрели три ряда темных угрюмых окон. На некоторых из них, словно бельмо на глазу, висела надпись «Сдается внаем». Небольшие садики, заросший сорной травой и чахлым кустарником, огораживал каждый дом от улицы. Садики были изрезаны узкими дорожками желтоватого цвета, засыпанными, судя по всему, смесью из гравия и глины. Из-за прошедшего недавно дождя вся земля превратилась в скользкую жижу. Трехфутовый кирпичный забор с деревянной решеткой наверху огораживал все здания. Верзила-констебль, прислонившись к забору, стоял в окружении немногочисленной толпы зевак. Наиболее любопытные вытягивали шеи, тщетно пытаясь хоть одним глазком увидеть, что происходит за забором.

Признаться, не так я представлял себе действия Шерлока Холмса. Мне казалось, что он сразу, с места в карьер ринется внутрь дома и начнет разгадывать таинственное убийство. К моему удивлению, произошло как раз обратное. С видом праздного гуляки, крайне, я считаю, не соответствующим серьезности обстоятельств, Холмс принялся прохаживаться по тротуару, лениво оглядывая садик, дом и забор. Осмотрел он и дома, стоящие напротив. Иногда он глядел на небо, затем снова обращал взор свой вниз, на траву, росшую по краям дорожек, и на почву. Затем, не отрывая взгляда от земли, он неторопливо пошел по дорожке, точнее по траве, росшей рядом с ней. Дважды он останавливался и один раз я заметил на лице его улыбку и услышал довольное бормотанье. На мокрой, глинистой земле осталось множество следов. Я не мог понять, что надеется увидеть Холмс в этой глиняной каше. И все же мне повезло – я вновь смог убедиться в необычайной проницательности Холмса. Среди этого месива ему удалось разглядеть многое из того, что оказалось скрытым от меня.

В дверях дома нас встретил высокий человек с белым лицом, льняными волосами и блокнотом в руке. Он бросился к нам и с чувством пожал руку моему спутнику:

– Благодарю вас за то, что нашли время приехать, – заговорил он. – Здесь все осталось так, как и было.

– Если не считать вот этого, – ответил Шерлок, кивая в сторону дорожки. – Такое впечатление, что здесь прогнали стадо бизонов. Однако не сомневаюсь, что прежде, чем это случилось, вы все осмотрели и уже пришли к некоторым выводам.

– Честно говоря, я занимался внутренним осмотром, – уклончиво ответил сыщик. – Здесь находится мой коллега, мистер Лестрейд, и я надеялся, что он проследит за этим.

Холмс бросил на меня многозначительный взгляд и саркастически поднял брови.

– О, ну раз тут находятся два таких человека, как вы и Лестрейд, нам здесь делать нечего.

Грегсон удовлетворенно потер ладони.

– Полагаю, мы проделали все, что требуется в подобных случаях, – уверенно произнес он. – Правда, здесь попахивает замысловатым дельцем, а вы, как я знаю, любите такие.

– Как вы сюда добирались? Не в кэбе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр, пешком.

– Тогда пойдемте внутрь и взглянем на комнату, – сделав это замечание, показавшееся мне нелогичным и непоследовательным, Шерлок направился в дом. Грегсон, удивленный не меньше меня, шел позади.

Небольшой, пыльный, коридор, с полом из неокрашенных досок вел на кухню и другие хозяйственные помещения. Две двери располагались справа и слева от коридора. Одна из них, судя по ее виду, не открывалась давно, через другую мы прошли в гостиную, где и было совершено таинственное преступление. Холмс вошел в гостиную первым, я проследовал за ним. Настроение у меня было подавленное, такое всегда бывает у человека, сталкивающегося со смертью.

Просторная квадратная комната из-за отсутствия в ней мебели казалась громадной. Аляповатые обои местами покрывала плесень, а кое-где они и вовсе отвалились и свисали кусками, обнажая желтоватую штукатурку. Напротив двери находился претенциозный камин, безвкусная имитация “под мрамор”. В верхней его части, на самом краю полки был прилеплен огарок красной восковой свечи. Свет пробивался в комнату сквозь грязное стекло единственного окна, и от того все вокруг казалось серым и угнетающим. Это впечатление усиливал толстый слой пыли, лежащей на полу.

Все эти детали я заметил гораздо позже. Сейчас же мое внимание приковала одинокая мрачная фигура, неподвижно лежащая на полу. Пустые, невидящие глаза были устремлены в обшарпанный потолок. Убитым оказался мужчина примерно сорока трех – сорока четырех лет, среднего роста, широкоплечий, с жесткими курчавыми черными волосами и коротенькой, торчащей кверху бородкой. Одет он был в сюртук из плотной шерстяной ткани, из-под которого виднелся жилет, и в светловатые брюки. Воротник и манжеты манишки поражали своей белизной, такой неестественной на фоне подавляющей серости комнаты. Великолепного покроя изящный цилиндр валялся рядом с ним. Руки мужчины были раскинута, пальцы крепко сжаты в кулаки, ноги неестественно согнуты. Не вызвало сомнений то, что смерть его была мучительной. На его мертвенно бледном лице застыло выражение ужаса и, как мне показалось, ненависти – подобной устрашающей маски смерти мне еще не приходилось видеть. Его злобная гримаса, низенький лоб, мясистый нос и выступающая вперед нижняя челюсть – все это, усиленное неестественностью позы, придавало убитому поразительное сходство с обезьяной. Я видел много смертей, но никогда еще лик ее не был столь ужасен. Возможно, на мое восприятие повлияла атмосфера комнаты, да и самого пустынного, угрюмого здания, расположенного в пригороде Лондона.

Лестрейд, тощий, похожий на хорька, появился в дверях и поприветствовал нас.

– Похоже, это дело произведет большой шум, сэр, – заметил он. – В полиции я далеко не новичок, но такого видеть мне не приходилось.

– Есть какие-нибудь зацепки? – поинтересовался Грегсон.

– Никаких, – откликнулся Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к телу и, опустившись на колени, принялся внимательно его рассматривать.

– Вы уверены в том, что на теле нет ран? – спросил он, указывая на пятна и капли крови, которыми был испачкан весь пол.

– Абсолютно! – хором ответили Грегсон и Лестрейд.

– Тогда, это кровь кого-то другого – вероятно, убийцы, если, конечно, в данном случае мы имеем дело именно с убийством. Что-то мне во всем этом напоминает обстоятельства гибели Ван Янсена в Утрехте, в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Обязательно прочтите о нем, оно того стоит. Ничто не вечно под луной. Все происходящее уже когда-то случалось.

Не переставая говорить, он внимательно изучал тело. Его тонкие, чуткие пальцы, пальцы скрипача деловито ощупывали труп, нажимая то на одну, то на другую точку, расстегивая и застегивая пуговицы. При этом глаза Шерлока Холмса сохраняли все то же отсутствующее выражение. Быстрота и четкость, с которой проделывался осмотр, вызывала у меня неподдельное восхищение. В заключении он понюхал губы трупа и осмотрел подошвы дорогих кожаных туфель.

– Его никто не двигал? – спросил он.

– Не больше, чем было необходимо для осмотра.

– Можете отпирать тело в морг, – сказал Шерлок Холмс. – Изучать больше нечего.

Грегсон позвал своих помощников, те погрузили тело на носилки, подняли, и в этот момент внезапно упавшее кольцо с тихим звоном покатило по полу. Лестрейд схватил его и принялся внимательно рассматривать.

– Да здесь, оказывается, была женщина, – воскликнул он. – Это женское обручальное кольцо.

Говоря, он вытянул руку с находкой. Мы окружили Лестрейда, пристально рассматривая лежащее на его ладони кольцо. Не было сомнений в том, что это хоть и золотое, но дешевенькое и простенькое колечко когда-то украшало тонкий женский пальчик.

– Это еще больше усложняет дело, – глубокомысленно произнес Грегсон. – Нам здесь и так ничего не ясно, а тут еще это кольцо.

– А вам не приходила в голову мысль, что оно как раз и упрощает дело? – заметил Холмс. – Только бесполезно сейчас его рассматривать. Лучше скажите, что вы обнаружили в его карманах.

– Вещи все там, – ответил Грегсон, тыкая пальцем на кучку предметов, лежащих на нижней ступеньке лестницы. – Золотые часы с номером девятьсот семьдесят один, шестьдесят три, купленные в магазине Баро, в Лондоне. Массивная золотая цепочка, очень дорогая. Золотое кольцо с каким-то масонским знаком. Золотая булава в форме головы бульдога. Бумажник для визитных карточек, судя по коже, сделанный в России. Сами визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда. Не поддельные, на белье у него вышиты те же буквы “Е. Дж. Д.”. Кошелек нет, но в карманах у него мы обнаружили семь фунтов и тридцать шиллингов. Еще нашли небольшую книжицу, «Декамерон» Боккаччо, с надписью «Джозеф Стенгерсон» на титульном листе. Два письма – одно адресовано Е. Дж. Дребберу, а другое – Джозефу Стенгерсону.

– Какой на нем адрес?

– Стренд, Американская биржа, до востребования. Оба письма были посланы пароходной кампанией «Гийон» и касались отплытия их кораблей из Ливерпуля. Совершенно ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

– Вы уже начали поиски этого Стенгерсона?

– Конечно, сэр, – ответил Грегсон. – Я разослал объявления во все газеты, а один из моих людей отправился на Американскую биржу, но пока еще не вернулся.

– Вы послали запрос в Кливленд?

– Сегодня утром отправили им телеграмму.

– И какого же содержания?

– Мы описали происшедшее и выразили признательность на тот случай, если они предоставят нам нужную информацию.

– А вы не попросили сообщить вам какие-нибудь на их взгляд необычные детали его биографии?

– Я просто справился насчет Стенгерсона.

– И больше ни о чем? Разве у нас нет обстоятельств, на которые может опираться все это дело? Может быть, вам стоит еще раз связаться с ними?

– Я спросил абсолютно все, что требуется, – сухо ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и, как мне показалось, собрался было что-то заметить, когда Лестрейд, который во все время нашего разговора оставался в передней, снова возник перед нами. Напыщенный и самоуверенный, он стоял, довольно потирая руки.

– Мистер Грегсон, – торжественно произнес Лестрейд, – только что я совершил открытие чрезвычайной важности. Не прояви я настойчивости и несвойственного некоторым усердия, обследуя стены, на него никто бы не обратил внимание.

Глаза маленького человечка сияли от восторга. Казалось, еще немного, и он запрыгает от радости, сознавая, что перещеголял своего коллегу.

– Идемте скорее, – сказал он, торопливо возвращаясь в комнату, которая после того, как оттуда убрали ее страшного обитателя, будто стала немного посветлее. – А теперь встаньте здесь!

Чиркнув о ботинок спичкой, он поднес ее к стене.

– Смотрите-ка! – восторженно сказал он. Его так и распирало от гордости.

Как я уже говорил раньше, обои в некоторых местах свисали со стен. В одном из углов комнаты от стены отошел особенно большой кусок, обнажив шершавую стену, покрытую желтой штукатуркой. На ней громадными кроваво-красными буквами было выведено всего лишь одно слово – «Rache».

– Ну и что вы об этом думаете? – победно воскликнул детектив. – Эту надпись не заметили потому, что здесь самый темный угол, и никто даже не догадался заглянуть сюда. Убийца сделал эту надпись своей кровью. Посмотрите на это пятно, здесь рука его или ее, потому что преступником могла быть и женщина, дрогнула и кровь потекла! В любом случае, здесь пахнет убийством! Но почему был выбран именно этот угол? Не догадываетесь?! Так я вам сейчас скажу! Видите вон ту свечу на каминной полке? В то время, когда она горела, а я уверен, что она горела, этот угол был самым светлым. Это сейчас он самый темный, поскольку свеча не зажжена.

– Ну и что из того, что мы нашли эту надпись? – поинтересовался Грегсон язвительным тоном.

– Как это что? Теперь мы знаем твердо – тот человек, кто вывел эту надпись, хотел написать женское имя «Рэчел», но не успел. Его или ее что-то встревожило. Попомните мои слова, когда эта загадка начнет постепенно проясняться, обнаружится женщина с таким именем, и она будет иметь касательство к данному делу. Можете смеяться сколько угодно, мистер Шерлок Холмс. Вы у нас известный умник и большой дока по части раскрытия преступлений, но старая ищейка оказалась надежнее именно здесь, где все уже, казалось бы, сказано и сделано.

– Я прошу прощения, – произнес мой спутник, взрывом хохота разгневав маленького человечка. – Ваши слова – абсолютная правда, и вы действительно первым из нас обнаружили эту надпись, подтверждающую, что существует еще один участник этой ночной драмы. У меня

не было времени осмотреть эту комнату, и с вашего разрешения именно этим я сейчас и собираюсь заняться.

В подтверждение своих слов он извлек из кармана рулетку и огромную круглую лупу. Вооружившись этими предметами, Шерлок Холмс начал бесшумно перемещаться по комнате. Время от времени он на мгновение замирал, иногда опускался на колени, а один раз даже лег на пол. Он был настолько поглощен своим занятием, что, казалось, даже не замечал нашего присутствия, тишину нарушали лишь его бормотание, многозначительные вздохи и радостные возгласы. Взглянув на Холмса, я вдруг подумал, что он поразительно напоминает чистокровную, отлично вышколенную гончую, которая с пылом и рвением бросается в чашу и носится там в поисках следа. Изучение комнаты продолжалось более двадцати минут. Холмс, как и всегда, ничего не объясняя, дотошно измерял расстояние между совершенно невидимыми для меня следами и прикладывал рулетку к стенам. В одном месте, наклонившись, он осторожно поднял с пола маленький комочек серой пыли и аккуратно ссыпал его в конверт. Наконец он с помощью лупы обследовал написанное на стене слово, пристально, по целой минуте рассматривая каждую букву. Наконец, в качестве доказательства, что осмотр закончен, Холмс спрятал обратно в карман рулетку и лупу.

– Существует мнение, что гений – это бесконечное трудолюбие, – с улыбкой заметил он. – Хотя это довольно неверное суждение, но к работе детектива оно имеет самое непосредственное отношение.

Дилетантские, по мнению Грегсона и Лестрейда, выходки Холмса вызывали у них, профессионалов, огромное любопытство, смешанное с легким презрением. Очевидно, эти двое джентльменов не совсем понимали того, что я постепенно начал осознавать – даже самые незначительные и неожиданные действия Шерлока Холмса приводят к вполне определенным практическим результатам.

– И что вы думаете обо всем этом, сэр? – хором спросили детективы.

– С моей стороны было бы несправедливо мешать вам в раскрытии этого дела, – заметил мой друг. – Ваша правота столь очевидна, что было бы просто глупо пытаться давать вам советы, – в голосе его отчетливо слышались нотки сарказма. – Если вы позволите мне ознакомиться с тем, как проходит расследование, – продолжал он, – я буду счастлив оказать вам любую посильную помощь. И вот еще что. Я хотел бы поговорить с констеблем, который обнаружил тело. Вы можете дать мне его имя и адрес?

Быстрым движением Лестрейд раскрыл блокнот.

– Джон Ренс, – произнес он. – Он сегодня дома, отдыхает после дежурства. А живет он на Одли-корт сорок шесть, Кеннингтон-парк-гейт. Поезжайте туда, и вы его найдете.

Холмс записал адрес.

– Пойдемте, доктор, – решительно произнес он. – Мы должны обязательно встретиться с ним. Возможно то, что я скажу вам, окажет содействие в раскрытии этого дела, – продолжал он, обращаясь уже к двум детективам. – Здесь было совершено убийство, и убийцей был мужчина. Он ростом выше шести футов, молодой, для своего роста у него небольшой размер ноги, обут он в грубые, тупоносые ботинки и курит трихинопольские сигары. Сюда он приехал со своей жертвой в четырехколесном кэбе, запряженном лошадью с тремя старыми и одной новой подковой. По всей вероятности, у убийцы красное лицо, и довольно длинные ногти на правой руке. Это всего лишь детали, но они могут вам помочь.

Лестрейд и Грегсон переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Но если вы знаете, кто убийца, то как, скажите, он это сделал? – спросили они.

– Яд, – коротко ответил Шерлок Холмс и тут же продолжил. – Да, и еще, Лестрейд, – уже стоя в дверях, он повернулся. – “Rache” – это немецкое слово, означающее “месть”, так что не тратьте время на поиски мифической девушки по имени Рэчел, – бросил он через плечо и

величественно удалился из комнаты. Оба детектива проводили Шерлока Холмса обалдевшим взглядом.

Глава 4

О чем нам поведал Джон Ренс

Был час дня, когда мы покинули дом номер три по Лористон-гарденс. Шерлок Холмс потащил меня к ближайшему телеграфу, где отправил какую-то длинную телеграмму. Затем, кликнув кэб, он приказал кучеру доставить нас по адресу, который дал нам Лестрейд.

– Нет ничего лучше, чем первоклассный свидетель, – заметил Холмс. – Строго говоря, в уме я уже раскрыл это дело, остается лишь собрать факты.

– Вы удивляете меня, Холмс, – произнес я. – Вы так уверенно говорите о деталях преступления. Неужто вы и в самом деле не сомневаетесь в том, что все произошло именно так?

– Ошибки тут быть не может, – ответит он. – Первое, что я сразу заметил, так это две колеи, оставленные колесами на обочине. Дождя, как вы знаете, не было в течение недели, за исключением прошлой ночи. Значит, кэб подъехал к дому ночью. Он и оставил эти отпечатки. Потом я обнаружил следы копыт лошади, контур одной из которых был более четким, чем остальные три. Следовательно, одна подкова у лошади была новая. Кэб приехал сюда, когда уже шел дождь, утром никто не приезжал – это подтверждают слова Грегсона, значит он на нем, ночью, и приехали те двое.

– Со стороны все выглядит довольно просто, – сказал я. – Но как, скажите, вы узнали о росте убийцы?

– Видите ли, рост человека в девяти случаях из десяти, можно определить по длине его шага. Это довольно простые вычисления, но я не хочу надоедать вам рассказами о них. Я измерил шаг убийцы в саду и в комнате. Позже у меня была возможность проверить свои вычисления. Обратите внимание, что когда человек пишет на стене, он машинально делает это на уровне глаз. А буквы в комнате были написаны на высоте шести футов. Вот и все. Как говорится, детская задачка.

– Ну а его возраст?

– Посудите сами, человек, способный с легкостью перемахнуть лужу шириной в четыре с половиной фута, не может оказаться немощным старцем. Лакированные ботинки обошли ее, тогда как Ботинки с квадратными мысами лужу перепрыгнули. Во всем этом нет никакой загадки. Я просто использую в повседневной жизни некоторые из правил, которым нас учит наблюдательность, а затем делаю выводы. Кстати, об этом же я говорил в своей статье. Так, ну и что еще смущает вас?

– Ногти и трихинопольские сигары, – подсказал я.

– Надпись на стене сделали, обмакнув указательный палец в кровь. Рассмотрев эти буквы под лупой, я заметил, что штукатурка на стене слегка поцарапана. Будь ногти этого человека коротко острижены, этого не случилось бы. Подобрав разбросанный с пола пепел, я рассмотрел его. Он имеет темный оттенок и слоится, такой оставляют только трихинопольские сигары. Я специально изучал пепел различных сортов табака, и даже написал об этом небольшое исследование. Могу похвастать, что мне достаточно одного беглого взгляда на пепел – и я смогу определить сорт табака. Именно благодаря знанию таких мелочей настоящий сыщик и отличается от всяких там Грегсонов и Лестрейдов.

– А как вы узнали про красное лицо? – допытывался я.

– О, это была более дерзкая догадка, но я все же не сомневаюсь в своей правоте. Но пока вы не должны ни о чем меня расспрашивать.

Я провел рукой по лбу.

– Ну и ну! У меня просто голова кругом идет, – заметил я. – Чем больше я задумываюсь над этим преступлением, тем загадочнее оно мне кажется. Кто привез этих двоих – если их, в самом деле, было двое – в этот заброшенный дом? Что стало с кучером, который привез их? А как смог один мужчина заставить другого принять яд? И откуда там кровь? С какой целью произошло убийство, ведь убитый не был ограблен? Интересно, как туда попало женское кольцо? Кроме всего, почему второй, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «Rache»? Признаться, я не вижу никакой возможности связать воедино все эти факты.

Мой собеседник посмотрел на меня одобряющим взглядом и улыбнулся.

– Вы очень кратко и ясно изложили всю сложность данного дела, – произнес он. – До сих пор некоторые факты остаются запутанными, но многое я уже для себя прояснил. Что до открытия бедняги Лестрейда, то его просто пытались сбить со следа и направить на поиски тайных социалистических обществ. Букву «А», если вы успели обратить внимание, пытались вывести на немецкий манер. Только учтите – настоящий немец обязательно напишет печатными буквами, четко и без округлостей. Исходя из этого, мы можем с уверенностью сказать, что надпись сделана не немцем, а невежественным мошенником. Но он переусердствовал в своих жалких попытках. Его каракули – это ничто иное, как уловка, желание запутать расследование и пустить его по ложному следу. И еще. Я не хотел бы больше говорить об этом деле, доктор. Вы же знаете, что фокусник, рассказавший секрет своих трюков, становится неинтересен. Если я посвящу вас во все тайны и методы моей работы, вы, чего доброго, придете к выводу, что я самый заурядный человек.

– Ну что вы, Холмс. Никогда, – поспешно ответил я. – Вы первый во всем мире возвели раскрытие преступлений в разряд точных наук.

Обрадованный искренностью моих слов, мой собеседник даже слегка порозовел. Я всегда замечал, что лесть ему была так же приятна, как для хорошенькой девушки слова о ее красоте.

– Скажу вам еще кое-что, – произнес Шерлок Холмс, – Лакированные ботинки и Квадратные мысы приехали в некоем кэбе и, по всей вероятности, шли по тропинке, как настоящие друзья, рука об руку. Оказавшись внутри, они принялись расхаживать по комнате, или, скорее всего, Лакированные ботинки стояли, а Квадратные мысы ходили взад-вперед. Все это я прочел по отпечаткам на пыльном полу. Я так же смог узнать, что Квадратные мысы, что-то возбужденно говоря, распались все больше и больше. На это указывают опять же следы, длина их постоянно увеличивалась. Несомненно, этот человек довел себя буквально до иступления. Тогда-то и произошла трагедия. Вот так, с помощью наблюдательности и дедукции мне и стала ясна общая картина преступления. А мелкие, несущественные детали ее – это уже результат моих догадок и предположений. Теперь у нас есть прекрасная рабочая гипотеза, с которой мы и начнем. Не будем терять время даром. Тем более что сегодня вечером я еще хочу успеть на концерт Галле, послушать Норман-Неруду.

Этот диалог состоялся в то время, пока мы путешествовали по бесконечной веренице грязных улочек и мрачных закоулков. Неожиданно наш кучер остановил кэб в самом неприглядном из них.

– Вон там и находится Одли-корт, – сказал он, тыкая пальцем в темную щель, виднеющуюся между рядами мертвенно – серых кирпичных зданий. – Будете возвращаться, найдете меня здесь.

Одли-корт не отличался привлекательностью. Протиснувшись в узкий проулок, мы оказались на квадратном, мощенном плитами дворе и окруженном убогими лачугами. Нужный нам дом 46 мы нашли не сразу, вначале нам предстояло проползти под бечевками с линиям бельем, то и дело преграждавшими нам путь. Подойдя к жилищу полисмена, мы увидели дверь, украшенную маленькой медной табличкой с выгравированным на ней именем Ренса. Проведя небольшое расследование и выяснив, что констебль еще спит, мы стали дожидаться его появления в крошечной передней.

Вскоре он вошел, с плохо скрытым недовольством разглядывая субъектов, осмелившихся его потревожить.

– Я оставил свой отчет в полицейском участке, – сказал констебль.

Мой друг извлек из кармана монету в полсоверена и принялся с задумчивым видом ей поигрывать.

– Нам гораздо интереснее было бы выслушать вас лично, – произнес Холмс.

– Буду рад рассказать вам все, что смогу, – ответил Ренс, глаза которого жадно блеснули.

– А мы с не меньшей радостью выслушаем ваш подробный рассказ. Так что же там, по-вашему, произошло?

– И как рассказывать-то, с самого начала? – Холмс ободряюще кивнул – Ага, ну ладно. Значит, дежурство мне досталось ночью, с десяти вечера до шести часов утра. В одиннадцать в «Белом олене» случилась драка, но какая-то очень вялая, обычно бывало и повеселее. Вот. А в час ночи начался дождь, и тут я встретил Гарри Мерчера, он как раз дежурил на Холланд-гроув. Ну, значит, мы постояли, эдак поболтали на углу Генриетта-стрит часов, может, до двух или подольше. Я еще подумал, что пора бы мне пройтись да посмотреть, все ли в порядке на Брикстон-роуд. Ну и ночка выдалась, доложу я вам, темень – хоть глаз коли, и грязищи – по уши. На улице никого, помню только, кэб или два мимо меня проехали. Потом я ходил туда – сюда и все подумывал, не пойти бы пропустить, понимаешь, стаканчик – другой, и вдруг вижу – в окне одного из домов мелькнул свет. А я-то ж знаю, что в тех двух домах на Лоринстон-гарденс никто не живет, потому, как хозяйева их не чистили там канализации, и самый последний из жильцов, как раз-то и умер от брюшного тифа. И вот мелькнул там свет, и меня будто громом ударило. Смотрю я на него, а сам все думаю, как бы не случилось чего. И только я подошел к двери...

– Вы остановились и пошли обратно к калитке в саду, – перебил его мой спутник. – И зачем же вы это сделали?

Ренс, едва не подпрыгнув от неожиданности, удивленно вытаращился на Холмса.

– Что верно, то верно, сэр, – сказал он. – Но как вы узнали о том, что одному только Богу известно? Он один и видел, как я подошел к двери. Стою я, а рядом – ни души. Вот я и подумал: ну хоть бы кто-нибудь находился бы рядом со мной. Только не подумайте, что я струсил. Я никого не боюсь на этом свете, сэр, но мне пришло на ум, а вдруг это тот тифозный покойничек пришел поискать человека, виновного в его смерти. С этой мыслью я повернулся и бросился назад к калитке, думал, увижу фонарь Мерчера, но на улице хоть глаз коли и тишина – ну, мертвая.

– Значит, на улице никого не было?

– Ни души, говорю ж вам, сэр. И не то, что б человека, ни одной шелудивой собаки в округе. Собравшись с духом, пошел я обратно к дому и толкнул дверь. Внутри было совсем тихо. Так вот, вошел я в комнату, откуда лился свет. Там на каминной полке стояла догорающая свеча, красного цвета. И тут я его и увидел...

– Да, да, а знаю, что вы сделали, увидев тело. Вы несколько раз обошли комнату и, встав на колени, наклонились над мужчиной, затем толкнули дверь, ведущую в кухню, и...

Джон Ренс с испуганным лицом вскочил со стула и подозрительно уставился на Холмса.

– Где же ты скрывался, приятель? Откуда ты подглядывал за мной? – воскликнул он. – Уж слишком много ты, сдается мне, знаешь.

Холмс, рассмеявшись, протянул констеблю через стол свою визитную карточку.

– Я думаю, вы не арестуете меня по подозрению в убийстве, – произнес он. – Я – не волк, а, скорее, одна из ищеек. Мистер Грегсон и мистер Лестрейд могут подтвердить мои слова. Так что, давайте продолжим. Что же вы сделали потом?

Ренс снова сел, но вид у него был по-прежнему озадаченный.

– Я вернулся к калитке и засвистел в свисток. Прибежал Мерчер, а с ним еще двое.

– И улица была все так же пустынна?

– В общем да, порядочных людей я там не заметил.

– А каких же вы тогда заметили?

Лицо констебля расплылось в довольной ухмылке.

– Многих пьяниц я повидал на своем веку, – сказал он. – Но такого, как этот, еще ни разу. Когда я вышел, он стоял, прислонившись к забору возле калитки, и во всю глотку орал какую-то песню. Ясное дело, стоять-то он совсем не мог.

– Как выглядел тот человек? – спросил Шерлок Холмс.

Казалось, своим не относящимся к делу вопросом Холмс даже разозлил Джона Ренса.

– Пьян в стельку, как он еще мог выглядеть, – пробурчал тот. – Не будь мы так заняты, оттащили бы его в участок.

– А вы не заметили, какое у него было лицо? И во что он был одет? – продолжал спрашивать Холмс. – Или вы это не запомнили?

– Как не запомнить, конечно запомнил. Попытались мы с Мерчером поставить его на ноги, да куда там – здоровенный верзила, с красной рожей, до самых глаз обмотан шарфом.

– Достаточно, – резко остановил констебля Холмс. – Куда он потом делся?

– Дел у нас, что ли мало? Некогда было с ним возиться, – обиженным голосом ответил Ренс. – Бьюсь об заклад, он нашел дорогу домой, будьте спокойны.

– Так во что он был одет?

– В коричневое пальто.

– Не держал ли он в руке кнут?

– Кнут? Да нет.

– Ага, значит, бросил где-то поблизости.

– Может, вы слышали или видели, как позже проехал кэб?

– Нет.

– Вот ваши полсоверена, – произнес мой спутник, вставая и берясь за шляпу. – Боюсь, Ренс, вам никогда не заработать повышения по службе. Нельзя носить голову на плечах только для украшения, иногда ее просто необходимо использовать по прямому назначению, то есть думать. Этой ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. Я абсолютно уверен, что человек, которого вы держали за руку, помог бы нам пролить свет на это таинственное дело. Его-то мы сейчас и разыскиваем. Ну ладно, поздно говорить об этом. Пойдемте, доктор.

Мы направились к кэбу, оставив нашего собеседника в полнейшем недоумении.

– Абсолютный болван! – с сожалением говорил Холмс по дороге домой. – Только подумайте, какую уникальную возможность предоставила ему судьба, и он не смог ею воспользоваться!

– Пожалуй, мы все еще блуждаем в темноте. Верно, что описание этого человека совпадает с вашим представлением о втором участнике нашего запутанного дела. Но тогда зачем, скажите, ему снова понадобилось возвращаться в дом? Как правило, убийцы так не поступают.

– Кольцо, доктор. Он вернулся именно за ним. Ловить его мы можем, только используя кольцо как приманку, другого способа у нас нет. На такую наживку я обязательно его поймаю, ставлю два фунта против одного! Практически он уже в наших руках. Но сначала я должен поблагодарить вас за все. Без вас я никуда бы не поехал и пропустил бы лучший из известных мне этюдов: этюд в багровых тонах. В самом деле, почему мы никогда не пользовались языком художников? Сквозь бесцветную пряжу жизни тонкой багровой нитью проходит убийство, и наша задача – найти ее кончик и распутать, дюйм за дюймом. Давайте обедать, а потом поедем слушать Нормана – Неруду. Она смело играет и отлично владеет смычком. Одна вещичка Шопена в ее исполнении просто великолепна: тра-ля-ля-ля-а-а-...

Откинувшись на спинку сиденья, сыщик-любитель беззаботно распевал, словно жаворонок, и мне оставалось лишь размышлять о том, сколь разносторонен человеческий ум.

Глава 5

Визит по объявлению

Наши утренние прогулки оказались столь изнурительными, что отняли у меня остатки сил. К вечеру я почувствовал себя совершенно измотанным. Холмс отправился на концерт, я же прилег на софу и попытался хоть ненадолго уснуть. Но все мои старания оказались тщетными. Ум мой был слишком взволнован происшедшими событиями. Воображение настойчиво рисовало мне довольно странные картины и догадки. И, пока я лежал с закрытыми глазами, передо мной стояло искаженная, похожая на обезьянью, физиономия убитого. Какое отталкивающее впечатление производило оно! Я даже поймал себя на мысли, что искренне выразил бы благодарность тому, кто стер это чудовище с лица земли. В жизни я не видел более омерзительной рожи, чем у Еноха Дреббера из Кливленда. Но я также был вынужден признать, что сколь бы ни был мне противен вид заезжего американца, и какими бы пороками тот не обладал, это не должно мешать правосудию свершиться. В глазах закона Енох Дреббер был жертвой, и убийца его непременно должен быть найден и наказан.

Чем больше я размышлял над этим, тем невероятней выглядела гипотеза моего друга отравлении Дреббера. Я вспомнил, как Холмс понюхал его губы. Значит, мой друг заметил нечто такое, что навело его на подобную мысль. Но, предположим, яд тут не причем. Тогда что же стало причиной смерти Еноха Дреббера? Может быть, его удушили? Возможно, ран на теле его нет. Но тогда почему весь пол в комнате заляпан кровью? И чья это, собственно, кровь? Убийцы? Но следов борьбы нет, никакого оружия, которым бы Дреббер мог ранить своего противника, тоже. Да, ни мне, ни Холмсу не удастся спокойно заснуть, пока ответы на эти вопросы не будут найдены. Спокойная уверенность моего друга внушила мне мысль, что в его голове уже сложилась некая теория, объясняющая все эти противоречивые факты, но какая – мне оставалось только гадать.

Вернулся Холмс на редкость поздно. Я предположил, что он был где-то еще, ведь концерт кончился намного раньше. К его приходу обед уже стоял на столе.

– Концерт был великолепен! – садясь, произнес Холмс. – Помните, что говорил о музыке Дарвин? Он утверждал, что человечество овладело способностью воспроизводить и по достоинству оценивать звуки задолго до появления речи. Возможно, именно поэтому они имеют над нами такую силу. Наши души хранят неясные воспоминания о тех туманных веках, когда мир еще был молод.

– Довольно широкое понятие, – заметил я.

– Наши понятия и должны быть так же широки, как сама природа, иначе мы не сможем ими объяснить ее явления, – ответил он. – Что стряслось, Уотсон? На вас просто лица нет. Неужели происшедшее на Брикстон-роуд так сильно огорчило вас?

– Сказать по правде, да, – ответил я. – Я думал, что после Афганистана я стану более равнодушным к таким вещам. В Майванде я без особых нервных потрясений взирал на своих товарищей, разрубленных на куски.

– Все объяснимо, Уотсон. Тайнственность, вот что будоражит воображение. А там, где нет воображения, нет и ужаса. Вы уже видели вечерние газеты?

– Нет еще, а что?

– В них напечатан подробный отчет об убийстве. Но в газетах не упоминается о том факте, что, когда подняли носилки, на пол упало женское обручальное кольцо. Это замечательно.

– Почему?

– Взгляните-ка на это объявление, – ответил Холмс. – Сегодня утром, когда мы заходили на почту, я разослал его во все газеты.

Шерлок передал мне газету, и я взглянул на то место, куда он указывал. Это объявление стояло первым в разделе «Находки». Оно гласило: «Сегодня утром на Брикстон-роуд между таверной «Белый олень» и Холланд-гроув найдено скромное золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсону по адресу Бейкер-стрит, 221-Б между восьмью и девятью часами вечера».

– Простите меня за то, что я воспользовался вашим именем, – извиняющим тоном произнес Холмс. – Если бы я поставил свое, кое-кто из этих болванов пронюхал бы, в чем дело, и обязательно вмешался бы.

– На этот счет можете не волноваться, – ответил я. – Но что я скажу, если кто-нибудь явится. У меня же нет кольца.

– Вот оно, – с этими словами Холмс передал мне кольцо. – Оно вполне подойдет, сходство с оригиналом почти абсолютное.

– И кто, по-вашему, должен откликнуться на ваше объявление?

– Ну, конечно же, мужчина в коричневом пальто, наш красномордый друг в ботинках с квадратными мысами. Если он не придет сам, то пришлет того, кто ему помогает.

– Неужели он не сочтет это опасным?

– Естественно сочтет. Но не настолько, чтобы отказаться от попытки вернуть кольцо. Если моя точка зрения верна, а у меня есть все основания так думать, убийца готов пойти на риск, нежели потерять кольцо. По моему мнению, он, наклоняясь над телом Дреббера, обронил его, но не заметил этого. Выйдя из дома, он обнаружил пропажу, и поспешил обратно. Но наш друг совершил большую глупость, забыв погасить свечу на каминной полке. В дом уже прибыла полиция. Убийца, испугавшись, что его заподозрят, решил притвориться мертвецки пьяным, и это его спасло. Теперь поставьте себя на место этого человека. Вы наверняка подумаете, что, выходя из дома, обронили кольцо на дороге. Что вы станете делать в этом случае? Непременно броситесь просматривать вечерние газеты в надежде увидеть среди прочих объявление о находке. Так же поступит и убийца. Естественно, он натолкнется, или, точнее, уже натолкнулся на наше объявление. Он, должно быть, думает, что ему повезло. Заподозрит ли он ловушку? В его глазах, человек, нашедший кольцо, никоим образом не связан с убийством. Он должен явиться и обязательно явиться к нам. Не пройдет и часа, как мы увидим его.

– А что потом? – тревожно спросил я.

– О, предоставьте это дело мне. У вас есть какое-нибудь оружие?

– У меня есть старый военный револьвер и несколько патронов.

– Хорошенько почистите и зарядите его. Наш гость может оказаться отчаянным малым. Он, конечно, не ожидает подвоха, но лучше быть готовыми ко всему.

Я отправился в свою спальню и последовал совету Холмса. Вернувшись с револьвером, я увидел, что со стола все убрано, а Холмс поглощен своим любимым занятием – царапаньем по струнам. Послушав несколько минут его душераздирающий скрежет, я решил вмешаться.

– Дело усложняется, – тут же заговорил он. – Только что пришел ответ на телеграмму, отправленную мной в Америку. Мое мнение обо всем этом деле оказалось верным.

– То есть? – нетерпеливо спросил я.

– Как бы прелестно зазвучала моя скрипка, одень ей новые струны, – мечтательно заметил он. – Уберите свой пистолет в карман, Уотсон. Когда придет этот субъект, говорите с ним как можно естественней. Остальное я беру на себя. И не разглядывайте его, иначе вы его спугнете.

– Сейчас ровно восемь, – произнес я, взглянув на часы.

– Да. Вероятно, он будет здесь через несколько минут. Прошу вас, приоткройте чуть-чуть дверь. Хорошо. А теперь сделайте вот что. Вставьте ключ с внутренней стороны. Спасибо. Очень любопытную древнюю книжицу приобрел я вчера в лавке, – Шерлок положил на стол коричневый томик «De Jure inter Gentes» («О международном праве»), изданный на латинском

языке, в Льеже, в Нидерландах, в 1642 году и заметил: – В то время голова Карла еще хорошо держалась на его плечах.

– А кто издатель? – поинтересовался я.

– Какой-то Филипп де Круа. Посмотрите, на титульном листе сильно выцветшая надпись: «Ex libris Gulielmi Whyte». Хотел бы я знать, кто такой был этот Вильям Уайт. Полагаю, что какой-нибудь вьедливый казуист семнадцатого века. У него и почерк-то как у настоящего крючоктвора. Слышите? Думаю, что пришел человек, которого мы так ждем.

Рассуждения моего друга прервал резкий звонок колокольчика. Шерлок Холмс тихо встал и передвинул свое кресло к двери. Послышались шаги служанки, затем раздался щелчок открываемого замка.

– Здесь живет доктор Уотсон? – спросил кто-то чистым, но грубоватым голосом.

Мы не услышали ответа служанки, но не прошло и нескольких минут, как кто-то начал медленно, старческой походкой, подниматься по ступенькам. Шаги его были неуверенными. Мой друг прислушался, и удивленное выражение скользнуло по его лицу. Шаги медленно приблизились, затем раздался робкий стук в дверь.

– Входите, – громко сказал я.

В ответ на мое приглашение в комнату, вместо ожидаемого нами свирепого детины вошла, ковыляя, морщинистая старуха. Она остановилась, ослепленная внезапным светом лампы, затем неуклюже присела, изобразив реверанс. Выпрямившись, она смотрела на нас мутными, подслеповатыми глазками, нервно теребя карман дрожащими пальцами. Я взглянул на своего друга – он выглядел настолько разочарованным, что мне даже стало жаль его.

Старая карга вытащила вечернюю газету и ткнула пальцем на наше объявление.

– Я вот зачем пришла сюда, добрые джентльмены, – забормотала она и снова присела. – Это вы нашли золотое обручальное кольцо на Брикстон-роуд? Оно принадлежит моей доченьке Салли, которая вышла замуж всего год назад. Муженек ее работает официантом на круизном пароходе, и что он сказал, что если он придет домой и увидит, что у нее нет кольца... Я не могу представить, что тогда произойдет. Он и так у нас не отличается кротким нравом, а когда выпьет, то и подавно. Понимаете, вчера вечером она поехала в цирк с... – старуха замялась.

– Это ее кольцо? – спросил я.

– Слава Богу! – воскликнула старуха. – Вот Салли-то обрадуется! Её это колечко, её! Как же!

– Назовите, пожалуйста, свой адрес, – попросил я, беря карандаш.

– Дункан-стрит, тринадцать, Хаундсдитч. Ох, и умаялась я, пока добралась до вас.

– Но дорога из Хаундсдитча до цирка не проходит по Брикстон-роуд, – резко произнес Шерлок Холмс.

Старуха повернулась и обожгла его своими маленькими, красными глазками.

– Я сказала джентльмену свой адрес, – произнесла она. – А Салли живет в меблированных комнатах на Мейфилд-плейс, три, в Пекхэме.

– Могу я узнать вашу фамилию?

– Моя фамилия – Сойер, а ее – Деннис, потому что замуж она вышла за Тома Денниса. Пока он в море, он сообразительный, умный, чистюля – глаз с него не сведешь. Но как только сойдет на берег – шляется с девками по всем кабакам...

– Вот ваше кольцо, миссис Сойер, – перебил я ее, повинувшись знаку, поданному мне Холмсом. – Очень рад вернуть его законной владелице.

Бормоча слова признательности и благодарности, старая гильза спрятала кольцо в карман и, шаркая, спустилась по лестнице. Едва она ушла, Шерлок Холмс вскочил с кресла и бросился в свою комнату. Он вернулся через несколько секунд уже в длинном, широком пальто с наброшенным на шею шарфом.

– Я иду следом за ней, – торопливо проговорил он. – Она, должно быть, его сообщница и приведет меня к нему. Дождитесь меня.

Не успела входная дверь тяжело захлопнуться за нашей посетительницей, как Холмс уже мчался вниз по лестнице. Взглянув в окно, я увидел старуху, с трудом бредущую по противоположной стороне улицы. Холмс упорно шел следом, держась от нее на небольшом расстоянии.

«Одно из двух: либо он ошибся в своей теории», – подумал я, – «либо Холмс проникнет в самое сердце тайны».

У Холмса не было необходимости просить меня дождаться его возвращения, поскольку я все равно не смог бы заснуть, не узнав, чем же закончилось его приключение.

Когда Холмс ушел, не было еще и девяти. Я не имел ни малейшего понятия, сколько продлится его отсутствие, и невозмутимо продолжал, попыхивая трубкой, листать «*Vie de Boheme*» Анри Мюрже. Часы пробили десять раз, и я услышал топот идущих спать служанок. В одиннадцать величавой поступью мимо моей двери прошествовала хозяйка, направляющаяся в свою спальню. Было почти двенадцать, когда раздался резкий звук открываемого замка. Как только Холмс вошел, по его виду я сразу понял – моего друга постигла неудача. Лицо его одновременно выражало досаду и веселье. Наконец, победило чувство юмора, и он разразился громким хохотом.

– Черт подери, только бы мои «коллеги» из Скотланд-Ярда не пронюхали об этом, – воскликнул он, плюхаясь в кресло. – Столько раз я издевался над ними. Уж они-то сейчас не упустили бы такого удобного случая. Только я сам могу посмеяться над собой – в конечном итоге я возьму верх!

– Что ж случилось? – спросил я.

– Собственно говоря, ничего особенного. Просто меня обвели вокруг пальца. Значит, так. Старуха, пройдя немного, начала вдруг хромать. Двигалась она с трудом, будто натерла ноги. Спустя некоторое время она остановилась и подозвала проезжавший мимо кэб. Я постарался подойти к ней поближе, чтобы услышать адрес. Хотя я мог особо и не беспокоиться: она орала так, что ее было слышно даже на другой улице. «Поезжайте на Дункан-стрит, тринадцать, Хаундсдитч!», – прокричала старуха. Все это выглядело, на мой взгляд, вполне естественно. Убедившись, что старуха села в кэб, я уцепился сзади – прекрасная возможность перемещаться по Лондону, я бы советовал овладеть этим искусством каждому сыщику. Наш кэб, грохоча, поехал по дороге. Я уверен, что пока мы не подъехали к указанному старухой дому, кучер ни разу не остановился. Прежде чем кэб остановился у двери, я соскочил с него и стал неторопливо прохаживаться по улице. Кэбмен прыгнул на тротуар, распахнул дверцу и застыл в недоумении. Внутри никого не было. Я подошел к нему – он все еще оторопело разглядывал пустой кэб и ругался на чем свет стоит. Он произносил такие словечки, каких я никогда и не слышал. Итак, старуха бесследно исчезла, и, боюсь, кэбмену долго придется ждать платы за проезд. Мы справились в доме номер тринадцать – он принадлежит почтенному обойщику по имени Кесвик, и ни о каких Сойерах или Денисах там даже и не слышали.

– Ну и дела! Ничего не скажешь! – изумленно воскликнул я. – Как могла старуха, с таким трудом ковылявшая по улице, незаметно, на ходу спрыгнуть с кэба?

– Да, какая там, к черту, старуха! – яростно воскликнул Шерлок Холмс. – Это мы с вами вели себя хуже всяких старух. Нас провели, и довольно ловко! Скорее всего, это был молодой человек, очень хитрый, и к тому же, блестящий актер. А как он прекрасно загримировался! Без сомнения, он знал, что за ним следят. Для того, что бы ускользнуть, он и проделал свой трюк. Это говорит о том, что человек, которого мы ищем, действует не в одиночку, как я сначала вообразил, а имеет друзей, готовых ради него пойти на риск. Однако, доктор, выглядите вы не важно. Мой вам совет, ступайте-ка спать!

Я действительно очень устал, и потому охотно последовал рекомендации Холмса. Он же устроился у догорающего камина. Уже засыпая, я все еще слышал тихие, заунывные звуки его

скрипки. Они говорили мне, что мой друг продолжает размышлять над загадочным делом, которое во что бы то ни стало, решил распутать.

Глава 6

Тобиас Гресон показывает, на что он способен

На следующий день все газеты только и говорили о так называемой «Брикстонской тайне». В каждом номере был помещен подробный отчет о деле. Некоторые же издания напечатали свои комментарии на происшедшие события. Из этих статей я даже вынес для себя кое-что новое. До сих пор у меня в альбоме храниться множество газетных вырезок, выписки из статей, непосредственно освещавших это убийство. Вот краткое содержание некоторых из них.

«Дейли телеграф» отметила, что в истории преступлений редко встречались убийства, произошедшие при столь странных обстоятельствах. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие каких-либо мотивов, зловещая надпись на стене – все это говорит о том, что преступление совершено политическими эмигрантами и революционерами. В Америке существует множество социалистических организаций, и покойный, без сомнений, нарушил их неписаные законы. Решив отомстить, они бросились разыскивать его и напали на его след. Потом, вскользь упомянув *феемгерихт* (*феемгерихт – тайный суд в средневековой Германии, выносивший свои приговоры на ночных заседаниях*), *аqua tofana* (*Аква тофана – «Вода Тофаны», сильно действующий яд, которым пользовалась в Сицилии знаменитая отравительница Тофана, 1659–1703 гг.*), *карбонариев*, маркизу де Бренвилье (*Бренвилье Мария Мадлен, отравила из корыстных целей своего отца и двоих братьев теорию и была казнена в Париже в 1676 г.*), теорию Дарвина, «Принципы» Мальтуса и убийства на Рэтклиффской дороге, автор статьи призвал правительство усилить наблюдение за иностранцами, приезжающими в Англию.

«Стэндэрт» подчеркивала, что дикое беззакония подобного рода происходят, как правило, при либеральном правительстве. И причиной тому служат неустойчивые настроения народных масс, что влечет за собой неуважение к закону. Убитый – американец, он прожил в нашей столице несколько недель. Остановился он в пансионе мадам Шарпеньтье на Торкуттеррас, в Кэмберуелле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стенгерсон. Во вторник, четвертого числа сего месяца, они попрощались с хозяйкой и отправились на Юстонский вокзал, намереваясь сесть на ливерпульский экспресс. В последствие их видели вместе на перроне. Больше о них ничего не известно, если не считать того, что, согласно вышеприведенному отчету, тело мистера Дреббера было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, улице, находящейся в нескольких милях от вокзала. О местонахождении Стенгерсона до сих пор никто ничего не знает. «Выражаем радость по поводу того, что расследование ведут мистер Лестрейд и мистер Грегсон из Скотланд-Ярда. Заранее можно с уверенностью сказать, что двое хорошо известных сыщиков прольют свет на эту мрачную тайну».

«Дейли ньюс» нисколько не сомневалась в том, что убийство совершено на политической почве. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму прибили к нашим берегам множество эмигрантов. Все они вполне могли бы стать превосходными гражданами, не будь они так озлоблены воспоминаниями обо всех невзгодах, которые им довелось пережить на родине. У этих людей существует строжайший кодекс чести, и любое его нарушение карается смертью. Необходимо бросить все усилия на поиски секретаря, мистера Стенгерсона, и детально выяснить привычки покойного. Целиком и полностью благодаря усилиям и проницательности мистера Грегсона, инспектора Скотланд-Ярда, установившего адрес дома, где жил Дреббер, расследованию удалось продвинуться на огромный шаг вперед.

Мы прочли эти статьи за завтраком, и Холмсу они показались очень забавными.

– Я же вам говорил – что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон всегда окажутся в выигрыше!

– Все зависит от того, какой оборот примет дело.

– Ох, Господь с вами, в конечном итоге это ничего не значит. Если убийцу поймают, то исключительно благодаря их стараниям; если преступнику удастся скрыться, то исключительно несмотря на их старания. В любом случае ситуация беспроигрышная. И что бы они ни делали, у них всегда найдутся поклонники. *Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire. (Дурак всегда находит большего дурака, который им восхищается).*

– Господи помилуй, а это еще что такое?! – воскликнул я, в этот момент, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног, сопровождаемый гневными возгласами нашей хозяйки.

– Это отряд уголовной полиции Бейкер-стрит, – серьезным тоном ответил Шерлок Холмс.

Тотчас в комнату ворвалась целая орава самых грязных и ободранных уличных мальчишек, которых я когда-либо видел.

– Смирно! – резко прикрикнул на них Холмс, и шестеро неопрятных проныр выстроились в шеренгу и замерли, превратившись в обшарпанные статуи. – Впредь с донесениями будет приходить только один Виггинс. Остальные пусть ждут на улице. Ты нашел его, Виггинс?

– Нет, сэръ, мы не нашли его, – ответил один из мальчишек.

– Я и не ожидал, что вы это сделаете. Ладно. Продолжайте разыскивать его. Вот ваша зарплата, – он вручил каждому по шиллингу. – А теперь идите, и без хороших новостей не возвращайтесь.

Холмс махнул рукой, и осведомители, словно стайка вездесущих, пронырливых мышек, помчались вниз по ступеням. Через несколько секунд их громкие возгласы уже раздавались с улицы.

– От этих маленьких бродяжек гораздо больше пользы, чем от дюжины полицейских, – заметил Холмс. – Достаточно где-нибудь появиться офицеру полиции, и люди тут же умолкают. Эти мальчишки бывают где и когда угодно, и при этом все слышат. Они так же быстры, как швейная иголка, единственное, что нужно – так это организовать их.

– И вы пользуетесь их услугами, чтобы раскрыть дело об убийстве на Брикстон-роуд? – поинтересовался я.

– Да, есть там кое-что, в чем я хотел бы убедиться. Весь вопрос во времени. Ага! Пойдемте-ка теперь послушаем продолжение легенды об убийстве из мести. Грегсон, сейчас как раз переходит дорогу, и вид у него очень счастливый. Думаю, он направляется к нам. Да, да, он остановился. А вот и сам инспектор!

В этот момент раздался яростный звонок в дверь, а спустя несколько мгновений Грегсон, перепрыгивая через три ступеньки, буквально ворвался в нашу гостиную.

– Мой дорогой друг, поздравьте меня! – прокричал он, сжимая вялую руку Холмса. – Я раскрыл это дело от начала до конца.

Мне показалось, будто тень беспокойства промелькнула на выразительном лице моего друга.

– Думаете, вы на верном пути? – спросил он.

– И вы еще спрашиваете, на верном ли я пути?! Преступник пойман и уже сидит под замком.

– И как же имя этого несчастного?

– Артур Шарпентье, младший лейтенант военно-морских сил Ее Величества, – торжественно произнес Грегсон. Он стоял, довольно потирая руки и важно надув щеки.

Шерлок Холмс облегченно вздохнул, губы его растянулись в слабой улыбке.

– Присядьте и попробуйте эти сигары, – произнес он. – И расскажите все по порядку. Нам не терпится узнать, как вам удалось выявить преступника. Не хотите ли немного виски с содовой?

– Очень кстати, – ответил детектив. – То огромное напряжение, в котором прошли эти последние два дня, сильно меня утомили. Я буквально валюсь с ног, но не столько от физической усталости, сколько от умственного перенапряжения. Вы, конечно же, понимаете меня, Холмс, ведь вам тоже приходится думать.

– Мне очень лестно это слышать, – довольно серьезно заметил Холмс. – Только позвольте узнать, как вам удалось добиться таких потрясающих результатов?

Усевшись в кресло, детектив принялся самодовольно попыхивать сигарой. Вдруг он расхохотался и звучно хлопнул себя по ляжкам.

– Самое забавное во всем то, – воскликнул он, – что глупец Лестрейд, считающий себя корифеем, пошел по абсолютно неверному пути. Он охотится за секретарем, Стенгерсоном, который имеет к преступлению не большее отношение, чем новорожденный младенец. Вот будет умора, когда Лестрейд схватит Стенгерсона и упечет того в кутузку!

– Ну а как вы обнаружили свою путеводную нить?

– Вот об этом я и хотел рассказать вам. Только весь наш разговор, Доктор Уотсон, строго между нами. С самого начала мы столкнулись с трудностью – как узнать о жизни убитого в Америке. Другой бы стал ждать, пока кто-нибудь не откликнется на объявления, или же сам не вызовется дать необходимые сведения. Но Тобиас Грегсон действует совершенно иначе. Помните цилиндр, который мы нашли рядом с покойным?

– Да, – ответил Холмс. – На нем еще была марка: «Джон Андервуд и сыновья», Кэмберуэлл-роуд, сто двадцать девять.

Грегсон выглядел подавленным.

– А я и не думал, что вы это заметите, – произнес он. – Вы были там?

– Нет.

– Ха! – облегченно воскликнул Грегсон. – Нет, Холмс, никогда не стоит пренебрегать шансом, каким бы ничтожным он не казался.

– Для великого ума нет мелочей! – заметил Холмс нравоучительным тоном.

– Так вот. Я отправился к Андервуду и спросил у него, продавал ли он шляпу такого размера, фасона и цвета. Он справился в своей книге учета и нашел нужную запись. Оказалось, что он послал этот цилиндр мистеру Дребберу, проживающему в пансионе Шарпентье на Торку-террас. Таким образом, я и узнал адрес убитого.

– Умно, ничего не скажешь! – пробормотал Шерлок Холмс.

– Затем я направился к мадам Шарпентье, – продолжал детектив. – Она была очень бледна и выглядела явно расстроенной. В комнате вместе с ней также находилась и ее дочь – между прочим, на редкость хорошенькая. Глаза ее покраснели от слез, а едва я заговорил с ней, губы ее задрожали. Я подметил все это, и потому принялся вынюхивать, в чем же тут дело. Знаете, мистер Холмс, я сразу догадался, что напал на нужный след. Это состояние не опишешь, просто в груди возникает эдакий тревожный холодок. Вам, конечно, знакомо подобное ощущение. Итак, я принялся их расспрашивать.

– Известно ли вам о загадочной смерти вашего бывшего квартиранта, мистера Еноха Дж. Дреббера из Кливленда? – мать кивнула. Очевидно, что у нее не было сил говорить. Дочь вдруг залилась слезами. Тут уж мне совсем стало ясно – эти женщины определенно что-то знают. – А в котором часу мистер Дреббер выехал из вашего пансиона на вокзал?

– В восемь, – вымолвила мать. Стараясь побороть волнение, она судорожно вздохнула. – Его секретарь, мистер Стенгерсон, сказал, что есть два поезда – один в девять пятнадцать, а другой в одиннадцать. Он собирался ехать на первом.

– И после этого вы его уже не видели?

Едва я успел проговорить это, как женщина сильно изменилась в лице. Она побелела, как мел. Лишь через несколько секунд она смогла выговорить дрогнувшим, неестественным голосом всего одно лишь слово:

– Да.

На несколько секунд воцарилось молчание, а затем дочь спокойно и ровно произнесла:

– Ложь никогда не приводит к добру, мама. Давай же будем откровенны с этим джентльменом. Да, мы снова видели мистера Дреббера.

– Да простит тебя Бог! – воскликнула мадам Шарпентье. Прижав руки к груди, она упала в кресло. – Ты погубила своего брата!

– Будь он здесь, он сам бы рассказал всю правду, – твердо возразила девушка.

– И вам сейчас лучше сделать то же самое, – заявил я. – Полуправда гораздо хуже, чем молчание. Кроме того, нам и самим кое-что известно.

– Так пусть же это будет на твоей совести, Элис! – воскликнула мать, и продолжила, повернувшись ко мне. – Я все расскажу вам, сэр. Только не подумайте, что я волнуюсь оттого, что мой сын причастен к этому кошмарному убийству! Он абсолютно не виновен. Я только боюсь, что в ваших глазах, да и в глазах всех остальных он, несомненно, будет скомпрометирован. Хотя, такое вряд ли возможно. Тому порукой его честность, его убеждения, да и вся его жизнь!

– Для вас самое лучшее – это высказаться. Честно, ничего не скрывая, выложить мне все факты, – посоветовал я. – И положитесь на справедливость. Если ваш сын невиновен, мы не причиним ему никакого вреда.

– Элис, пожалуйста, оставь нас вдвоем, – произнесла она, и девушка вышла из комнаты. – Ну что ж, сэр, – продолжила она. – Сначала я ничего не хотела сообщать вам, но раз уж моя бедняжка дочь заговорила, то у меня не остается ничего, кроме как подробно рассказать обо всем.

– Это самое мудрое решение, – я подбодрил ее.

– Мистер Дреббер жил у нас почти три недели. Он со своим секретарем путешествовал по Европе. На каждом их чемодане я заметила наклейку «Копенгаген», значит, они приехали оттуда. Что я могу сказать о Стенгерсоне? Он спокойный, сдержанный. Хозяин же его, к сожалению, – человек совершенно иного склада. Привычки у него были ужасно грубые, да и вел он себя безобразно. В тот же вечер, когда они приехали, он сильно напился, и если уж говорить честно, то уже после полудня он никогда не бывал трезвым. С горничными он вел себя развязано, хамски заигрывал с ними... В общем, позволял себе непростительные вольности. Но ужасней всего то, что вскоре он точно так же повел себя и с моей дочерью Элис. Он часто говорил ей неприличные вещи, которых она, к счастью, не понимала. Однажды он, дойдя до крайней наглости, схватил мою дочь и принялся ее обнимать. Тут даже его секретарь, не сдержавшись, упрекнул Дреббера за такое безобразное повеление.

– Но почему вы терпели все это? – спросил я. – Полагаю, вы можете выставить своих жильцов в любую минуту.

От такого вполне естественного вопроса мадам Шарпентье внезапно покраснела.

– Видит Бог, я могла бы им отказать в квартире, – произнесла она. – Но каждый из них платил по фунту в день. Искушение было слишком велико. Каждый платил по фунту в день – значит, четырнадцать фунтов в неделю. А в это время года очень трудно найти жильцов. Я – вдова, сын мой служит во флоте, и это стоит мне немалых денег. Страшно потерять доход. И я надеялась на лучшее. Но последняя его выходка возмутила меня настолько, что я немедленно приказала ему освободить комнаты. Вот почему он и уехал.

– Продолжайте.

– Когда он уехал, у меня прямо от сердца отлегло. Сын мой сейчас дома, он в отпуске, но я побоялась рассказывать ему о случившемся. Уж очень он вспыльчивый и сильно любит сестру. Когда я закрыла за этими двумя дверь, у меня словно камень с души свалился. Увы, через час раздался звонок, и я услышала, что мистер Дреббер вернулся. Он был очень груб, и очевидно, успел порядком напиться. Вломившись в комнату, где сидели мы с дочерью, он на ходу

пробормотал что-то невразумительное про то, что он, дескать, опоздал на поезд. Потом повернулся к Элис и, не обращая на меня никакого внимания, предложил ей уехать с ним. «Ты уже совершеннолетняя, – произнес он, – и по закону никто не может тебе помешать. Денег у меня достаточно. Не обращай внимания на эту старуху, поедем сейчас же со мной! Будешь жить, как принцесса!» Бедняжка Элис так перепугалась, что бросилась бежать от него, но Дреббер схватил ее за запястье и потащил к двери. Я закричала, и в этот момент в комнату вошел мой сын Артур. Не помню, что произошло потом. Слышала только ругань и шум борьбы. Я была настолько напугана, что боялась даже поднять голову. Когда же набралась храбрости и открыла глаза, Артур, с палкой в руке, стоял в дверях и смеялся. «Думаю, что этот фронт больше сюда не явится», произнес он. «Пойду за ним, посмотрю, что он там делает». С этими словами он схватил шляпу и вышел. На следующее утро мы узнали о таинственной смерти мистера Дреббера.

Мадам Шарпентье перемежала свое повествование вздохами и всхлипами. Иногда она говорила настолько тихо, что я с трудом разбирал слова. Ее рассказ я полностью записал стенографией, чтобы избежать возможной ошибки.

– Очень любопытно, – произнес Шерлок Холмс, подавляя зевок. – Что произошло потом?

– Когда мадам Шарпентье замолчала, – продолжил инспектор, – я сразу понял, что все зависит от одного обстоятельства. Взглянув ей прямо в глаза, а я не раз убеждался, как сильно мой взгляд действует на женщин, я спросил, в котором часу ее сын вернулся домой.

– Я не знаю, – ответила она.

– То есть как это – не знаете?

– У него есть ключ, и он сам отпирает дверь.

– Вы уже спали?

– Да.

– А когда вы отправились спать?

– Около одиннадцати.

– Следовательно, ваш сын вернулся домой часа в два?

– Да.

– Возможно, в четыре или в пять?

– Да.

– И где же он был все это время?

– Я не знаю, – прошептала она, побледнев, как мел.

Конечно, после этого и делать-то было нечего. Потом я узнал, где находится лейтенант Шарпентье, взял с собой двух офицеров и арестовал его. Когда я тронул его за плечо и предложил спокойно последовать за нами, он с наглостью, присущей всем военным, произнес: «Я полагаю, что вы арестовали меня в связи со смертью подлеца Дреббера». Мы промолчали, словно намекая ему на то, что его слова сами по себе уже кажутся подозрительными.

– Даже очень подозрительными, – согласился Шерлок Холмс.

– Он держал в руке палку, с которой, по словам матери, бросился вслед за Дреббером. Тяжелую, массивную дубинку.

– Так в чем же заключается ваша гипотеза?

– Она заключается в том, что лейтенант проследовал за Дреббером до Брикстон-руд. Едва они там оказались, между ними завязалась ссора, в результате которой Дреббер получил удар палкой, возможно, в область желудка. Подобный удар не ставил бы следов на теле жертвы. В результате бедняга умер. Ночь была настолько дождливой, да и вокруг не было ни души. Поэтому Шарпентье беспрепятственно оттащил тело жертвы в пустой дом. Что же насчет свечи, крови, надписи на стене и кольца, то все они, возможно, были просто уловками, попыткой направить полицию по ложному следу.

– Очень хорошо! – произнес Холмс ободряющим голосом. – Грегсон, вы просто растете в моих газах! Пройдет совсем немного времени, и вы станете настоящим детективом.

– Я льщу себя надеждой, что вы и не заметили, как я им стал, – заметил гордо инспектор. – В своих показаниях молодой человек утверждает, что некоторое время он шел за Дреббером, но вскоре тот заметил его, и в надежде отвязаться от настойчивого провожатого, вскочил кэб и исчез. По дороге домой Шарпентье встретил своего давнего товарища по плаванию и долго бродил с ним по улицам. На вопрос о том, где живет его приятель, он так и не смог ничего вразумительного ответить. Да, все сходится один к одному на удивление точно. Но Лестрейд! Вот растяпа! Как подумаю сейчас о том, что он плурует по ложному следу – меня так смех и разбирает. Да, на этот раз ничего у него не выйдет. Ба, да вот и он сам собственной персоной!

Действительно, в дверях показался Лестрейд. Увлечшись разговором, мы даже не услышали, как он поднялся. На этот раз от присущей ему не только в поведении, но и в манере одеваться самоуверенности и лоска не осталось и следа. Вид у него был на редкость помятый. Лицо инспектора выражало тревогу и озабоченность. Очевидно, он пришел посоветоваться с Шерлоком Холмсом, но в присутствии своего коллеги он чувствовал себя крайне неловко. Стоя в центре комнаты, он нервно вертел в руках шляпу, и казалось, не знал, как поступить.

– Довольно необычное дело, – наконец произнес он. – Крайне запутанное.

– А, так вы тоже это заметили, мистер Лестрейд! – победно воскликнул Грегсон. – Я не сомневался, что вы придете к такому выводу. Ну что, удалось вам разыскать секретаря, мистера Джозефа Стенгерсона?

– Секретарь мистер Джозеф Стенгерсон, – мрачно начал Лестрейд, – был убит сегодня в «Холидейз Прайват» около шести часов утра.

Глава 7 Мгла рассеивается

Неожиданное известие, которое принес нам Лестрейд, было столь ошеломляющим, что Грегсон, вскочив со своего кресла, опрокинув стакан с недопитым виски с содовой. Я в молчании смотрел на Шерлока Холмса – он сидел, нахмурившись и поджав губы.

– Значит, Стенгерсон тоже, ... – пробормотал он. – Дело осложняется.

– Оно и так-то было нелегким, – проговорил Лестрейд, садясь в кресло. – И, кажется, я попал на военный совет?

– А вы... вы точно уверены... в том, что он убит? – запинаясь, спросил Грегсон.

– Я только что был в его комнате, – ответил Лестрейд. – И я первым обнаружил труп.

– Мы тут уже слышали, как Грегсон раскрыл это дело, – заметил Шерлок Холмс. – Не будете ли вы так любезны, рассказать нам о том, что же вы обнаружили и успели предпринять?

– Буду только рад, – присаживаясь, откликнулся Лестрейд. – Честно признаюсь, я был абсолютно убежден, что секретарь имеет непосредственное отношение к смерти Дреббера. Сегодняшняя трагедия дала толчок к новому развитию дела, следовательно, я ошибался. Одержимый идеей о его причастности к преступлению, я кинулся на поиски секретаря, пытаюсь выяснить, где он и что с ним стало. Третьего числа, вечером, примерно в половине девятого, Дреббера и Стенгерсона видели вместе на Юстонском вокзале. В два часа утра тело Дреббера было обнаружено на Брикстон-роуд. Следовательно, передо мной стояла задача определить, что делал Стенгерсон между половиной девятого и временем, когда был убит Дреббер, и куда исчез сам Стенгерсон. Я отправил телеграмму в Ливерпуль, сообщив приметы Стенгерсона, и просил проследить за пароходами, отплывающими в Америку. Затем я объехал все отели и меблированные комнаты, расположенные в окрестностях Юстонского вокзала. Видите ли, я надеялся, что в случае, если Дреббер и его секретарь разделились, скорее всего, Стенгерсон переночует где-то поблизости, а утром снова явится на вокзал.

– Вероятно, они заранее условились о месте встречи, – заметил Холмс.

– Так и вышло. Весь вчерашний вечер я напрасно потратил, разыскивая Стенгерсона. Уже рано утром я продолжил поиски, и к восьми часам добрался до отеля «Холидейз Прайват», что на Литл-Джорж-стрит. На вопрос, проживает ли здесь мистер Стенгерсон, мне сразу ответили утвердительно.

– Безусловно, вы и есть тот самый джентльмен, которого он поджидает, – ответили мне. – Он ждет вас вот уже два дня.

– И где он сейчас? – торопливо спросил я.

– У себя наверху, он еще спит. Он просил разбудить его девять.

– Я поднимусь, и сам разбужу его, – произнес я. – Полагая, что мой приход застанет его врасплох и заставит неосторожно проговориться о чем-нибудь. Коридорный, показав мне на дверь комнаты Стенгерсона, начал спускаться вниз. Вдруг я увидел такое, отчего, несмотря на двадцатилетний опыт, мне стало дурно. Из-под двери вытекала тоненькая алая струйка крови, и, изгибаясь, пересекала коридор, образуя маленькую лужицу у противоположной стены. Я невольно вскрикнул, и коридорный тот час же вернулся назад. Увидев кровь, он едва не потерял сознание. Дверь была заперта изнутри, но мы ее выбили. Окно в комнате было открыто, а под ним на полу, скорчившись, лежал человек в пижаме. Он был мертв, и, несомненно, давно: конечности уже успели заоченеть. Мы перевернули его, и коридорный опознал в нем того самого человека, который, снимая комнату, назвался Джозефом Стенгерсоном. Смерть наступила от глубокого ножевого ранения в левом боку, должно быть, при ударе было задето сердце. А теперь наступает самый интересный момент. Как вы думаете, что мы увидели над трупом?

Прежде, чем прозвучал ответ Холмса, меня охватило страшное предчувствие и по телу у меня поползли мурашки.

– Написанное кровью слово “Rache”, – ответил Холмс.

– Да, верно, – произнес Лестрейд с суеверным трепетом в голосе. В комнате воцарилось молчание.

В поступках неизвестного убийцы было что-то закономерное и непонятное. Едва я подумал об этом, и мои нервы, ни разу не сдававшие на полях сражений, затрепетали.

– Убийцу заметили, – продолжал Лестрейд. – Мальчик, разносящий молоко, шел обратно на ферму через проулок, на который выходят конюшни, что на заднем дворе гостиницы. Он заметил, что лестница, всегда лежащая на земле, была приставлена к широко распахнутому окну второго этажа. Отойдя немного, он оглянулся и увидел, как по лестнице спускается человек. И слезал он так спокойно и открыто, что мальчик принял его за работающего в отеле плотника. Сразу-то он ничего особенного и не заметил, но позже у него промелькнула мысль, что время для работы слишком раннее. Он припомнил, что человек был высокого роста, краснолицый, одет в длинное коричневое пальто. Должно быть, после убийства он не сразу вышел из комнаты – мы обнаружили тазик с водой со следами крови, в котором он, вероятно, ополоснул руки, и лист бумаги, о который он осторожно вытер нож.

Я взглянул на Холмса – описание убийцы точно совпадало с его догадками. Но лицо его оставалось непроницаемым.

– Вы ничего не обнаружили в комнате, что бы могло помочь напасть на след убийцы? – спросил он.

– Ничего. У Стенгерсона в кармане обнаружили кошелек Дреббера, но в этом нет ничего необычного – всегда и за все расплачивался Стенгерсон. В кошельке было восемьдесят фунтов с мелочью, и, по-видимому, ничего не взято. Мотивами этих странных преступлений является все, что угодно, но только не ограбление. В карманах убитого мы не нашли ни записок, ни бумаг, за исключением полученной месяц назад телеграммы из Кливленда с текстом: «Дж. Х. в Европе». Подписи под текстом не было.

– И больше ничего? – переспросил Холмс.

– Да ничего важного. Роман, который Стенгерсон читал вместо снотворного, на стуле – его трубка. На столе стоял стакан с водой, а на подоконнике – маленькая коробочка из-под мазей, а в ней две пилюли.

Шерлок Холмс с восторженным возгласом вскочил с кресла.

– Вот оно, последнее звено! – воскликнул он. – Теперь мне все ясно.

Лестрейд и Грегсон удивленно уставились на Холмса.

– Сейчас в моих руках находятся все нити запутанного клубка, – уверенно заявил мой приятель. Не хватает, конечно, нескольких деталей. С того момента, как Дреббер расстался со Стенгерсоном, и вплоть до обнаруженного вами тела секретаря, последовательность происходящих событий не вызывает у меня сомнения, словно все происходило на моих глазах. И я докажу вам это. Не могли бы принести эти пилюли?

– Они у меня с собой, – произнес Лестрейд, подавая маленькую белую коробочку. – Я взял и пилюли, и кошелек, и телеграмму, что бы сдать их в полицейский участок. Честно говоря, пилюли я взял совершенно случайно и не придавал им никакого значения.

– Дайте их сюда, – сказал Холмс. – Теперь, доктор, – он повернулся ко мне. – Как вы думаете, это обыкновенные пилюли?

Конечно, вид у них был не вполне обычный. Маленькие, круглые, жемчужно – серого цвета, а если посмотреть на свет – прозрачные.

– Судя по их легкости и прозрачности, могу предположить, что они легко растворяются в воде, – заметил я.

– Совершенно верно, – ответил Холмс. – А теперь будьте так любезны, спуститесь вниз и принесите того несчастного больного терьера. Собака давно уже болеет, и хозяйка просила вчера усыпить его, что бы он больше не мучился.

Я сошел вниз и принес собаку. Она тяжело дышала и смотрела на нас мутными глазами. Видимо, жить ей осталось недолго. Судя по белой, как лунь, морде, она уже перешагнула порог собачьего существования. Я осторожно положил собаку на подстилку.

– Теперь я разделю одну из этих пилюль на две части, – произнес Шерлок Холмс, вынимая перочинный нож. – Одну половину я кладу в бокал, предварительно налив чайную ложку воды. Вы убедитесь, что наш друг доктор оказался прав, пилюля прекрасно растворяется.

– Да, весьма любопытно, – произнес Лестрейд обиженным тоном, словно полагая, что над ним издеваются. – Но я не вижу связи между вашими действиями и смертью мистера Джозефа Стенгерсона.

– Терпение, друзья мои, терпение! Со временем вы все поймете. Теперь добавим чуть-чуть молока, это сделает более приятным вкус жидкости. Увидите, с каким удовольствием собака вылакает все до капли.

Продолжая свои объяснения, он вылил приготовленную смесь в блюдце, и поставил его около терьера. Пес моментально вылакал содержимое. Серьезность намерений Шерлока Холмса настолько ошеломила нас, что мы, застыв от неожиданности, в молчании следили за животным. Однако, ничего не происходило. Собака продолжала все так же, вытянувшись и тяжело дыша, лежать на подстилке. По-видимому, ей не стало ни лучше, ни хуже.

Холмс вынул часы. Прошла минута, затем еще одна, но и они не принесли никакого результата. На лице Холмса отразились глубокое недовольство и разочарование. Кусая губы, он нервно постукивал пальцами по столу, выказывая все признаки нетерпения. Он так сильно переживал, что мне даже стало искренне жаль моего друга. В то время как Грегсон и Лестрейд злорадно усмехались, довольные непредвиденной заминкой, с которой столкнулся Шерлок Холмс.

– Это не могло быть простым совпадением! – воскликнул он, вскакивая с кресла, и принялся ходить взад-вперед по комнате. – Нет, это не возможно! Те самые пилюли, каковыми, по моим предположениям, отравили Дреббера, на самом деле, найдены после смерти Стенгер-

сона. И они абсолютно безвредны. Что все это значит? Неужели ход моих рассуждений оказался ошибочным? Это невозможно! И вдобавок ко всему эта несчастная собака. Ах, вот в чем дело! Теперь я все понял! – восторженно заявил Холмс и бросился к коробке. Разрезав на две части вторую пилюлю, он растворил ее, добавил молока и снова сунул терьеру. Не успело несчастное, бессловесное создание окунуть язык в приготовленную смесь, как конечности его свели страшные судороги. Собака умерла, будто сраженная молнией.

Шерлок Холмс, глубоко вздохнув, вытер выступивший на лбу пот.

– Верить надо было тверже, – произнес Шерлок Холмс. – Пора бы мне уже знать, что если какой-либо факт, казалось бы, противоречит ходу логически построенных выводов, следовательно, он может быть иначе истолкован. В коробочке лежали две пилюли – одна с сильноедействующим ядом, другая же совершенно безвредная. Мне следовало бы заранее это знать. Еще до того, как я увидел коробку.

Последнее замечание Холмса настолько поразило меня, что я усомнился, в своем ли он уме. Однако сам факт того, что собака умерла, говорит как раз о верности его предположения. Мне показалось, что туман, окутавший мои мысли, постепенно рассеивается, уступая место смутному, расплывчатому облику правды.

– Все это кажется вам довольно странным, – продолжал Холмс. – Потому как в самом начале расследования вы не обратили внимания на важность одной единственной детали, которая и служила ключом к разгадке. Мне удалось за нее ухватиться, и все, что происходило потом, подтверждало мою первоначальную догадку, по сути, явилось ее логическим следствием. Таким образом, факты, которые ставили вас в тупик и все больше запутывали дело, мне, наоборот, многое прояснили, укрепив мои умозаключения. Мы часто ошибаемся, путая странное с таинственным. Часто наиболее банальное преступление оказывается самым загадочным, потому как в данный момент ему не сопутствуют какие-либо особенности или же необычные факты, служащие основой для логических выводов. Убийство было бы невероятно трудно раскрыть, если бы тело жертвы просто нашли бы лежащим на улице без всяких там “outré” и сенсационных подробностей, которые делают его особенным. Непонятные, странные детали на самом деле не усложняют преступление, а лишь упрощают его.

Терпение Грегсона, слушавшего эту речь с нескрываемым раздражением, подошло к концу.

– Послушайте, мистер Холмс, – произнес он. – Мы всегда охотно признаем, что вы человек умный и у вас свой собственный метод работы. Нам сейчас нужно нечто большее, чем ваша лекция о пользе теоретических знаний. Необходимо поймать убийцу. У меня был свое мнение об этом деле, но вижу, что я ошибался. Молодой Шарпентье не может быть причастен ко второму убийству. Лестрейд подозревал другого человека, Стенгерсона, и тоже ошибся. Вы постоянно намекаете на то, что знаете гораздо больше нас. Полагаю, пришло время откровенно у вас спросить: что вы знаете об этом деле? Вы можете назвать имя убийцы?

– Не могу не согласиться с Грегсоном, сэр, – заметил Лестрейд. – В своих попытках мы оба потерпели неудачу. С тех пор, как я вошел в комнату, вы уже неоднократно замечали, что обладаете всеми уликами, подтверждающими ваши предположения. Надеюсь, вы не будете их больше скрывать?

– Если медлить с арестом убийцы, – заметил я. – У него окажется достаточно времени для того, чтобы совершить еще какое-нибудь злодеяние.

Все мы так насели на Холмса, что он явно заколебался. Опустив голову на грудь и нахмурившись, он продолжал ходить взад – вперед по комнате, как делал всегда, обдумывая что-то.

– Убийств больше не будет, – наконец произнес он, внезапно остановившись и глядя на нас. – Вы задали мне вопрос, могу ли я назвать имя убийцы. Да, могу. Но недостаточно просто знать его имя, нужно еще суметь поймать его. Я надеюсь, что благодаря принятым мною мерам, это скоро произойдет. Придется вести себя очень осторожно, потому как мы имеем

дело с человеком хитрым и отчаянным, к тому же, как показывают обстоятельства, у него есть помощник, такой же умный, как и сам убийца. Пока убийца не знает о том, что преступление раскрыто, у нас еще есть шанс схватить его. Но если у него возникнет хоть малейшее подозрение, он изменит свое имя и растворится среди четырех миллионов жителей нашего огромного города. Не хочу оскорблять ваших лучших чувств, но вынужден сказать, что поймать таких преступников не плечу сыскной полиции – вот потому-то я и не обращался к вам за помощью. Если я потерплю неудачу, обещаю, что возьму на себя всю ответственность за совершенное упущение. Пока же я даю слово рассказать все, что знаю, но только если буду уверен, что моим планам ничего не угрожает.

Казалось, Грегсон и Лестрейд были далеко не в восторге ни от обещаний Холмса, ни, тем более, от подобного обидного намека на сыскную полицию. Грегсон вспыхнул до корней льняных волос, а похожие на бусинки глаза Лестрейда вспыхнули любопытством и гневом. Но ни тот, ни другой не успели произнести ни слова – раздался легкий стук в дверь и появился своей собственной персоной, довольно отталкивающей, надо сказать, представитель уличных мальчишек, Виггинс.

– Прошу вас, сэр, – произнес он, дотрагиваясь до пряди волос. – Кэб ждет вас на улице.

– Молодец, – ласково сказал Холмс. – Почему в Скотланд-Ярде не пользуются этой новой моделью? – продолжал он, вынимая из стола пару наручников. – Взгляните, как хорошо действует пружина. Они мгновенно защелкиваются.

– Нам вполне хватает и старого образца, – заметил Лестрейд. – Было бы на кого их надеть.

– Отлично, отлично, – улыбаясь, произнес Холмс. Кэбмен поможет вынести мои чемоданы. Скажи, что бы он поднялся, Виггинс.

Я был крайне удивлен поведением Холмса: собрался уезжать, а мне – ни слова! В комнате стоял небольшой чемодан – он вытащил его на середину и принялся, стоя на коленях, застегивать ремни. Вошел кэбмен, и Холмс продолжал суетливо возиться с ремнями.

– Кучер, помогите-ка мне застегнуть вот эту пряжку, – не поворачивая головы, произнес Холмс.

Парень с молчаливым пренебрежением подошел к Холмсу и протянул руки к ремню. В этот момент раздался резкий щелчок, металлическое звяканье, и Шерлок Холмс вскочил на ноги.

– Джентльмены, – с сияющими глазами воскликнул он. – Позвольте вам представить мистера Джеферсона Хоупа, убийцу Еноха Дреббера и Джозефа Стенгерсона.

Все остальное произошло в считанные секунды – настолько быстро, что я толком не успел ничего понять. Я отчетливо помню победное выражение на лице Холмса и звук его голоса, изумленное, дикое лицо кэбмена при виде сверкающих наручников, внезапно, словно по волшебству, появившихся у него на запястьях. Несколько минут мы стояли словно статуи. Затем в порыве безумной злобы преступник вырвался из рук Холмса и бросился к окну. Он вышиб оконное стекло, но выскочить не успел – Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него, как свора ищеек. Они втащили его в комнату, где и началась ужасная драка. Преступник был настолько свиреп и силен, что постоянно отбрасывал нас. Как невозможно скрутить человека, бьющегося в эпилептическом припадке, так и мы не могли справиться с ним. Его лицо и руки были исполосованы, он истекал кровью, но, казалось, совершенно не замечал этого. И только тогда, когда Лестрейд, изловчившись, просунул руку преступнику под шарф и едва не задушил его, нам удалось с ним справиться. Мы не почувствовали себя в безопасности до тех пор, пока не связали ему ноги. Проделав все это, мы, пыхтя и задыхаясь, поднялись с пола.

– У нас есть его кэб, – произнес Шерлок Холмс. – На нем мы и доставим преступника в Скотланд-Ярд. Ну что ж, джентльмены, – продолжил он с приятной улыбкой. – Вот мы и добрались до разгадки нашей маленькой тайны. Пожалуйста, можете задавать любые вопросы. И не бойтесь, я вполне могу ответить на любой из них.

Часть II. Страна святых

Глава 1

Великая щелочная равнина

В центральной части огромного северного американского материка лежит сухая и безжизненная пустыня, служившая естественным барьером на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски, от реки Йеллоустон на севере до Колорадо на юге простираются земли тишины и отчаянья. Но природа и здесь показала свой изменчивый характер. Тут есть и покрытые снегом вершины, и величественные горы, и мрачные, темные ущелья. Быстрые реки мчатся через каньоны, огромные равнины, скрытые зимой под снегом, летом становятся серыми от соленой пыли. Но на всем лежит отпечаток одиночества, безысходности и отчаянья.

Безлюдна эта страна. Здесь царствует безнадежность. Лишь изредка забредают сюда индейские племена в поисках новых земель для охоты, но тут же уходят. Даже самые отчаянные из них рады поскорее забыть пугающий вид этих равнин и оказаться подальше отсюда. Койоты крадутся по кустам, канюк тяжело машет в небе крыльями, и неповоротливый медведь гризли, неуклюже переваливаясь, бродит по темному ущелью, с трудом находя пищу среди безжизненных скал. Вот и все обитатели этой дикой местности.

Наверное, в целом мире нет более мрачной картины, открывающейся с северного склона Сьерра Бланка. Насколько хватает глаз, протянулась громадная и однообразная равнина, вся покрытая пятнами щелочи, похожими на заплатки, перемежающаяся чахлыми деревцами и низкорослыми кустарниками. У самого края горизонта лежит бесконечная цепочка гор с белеющими снежными вершинами, издали напоминающая очень длинную, местами со сточенными зубьями, пилу. На этой огромной части страны нет ни единого признака жизни, даже следа, оставленного живым существом. Птицы не парят в синевато-стальном небе, и ничто не движется по мертвой, серой земле – над пустыней повисла полная тишина. Напрасно вы будете вслушиваться в окружающую вас безжизненную пустоту – ответом будет лишь молчание, абсолютная, гнетущая тишина.

Уже говорилось о том, что на широкой равнине нет никаких признаков жизни, хотя это не совсем так. С высоты Сьерра Бланка видна дорога, извивающаяся по пустыне и убегающая вдаль, теряясь за горизонтом. Эта дорога изборождена колесами и вытоптана ногами множества искателей приключений. Повсюду разбросаны какие-то белые предметы, сверкающие на солнце так, будто их совсем не коснулись отложения щелочи. Подойдите поближе и рассмотрите их. Это кости: одни большие и грубые, другие поменьше и более аккуратные. Крупные кости – рогатого скота, а другие – человеческие. Полторы тысячи миль тянется этот ужасный, устланный смертью путь. Путь, по которому разбросаны останки тех, кто погиб в пустыне.

Такую безрадостную картину увидел перед собой одинокий путник четвертого мая 1847 года. Только по виду этот человек скорее походил на демона или духа этих мест. На первый взгляд ему можно было дать и сорок, и шестьдесят лет. Лицо путника было худым и изможденным, а желтая, словно пергамент, кожа туго обтягивала выпирающие кости. Его длинные, темные волосы и борода были сплошь усеяны белыми пятнами седины, а ввалившиеся глаза горели неестественным блеском. Рукой, похожей на кисть скелета, он сжимал винтовку. Путник был высок и широкоплеч. Чтобы не упасть, он опирался на винтовку. Но даже сгорбленная поза не могла скрыть его высокого роста и могучего телосложения. Однако, его изможденное лицо и одежда, висевшая мешком на исхудалых, как плети, руках, говорили о том, отчего путник столь ужасающе выглядел. Он умирал – умирал от голода и жажды.

Он с трудом, напрягая последние силы, спустился в лощину, а затем с трудом забрался на небольшое плато в тщетной надежде увидеть здесь, на равнине, хоть какие-нибудь признаки воды. Но перед ним расстилалась великая соляная пустыня, а дальше за ней – полоса диких гор, и нигде ни травинки, ни деревца. Значит, нет и воды. Он смотрел и на юг, и на восток, и на запад – нигде ни проблеска надежды. И тогда человек понял, что его скитания подошли к концу, и вот здесь, на этом унылом утесе, он и приготовился умереть. «Не все ли равно, здесь или на пуховой постели лет через двадцать?» – бормотал он, садясь в окружение валунов.

Прежде, чем сесть, человек положил на землю свою бесполезную винтовку и большую шаль, завязанную узлом, которую он нес на правом плече. Казалось, все это потребовало от путника невероятных усилий. Он почти без сил опустился на землю. Тотчас же из серого свертка раздался жалобный возглас, а вслед за тем высунулась маленькое, испуганное личико с блестящими темными глазенками. Потом показались и два крошечных, в ямочках, кулачка.

– Ты ушиб меня! – укоризненно произнес детский голосок.

– Прости меня, – ответил путник извиняющимся тоном. – Я не хотел.

Говоря, он развязал серую шаль и вытащил симпатичную маленькую девочку примерно лет пяти. На ней были изящные ботиночки и нарядное розовое платьице с повязанным поверх льняным фартучком – видимо, ее одевала заботливая мать. Девочка была очень бледненькая и усталая, в то же время было видно, что на ее долю выпало гораздо меньше страданий, чем на ее путника.

– Тебе больно? – с тревогой спросил он, тогда как девочка теребила прядку золотистых волос, копной покрывавших ее голову.

– Поцелуй – и все пройдет, – произнесла она совершенно серьезно, показывая на ушибленное место. – Мама всегда так делала. А где мама?

– Мама ушла. Думаю, ты ее долго не увидишь.

– Как ушла! – воскликнула девочка. – Странно, и даже не сказала «До свиданья»? Она говорила это даже тогда, когда уходила к тетушке пить чай, а сейчас ее нет уже целых три дня. Скажи, почему тут так сухо? У нас нет воды и нечего поесть?

– Ничего нет, миленькая. Потерпи чуть-чуть, и все будет в порядке. Смотри веселее, и тогда тебе легче будет переносить невзгоды. Не так-то легко говорить, когда губы как подметки, но, полагаю, будет лучше, если ты узнаешь, как обстоят у нас дела. А это что у тебя?

– Посмотри, какие хорошенькие! И какие забавные! – восторженно воскликнула девочка, держа в ручонках два блестящих кусочка слюды. – Когда мы вернемся домой, то я подарю их брату Бобу.

– Скоро ты увидишь кое-что получше, – самоуверенно произнес мужчина. – Только подожди немного. Я вот что хотел тебе сказать. Помнишь, когда мы покинули реку?

– Ах, да.

– Так вот, мы рассчитывали, что скоро будем у другой реки. Но почему-то мы ошиблись. То ли карта подвела, то ли компас, или еще что-нибудь. Сейчас это уже не важно. У нас кончилась вода. Остался лишь маленький глоток воды для тебя, а потом...

– И ты не сможешь умыться, – серьезно перебила его девочка, глядя на его испачканное лицо.

– И попить тоже. Мистер Бендер, он был первым, кто умер, за ним индеец Пит, потом миссис Макгрегор, Джонни Хоунс, а потом, дорогая, и твоя мама.

– И мама тоже умерла!?! – воскликнула девочка, и, уронив личико в фартучек, горько зарыдала.

– Да, все умерли, кроме нас. А потом я подумал, что, возможно, в этой стороне нам удастся отыскать воду. Я взвалил тебя на плечи и пошел – так началось наше утомительное путешествие. И, кажется, здесь стало еще хуже. А теперь у нас и вовсе нет никаких шансов!

– Ты считаешь, что мы тоже умрем? – спросила девочка, перестав всхлипывать и поднимая заплаканное личико.

– Полагаю, что дело к этому и идет.

– Почему же ты раньше мне этого не сказал? – произнесла она, радостно улыбаясь. – Ты так меня напугал. Но ведь, когда мы умрем, мы снова будем с мамой?

– Ты, дорогая, конечно.

– И ты тоже. Я ей расскажу, какой ты ужасно добрый. Я уверена, что она встретит нас у дверей рая с большим кувшином воды и горкой гречишных оладьев, горячих, поджаренных с двух сторон – такие, какие любим мы с Бобом. А сколько нам еще ждать?

– Я думаю, не очень долго, – глаза мужчины были устремлены на север. На голубом небе показались три крошечных пятнышка. Они росли с каждой минутой и вскоре превратились в трех огромных птиц, которые сначала принялись кружить над головами путников, а потом уселись на одну из окружавших мужчину и девочку скал. Это были канюки, грифы с запада, чье появление считается предвестием смерти.

– Петушки и курочки! – радостно воскликнула девочка, показывая на их уродливые тела. Она похлопала в ладоши, заставляя птиц взлететь. – Скажи, а эту страну тоже создал Бог?

– Получается, что так, – произнес ее попутчик, слегка удивившись такому внезапному вопросу.

– Он создал все в Иллинойсе. Он создал и Миссури тоже, – продолжала малышка. – Я думаю, что это место тоже кто-нибудь создал. Но создал не очень хорошо, забыл сделать воду и посадить деревья.

– Ты не хотела бы помолиться? – робко спросил мужчина.

– Но ведь ночь еще не наступила.

– Это не важно. Богу все равно, когда ты молишься, лишь бы ты это делала. А молитву мы прочтем ту же, что ты читала перед сном в своем фургоне, когда мы ехали по равнинам.

– Почему ты сам не прочтешь какую-нибудь молитву?

– Я забыл их, – ответил он. – Я не произнес ни одной молитвы с тех пор, когда ростом был вдвое меньше этого ружья. Не помню, чтобы после этого я когда-либо молился. Ты говори, а я стану рядом с тобой, и буду повторять.

– Тогда ты встань на колени, и я тоже, – сказала она, расстилая на земле шаль. – Подними вот так руки, и тебе станет легче.

Лишь канюки были свидетелями этого странного зрелища. На узкой шали друг против друга стояли два путника – лепечущий ребенок и отчаянный, закаленный невзгодами искатель приключений. Кругленькое личико девочки и его изможденное, угловатое лицо были подняты к небу, на котором не виднелось ни облачка. Они словно видели Сущего, к которому обращались. Обращались, слившись воедино, два голоса – один высокий и чистый, другой – низкий и грубый. Они зывали к его милосердию и молили о прощении. Закончив молитву, они положили шаль, служившую им подстилкой, в тени камней, и девочка задремала, положив голову на грудь своего защитника. Он некоторое время смотрел на нее, борясь со сном, но усталость взяла свое. Три дня и три ночи он провел без сна и отдыха. Вскоре веки его опустились, закрыв на утомленные глаза, голова все ниже и ниже опускалась на грудь все ниже и ниже. Поседевшая борода мужчины смешалась с золотистыми косами его маленькой спутницы, путники крепко уснули.

Если бы мужчина не задремал, то в течении получаса наблюдал бы довольно странное зрелище. Далеко, у самого горизонта, там, где берет начало щелочная равнина, поднималось небольшое облачко пыли. Вначале маленькое, едва различимое, сливающееся с дымкой, постепенно оно приобретало ясные очертания, росло ввысь и вширь, пока, наконец, не превратилось в плотную, ясно различимую тучу. Она продолжала увеличиваться в размерах, пока, наконец, не стало ясно, что это – громадное облако пыли, поднятое движущимся по равнине огром-

ным стадом животных. В местах плодородных человек наблюдательный пришел бы к выводу, что к нему приближаются бизоны, огромными стадами пасущиеся в прериях. Но здесь, в этих иссушенных, безжизненных землях такое было попросту невозможно! Вихрь пыли коснулся одинокой скалы, под которой нашли приют двое несчастных скитальцев, и из дымки стали вырисовываться парусиновые навесы повозок и фигурки вооруженных всадников. Показался огромный караван, идущий на Запад. Но что это был за караван! Когда его голова достигла подножья гор, его хвост был еще далеко за горизонтом. Через громадную равнину растянулись, смешавшись в беспорядке, телеги и повозки, конные и пешие, толпы женщин, спотыкающиеся под своими ношами, дети, часть из которых семенила рядом с повозками, а те, что поменьше, выглядывали из-под белых навесов. Очевидно, это были не обычные иммигранты, а странники, вынужденные под давлением сложившихся обстоятельств отправиться на поиски новой родины. Поднимающийся вверх шум и гам толпы людей смешивался со скрипом колес и ржанием лошадей. Но даже подобная жуткая какофония не была способна разбудить двух смертельно уставших путников.

Во главе колонны, верхом на лошадях, с суровыми, мрачными лицами ехало примерно двадцать вооруженных винтовками человек в домотканой одежде. Подъехав к скале, они остановились, и принялись совещаться.

– Родники направо, братья, – произнес один из них, со строгими, поджатыми губами, чисто выбритым лицом и с сильной проседью в волосах.

– Повернем направо у Сьерра Бланка. Оттуда мы сможем пойти на Рио-Гранде, – заговорил второй.

– Не бойтесь, вода здесь будет, – воскликнул третий. – Тот, кто способен высечь воду из скал, не покинет свой избранный народ!

– Аминь! Аминь! – отозвались остальные.

Они собирались двинуться дальше, как вдруг самый молодой и зоркий из них, воскликнув, указал на зубчатый утес прямо перед собой.

Вверху, ярко выделяясь на фоне серых скал, трепетал кусочек розовой ткани. Всадники мгновенно придержали лошадей и вскинули ружья. К ним на подмогу из каравана галопом поскакал отряд подкрепления. У всех на устах было лишь одно слово: «Краснокожие».

– Здесь не может быть индейцев, – произнес пожилой человек, явно, глава отряда. – Территорию племени поуни мы миновали, а по эту сторону гор других племен нет.

– Брат Стенгерсон, я пойду вперед и посмотрю, что там такое, – вызвался один из отряда.

– Я тоже пойду! – раздался голоса его спутников.

– Оставьте лошадей здесь, мы будем ждать вас внизу, – ответил Старейшина. В ту же секунду молодые люди прыгнули с коней, привязали их и принялись карабкаться по крутому склону к предмету, вызвавшему у них такое любопытство. Взирались они быстро и бесшумно, с ловкостью и уверенностью опытных лазутчиков. Стоящие внизу наблюдали, как они перепрыгивают с уступа на уступ, пока, наконец, не увидели их фигуры, поднимающиеся на фоне неба. Тот юноша, что первым подал сигнал опасности, опередил остальных. Шедшие следом за ним вдруг увидели, что он удивленно поднял вверх руки. Догнав его, остальные застыли, пораженные представшим перед ними зрелищем.

На маленькой площадке, венчавшей горную вершину, одиноко возвышался гигантский валун, а возле него лежал высокий, могучего телосложения, но невероятно худой мужчина. Судя по его безмятежному выражению лица и ровному дыханию, он спал. Рядом с ним лежала маленькая девочка. Она обхватила беленькими пухленькими ручками его потемневшую, мускулистую шею, а ее золотоволосая головка покоилась на его груди. Девочка счастливо улыбалась, ее розовый ротик был приоткрыт, обнажив ровную линию белоснежных зубов. Ее округлые маленькие белые ножки с белыми носочками в изящных ботиночках с блестящими пряжками представляли странный контраст с высохшими конечностями ее спутника. На краю

утеса над этой странной парой неподвижно сидели три мрачных канюка. Птицы, завидев ново-прибывших, хрипло и разочарованно каркнули и медленно улетели прочь.

Крики глухих птиц разбудили спящих, и они спросонья удивленно оглядывались. Мужчина поднялся на ноги и посмотрел вниз на равнину – в тот момент, когда сон овладел им, она выглядела пустой и безжизненной. Теперь же она вся была заполнена бесчисленными толпами людей и животных. При виде этой картины на лице мужчины застыло выражение недоумения. Прикрыв костлявой ладонью глаза, он пробормотал:

– Наверное, это и есть предсмертный бред., – пробормотал путник.

Девочка, держась за полу его вельветовой куртки, стояла рядом и молчала. Она смотрела на все происходящее вокруг по-детски удивленным, вопросительным взглядом.

Спасители быстро убедили двоих скитальцев, что увиденное ими – не иллюзия. Один из них взял девочку и посадил ее к себе на плечо, двое других, поддерживая ее изможденного спутника, помогли ему сойти к каравану.

– Меня зовут Джон Ферье, – говорил путник. – В нашем отряде был двадцать один человек. Я и эта девочка – вот все, что от него осталось. Все они умерли от голода и жажды на юге.

– Это твой ребенок? – спросил чей-то голос.

– Полагаю, что теперь мой, – дерзко воскликнул путник. – Она моя, потому что я спас ее. И никто не отнимет ее у меня. С сегодняшнего дня она – Люси Ферье. Ну, а вы-то кто? – продолжил он, с любопытством поглядывая на своих рослых, загорелых спасителей. – Похоже, вас тут целая армия!

– Почти десять тысяч, – произнес один из молодых людей. – Мы – гонимые дети Божьи – избранный народ ангела Мерона.

– Я о таком никогда не слышал, – произнес путник. – Порядочно у него избранников, я погляжу.

– Не кощунствуй, – произнес другой сурово. – Мы – те, кто верит в святые заповеди, начертанные египетскими иероглифами на скрижалях кованого золота, которые были переданы святому Джозефу Смиту в Пальмире. Мы пришли из Нову, штат Иллинойс, где построили наш храм. Мы скрываемся от тиранства и от безбожников, и ищем убежища, даже если оно окажется в самом сердце пустыни.

Очевидно, название «Нова» кое о чем напомнило Джону Ферье.

– Понятно, – произнес он. Значит, вы – мормоны.

– Да, мормоны, – ответили они в один голос.

– И куда же вы идете?

– Мы не знаем. Рука Господня ведет нас в лице нашего пророка. Ты обязан предстать перед ним. Он скажет, как нам следует с тобой поступить.

Через некоторое время они достигли подножья горы, где их окружила целая толпа пилигримов – бледные, забитые женщины, громко смеющиеся дети и суровые, с озабоченными взглядами мужчины. Увидев маленькую девочку и ее изможденного спутника, многие удивленно и сочувственно восклицали. Однако, их сопровождающие, не останавливаясь, проталкивались сквозь толпу мормонов, пока, наконец, не подошли к повозке, которая была заметно больше остальных, и выглядела не так бедно, как все остальные. В нее были запряжены шесть лошадей, тогда как в остальных повозка было по две, самое большое, по четыре лошади. Рядом с кучером сидел человек, на вид которому было лет тридцать, не больше, но, судя по его массивной голове и волевому выражению лица, это и был главный. Он читал толстую книгу в темном переплете, но стоило толпе приблизиться, как он отложил ее и стал внимательно слушать пересказ произошедших событий. Затем он повернулся к путникам и важно произнес.

– Мы возьмем вас с собой, если только вы примете нашу веру. Мы не потерпим волков в нашем стаде. Если от маленькой червоточки стгниет все яблоко, то будет лучше, если ваши кости истлели бы в пустыне. Вы согласны пойти с нами и принять это условие?

– Да я пойду с вами на любых условиях, – произнес Ферье с таким рвением, что даже суровые старейшины не смогли сдержать улыбку. Лишь лицо вождя осталось невозмутимым.

– Возьми их к себе, брат Стенгерсон, – произнес он. – Накорми и напои его и ребенка. Теперь твоей задачей будет обучить их нашей святой вере. А теперь вперед! Мы не можем дольше ждать! В Сион!

– В Сион! В Сион! – закричала толпа мормонов. Их клич подхватили остальные. Он пронесся по каравану, передаваясь из уст в уста и, перейдя в монотонный ропот, затих вдали. Защелкали кнуты, закрипели колеса, огромные повозки пришли в движение, и вскоре уже весь караван снова потянулся через пустыню. Старейшина, которому поручили заботиться о двух путниках, отвел их в свою повозку и накормил.

– Вы останетесь здесь и через несколько дней оправитесь от своего утомительного путешествия. Между тем, запомните, что отныне и навсегда вы принадлежите к нашей вере. Так сказал Бригем Янг (*Бригем Янг 1801–1877, следующий после Джона Смита руководитель мормонов*), а его устами говорит Джозеф Смит, то есть глас Божий.

Глава 2 Цветок Юты

Неуместно будет здесь перечислять все тяжкие испытания и лишения, которые выпали на долю бежавших от преследований мормонов, прежде чем они нашли себе надежное пристанище. Они пробирались от берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор с неслыханным во всей истории упорством. Дикари, хищные звери, голод, жажда, усталость и болезни – словом, все те препятствия, которые природа ставила им на пути – они преодолевали с англосаксонской настойчивостью. Но все-таки долгий путь и бесконечные беды поколебали веру даже самых сильных из них. С большим облегчением они опустились на колени и принялись горячо молиться, увидев перед собой широкую, залитую лучами солнца долину Юты. Их вождь произнес, что это и есть земля обетованная, и отныне эти девственные земли принадлежат им.

Оказалось, что Янг не только непоколебимый вождь, но и талантливый руководитель. Скоро уже были составлены карты местности и разработан план будущего города. Вокруг города были разбиты участки под фермы, распределение которых происходило согласно занимаемому положению каждого. Пришло время торговли и ремесел. И, буквально очертя голову, многие торговцы занялись своим делом, а ремесленники – своим. Словно по волшебству вырастали городские улицы и площади. Мормоны осушали болота, ставили изгороди, расчищали поля и сеяли. А на следующее лето уже колосилась, созревая, золотистая пшеница. Все в этом странном поселении росло с необыкновенной быстротой. Но стремительнее всех поднимался ввысь храм в центре города. Казалось, он с каждым днем становится все больше и выше. Поселенцы воздвигали памятник Тому, кто провел их сквозь множество опасностей, и около храма с ранней зари до сумерек, не переставая, стучали молотки и визжали пилы.

Двое одиноких путников, Джон Ферье и маленькая девочка, которая волею судьбы стала его приемной дочерью, сопровождали мормонов до самого конца их тяжелых скитаний. Маленькая Люси удобно путешествовала в повозке старейшины Стенгерсона, где вместе с нею разместились три жены мормона и его сын, упрямый, своевольный мальчик двенадцати лет. Детская душа очень податлива, и вскоре Люси, оправившись от удара, вызванного смертью матери, стала любимицей женщин и вполне привыкла к жизни на колесах, под парусиновой крышей. Кроме того, Ферье, окрепнув после тяжелого странствия, оказался знающим проводником и неутомимым охотником. Он быстро завоевал уважение своих новых товарищей, и когда скитания их подошли к концу, они единогласно решили, что Ферье заслуживает такого же участка плодородной почвы, как и остальные поселенцы. Самые большие участки получили Янг и еще

четверо четверо человек, входящих в Совет старейшин – Стенгерсона, Кемболла, Джонстона и Дреббера.

На своем участке Ферье поставил добротный бревенчатый сруб, который со временем обрастал пристройками, пока не превратился в просторный дом. Ферье был человеком сметливым, практичным, и любое, даже самое трудное дело спорилось в его руках. Его железное здоровье позволяло ему трудиться на своей земле от зари до позднего вечера, поэтому и дела на его ферме шли отлично. За три года он стал богаче, чем его соседи, через шесть лет – он уже слыл состоятельным человеком, через девять его называли богачом, а через двенадцать лет во всем Солт-Лейк-Сити не нашлось бы и шести человек, способных с ним сравняться. От Большого соленого озера до горного хребта Уосатч имя Джона Ферье было самым известным.

У Ферье был только один недостаток, очень обижавший его единоверцев. Никакие доводы и уговоры не могли заставить его, по примеру остальных, завести нескольких жен. Он никогда не говорил о причине своего упорного отказа, но твердо продолжал настаивать на своем. Некоторые обвиняли его в неуважении к принятой религии, другие – в жадности и нежелании тратить на содержание семьи. Некоторые же поговаривали, что он до сих пор не может забыть свою прошлую любовь, белокурую красавицу, до сих пор тоскующую по нему где-то на берегах Атлантики. Но как бы там ни было, Джон Ферье упорно оставался холостяком. Во всем же остальном он был верен религии поселенцев, и все знали его как человека прямого и честного.

Люси Ферье росла в огромном доме и во все делах помогала своему приемному отцу. Чистый горный воздух и целебный аромат сосен заменили юной девушке мать и няню. С годами она становилась все выше и стройнее, румянец на ее щечках горел все ярче, а походка ее становилась все более упругой. И при виде гибкой девичьей фигурки, мелькавшей на пшеничных полях или скачущей на мустанге отца, которым Люси правила с грацией и непринужденностью истинной дочери Запада, в сердцах путников, проезжавших по дороге мимо фермы Джона Ферье, оживали давно забытые чувства. Постепенно бутон распустился, превратившись в прекрасный цветок, и в тот год, когда Джон Ферье стал самым богатым фермером, его дочь стала самой красивой девушкой Юты.

Конечно, отец не был первым из тех, кто заметил, что ребенок превратился в женщину. Отцы вообще редко замечают подобное. Это волшебное превращение произошло настолько плавно и незаметно, что невозможно было назвать его точной даты. Сама девушка узнает это последней, и не догадывается ни о чем, пока тембр голоса или легкое касание руки не заставляют все внутри нее трепетать. И она с улыбкой, гордо и с примесью страха, ощущает, что всю ее заполнило нечто неизвестное и огромное. Немногие способны забыть тот день и тот незначительный случай, ставший вестником этой перемены. То, что произошло с Люси Ферье – отнюдь не пустяк. Это происшествие повлияло на ее будущее и судьбы многих людей.

Стояло жаркое июньское утро. Мормоны трудились, как пчелы – недаром своей эмблемой они выбрали пчелиный улей. На полях и улицах города деловито гудели людские голоса. По пыльным дорогам тянулись длинные вереницы тяжело нагруженных мулов – все они шли на запад, потому как в Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, а дорога туда пролегла как раз через город Избранных. Туда же с дальних пастбищ двигались стада овец и мулов, тянулись вереницей усталые переселенцы. И людей, и животных в равной степени изматывало бесконечно долгое путешествие. Сквозь эту пеструю толпу, уверенно прокладывая себе путь, скакала Люси Ферье. Ее лицо покраснелось, ветер развевал длинные каштановые волосы. Отец попросил ее съездить в город. Думая только о его поручении и о том, как она его выполнит, Люси с бесстрашием юности врзалась в самую гущу толпы. Усталые путники с удивлением смотрели ей вслед, и даже сдержанные индейцы, закутанные в меха, изменили своей выдержке – их, словно чудо, поразила красота бледнолицей девушки.

Она подъехала к окраине города, и неожиданно дорогу ей преградило огромное стадо. Гнали его шестеро диковатого вида пастухов. Не желая ждать, когда пройдет стадо, Люси, нетерпеливо подталкивая лошадь, попыталась проехать сквозь него. Но едва она успела въехать в образовавшийся проход, как позади нее животные снова сомкнулись, и она очутилась зажатой в движущийся поток свирепых, с угрожающе длинными рогами быков. Привыкшая управляться с быками, она не ударилась в панику и при каждой возможности погоняла лошадь в надежде пробить себе дорогу вперед. К несчастью, случайность это была или нет, но один бык боднул ее мустанга в бок. Конь Люси прошел в бешенство. Храпя от ярости, он взвился на дыбы, загарцевал и принялся беспокойно метаться. Люси неминуемо свалилась бы с лошади, не будь она такой умелой наездницей. С каждой секундой ситуация становилась угрожающей. Всякий раз, когда мустанг опускался на передние копыта, он наткнулся на рога быков, разъярясь от этого все больше и больше. Люси оставалось только одно – во что бы то ни стало удерживаться в седле, в противном случае ей грозила смерть под копытами мощных и перепуганных животных. Никогда еще Люси не оказывалась в столь опасных обстоятельствах, и не знала, что делать. Голова ее закружилась, рука, сжимавшая поводья, ослабела. Задышавшись от пыли и запаха разгоряченных животных, она чуть было не выпустила поводья из рук, как вдруг рядом с ней послышался одобряющий голос и она поняла, что ей пришли на помощь. В этот момент мускулистая, загорелая рука дотянулась до узды мустанга и вскоре всадник, протискиваясь сквозь стадо быков, вывел коня на окраину города.

– Надеюсь, вы не пострадали, мисс, – почтительно произнес ее спаситель.

Она посмотрела на его темное, суровое лицо и весело рассмеялась.

– Я жутко струсила, – простодушно ответила Люси. – Никогда бы не подумала, что моего Пончо так испугает стадо быков.

– Слава Богу, вы удержались в седле, – убедительно произнес высокий, диковатого вида молодой парень, сидевший на крупной, чалой лошади. Одет он был в грубую охотничью куртку, а за плечами у него висела длинная винтовка. – Вы, наверное, дочь Джона Ферье? – заметил он. – Я видел, как вы выехали из дома. Когда вы его увидите, то спросите, помнит ли он Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Ферье, то они были очень дружны с моим отцом.

– Может быть, вам самому зайти и спросить у него об этом? – скромно произнесла девушка.

Молодому человеку это предложение явно понравилось, глаза его довольно блеснули.

– Я так бы и сделал, – произнес он. – Но мы два месяца были в горах, вид у нас для визитов неподходящий. Придется принять нас такими, как есть.

– Он с радостью вас примет, да и я тоже, – ответила Люси. – Он меня ужасно любит, и если бы меня растоптали эти быки, он никогда бы не пережил этого.

– Я тоже, – ответил ее собеседник.

– Вы?! Ну а вам-то какое до меня дело? Мы с вами даже не друзья.

После этих слов лицо охотника так помрачнело, что Люси громко рассмеялась.

– Простите, я совсем не то имела в виду, – произнесла она. – Конечно, вы теперь наш друг. И вы обязательно должны прийти к нам. А сейчас мне пора ехать, иначе отец никогда больше не доверит мне ни одного дела. До свиданья!

Джефферсон Хоуп-младший вернулся к своим спутникам хмурый и молчаливый. Они искали серебро в горах Невады и вернулись в Солт-Лейк-Сити в надежде, что им удастся набрать денег для разработки найденных ими залежей. Он не меньше остальных был занят этим делом, но сегодняшнее происшествие заставило молодого охотника думать о другом. Образ прекрасной девушки, юной и свежей, как ветерок Сьерры, покорила его пылкую, неукротимую натуру. Едва Люси исчезла из виду, как он понял, что в его жизни наступает переломный момент и с этой минуты никакая спекуляция серебром, ни что-нибудь другое не способно

было затмить его новое, всепоглощающее чувство. Проснувшись в его сердце любовь не была внезапным, изменчивым капризом юности, а неистовой страстью человека с сильной волей и бурным темпераментом. Упорный и настойчивый, он привык добиваться того, чего хотел. И сейчас он всем сердцем поклялся, что так будет и на этот раз.

Он пришел к Джону Ферье в тот же вечер, и стал приходить так часто, что в доме его уже считали своим. Целых двадцать лет Ферье не выезжал за пределы долины и был с головой поглощен работой. С приходом Джеферсона Хоупа у него появилась ничтожная возможность узнать, что же происходит в мире. Молодой охотник мог многое рассказать, и делал он это так, что слушать его было интересно и отцу, и дочери. Он был пионером Калифорнии, знал множество необычных историй о том, как в те безумные и счастливые дни создавались и рушились целые состояния. Он разведывал пустынные земли, искал серебряную руду, был охотником и работал на ранчо. Джеферсон Хоуп всегда бросался навстречу самым опасным приключениям, где бы они не происходили. Вскоре он стал любимцем старого фермера, который всячески нахваливал его достоинства. В подобных случаях Люси помалкивала, но яркий румянец на ее щеках и светящиеся счастьем глаза красноречивее слов говорили о том, что ее юное сердце больше ей не принадлежит. Простодушный фермер не замечал этих многозначительных признаков, но они не укрылись от взгляда того, кому удалось завоевать ее любовь.

Однажды летним вечером Джеферсон Хоуп галопом промчался по дороге к ферме и остановился у ворот. Стоявшая на пороге дома Люси пошла к нему навстречу. Привязав лошадь к забору, он зашагал по дорожке.

– Люси, я уезжаю, – произнес он, взяв ее руки в свои, и нежно глядя ей в лицо. – Сейчас я не прошу тебя поехать со мной, но готова ли ты последовать за мной, когда я вернусь?

– А когда ты вернешься? – засмеялась она, краснея.

– Самое большее, через два месяца. Я приеду и увезу тебя с собой, дорогая. И никто не посмеет встать между нами.

– А как же отец? – спросила она.

– Он даст свое согласие, если дела на приисках пойдут хорошо. А я не сомневаюсь, что так и получится.

– Ну, раз уж вы с отцом обо всем условились, что мне остается делать..., – прошептала она, прижимаясь щекой к его широкой груди.

– Благодарю тебя, Господи! – произнес он хриплым голосом и, нагнувшись, поцеловал Люси. – Значит, решено. Чем дольше я остаюсь с тобой, тем труднее мне будет уехать. Остальные ждут меня в каньоне. До свидания, моя дорогая, до свидания! Через два месяца ты снова увидишь меня!

Наконец он оторвался от нее и, вскочив на коня, словно молния умчался прочь. Джеферсон ни разу не оглянулся назад, будто боялся, что стоит ему взглянуть на Люси, и он тут же останется. Стоя у ворот, она смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Затем она пошла в дом, чувствуя, что во всей Юте нет никого счастливее ее.

Глава 3

Джон Ферье беседует с провидцем

Прошло три недели с тех пор, как Джеферсон Хоуп и его товарищи уехали из Солт-Лейк-Сити. Сердце Джона Ферье сжималось от тоски при мысли о возвращении молодого человека и о неотвратимой скорой разлуке с приемной дочерью. Однако счастливое лицо Люси было лучше всяких доводов, и он почти смирился с тем, что неизбежно должно произойти. Глубоко в душе он уже решил, что никакая сила не заставит его выдать свою дочь за мормона. Он считал, что мормонский брак – стыд и позор. И если он смог изменить свое мнение к остальным догмам мормонской церкви, то в вопросе брака он оставался непоколебим. Естественно, ему

приходилось скрывать свои убеждения, потому как на Земле Святых в те дни было опасно иметь мнение, отличное от общепринятого.

Действительно, опасно. Причем настолько, что даже самые благочестивые из мормонов отваживались говорить о религии только шепотом. Боялись, что их слова будут неверно истолкованы, и это навлечет на них немедленную кару. Жертвы гонений сами стали преследователями, отличаясь страшной жестокостью. Ни севильская инквизиция, ни немецкий феемгерихт, ни тайные общества Италии не могли создать более грозной организации, чем та, которая мрачной сетью окутывала весь штат Юта.

Вдвойне страшнее делало эту организацию то, что она всегда оставалась совершенно невидимой, покрытой плотной завесой тайны. Казалось, она была всеведущей и всемогущей, действуя незримо и неслышно. Человек, восставший против Церкви, бесследно исчезал, и никто не знал, где он и что с ним произошло. Его жене и детям никогда не суждено было его увидеть и узнать, какие муки он испытал в руках своих тайных судей. За неосторожно оброненным словом или опрометчивым поступком следовало уничтожение, но никто не догадывался, какая страшная карающая сила творила суд и приводила в исполнение приговор. Не удивительно, что люди жили в постоянном страхе, даже в сердце пустыни боясь шепнуть кому-нибудь о своих мучительных сомнениях.

Сначала эта неуловимая и страшная сила карала только непокорных, тех, кто, приняв мормонскую веру, отступили от нее и поправили ее догмы. Вскоре, однако, все больше и больше людей ощущали на себе ее давление. У мормонов стало не хватать взрослых женщин, а без женского населения доктрина о многоженстве теряла всякий смысл. Поползли странные слухи – слухи об убийствах переселенцев, о разграблении лагерей в тех краях, где индейцы никогда не показывались. В гаремах старейшин появлялись новые женщины – тоскующие, плачущие, с застывшим на лице ужасом. Путники, задержавшиеся ночью в горах, рассказывали о шайках вооруженных людей в масках, незаметно крадущихся в темноте. Все эти сплетни и слухи обростали фактами, приобретали очертания, подтверждались, подкреплялись, и наконец, получили определенное название. И по сей день на отдаленных ранчо на Западе имя «отряд данитов» или «ангелы-мстители» заставляют каждого трепетать от страха.

Узнав об этой организации, люди стали бояться ее еще больше, чем раньше. Никто не знал, кто эти безжалостные воины. Имена участников кровавых злодеяний, совершаемых во имя религии, хранились в глубокой тайне. Близкий друг, которому вы доверяли свои опасения по поводу Пророка и его миссии, мог, на самом деле, оказаться одним из тех, кто явится к вам ночью с огнем, мечем и жаждой отмщения. Поэтому каждый боялся своего соседа, не смея говорить о самом сокровенном.

В одно прекрасное утро Джон Ферье, собравшийся было ехать на поля, вдруг услышал стук щеколды. Выглянув в окно, он увидел идущего по дорожке полного, с рыжеватыми волосами мужчину средних лет. Сердце его сжалось – это был не кто иной, как сам великий Бригем Янг. Дрожа от страха, Ферье бросился к двери встречать главу мормонов. Он знал – подобный визит не сулит ничего хорошего. Янг холодно ответил на приветствие и с суровым лицом пошел вслед за ним в гостиную.

– Брат Ферье, – произнес он, усевшись и сверля фермера пронизывающим взглядом из под белесых ресниц. – Мы, истинно верующие, были тебе добрыми друзьями. Мы подобрали тебя, когда ты умирал от голода в пустыне, мы разделили с тобой пищу и кров, привезли в Долину Обетованную, предоставили хороший участок земли и, покровительствуя тебе, дали возможность разбогатеть. Не так ли?

– Так и есть, – ответил Джон Ферье.

– Вспомни, что мы потребовали взамен лишь одно – принять нашу истинную веру и во всем следовать нашим обычаям. Ты обещал нам это. Но, если правда то, что про тебя говорят, то ты нарушил свое обещание.

– И как же я нарушил его? – спросил Ферье, протестующее поднимая руки. – Разве я не вношу свою долю в общий фонд? Разве я не хожу в храм? Разве не...

– Где твои жены? – оглядываясь, спросил его Янг. – Позови их, я хочу с ними поздороваться.

– Это правда, я не женат, – ответил Ферье. – Но женщин мало, и есть те, кому они нужны больше, чем мне. Я не одинок: моя дочь заботится обо мне.

– Я как раз хотел поговорить о твоей дочери, – произнес глава мормонов. – Она превратилась в самую прекрасную девушку во всей Юте и приглянулась некоторым достойным людям. Эта новость заставила старого фермера насторожиться.

– Про нее ходят слухи, которым я, однако, не склонен верить – будто бы она обручена с каким-то язычником. Но все это, должно быть, сплетни, болтовня бездельников.

– Что гласит тринадцатая заповедь законов святого Джозефа Смита? «Каждая девица истинной веры должна стать женой избранного; если же она станет женой язычника, то совершит тяжкий грех». Не могу поверить, что ты, исповедующий истинную веру, позволишь своей дочери нарушить клятву.

Ферье молчал, нервно теребя в руке кнут.

– Это будет испытанием для твоей веры – так постановил Совет Четырех. Девушка молода, и мы не хотим лишать ее выбора, выдав за седого старца. У нас, старейшин, достаточно телок (*Герберт С. Кембелл в одной из своих проповедей наградил этим «ласковым» эпитетом своих сто жен.*), но мы должны обеспечить ими своих детей. У Стергерсона и Дреббера есть сыновья, и каждый из них будет рад привести твою дочь в свой дом. Пусть твоя дочь выберет одного из них. Они молоды, богаты и преданны нашей истинной вере. Что ты на это скажешь?

Сдвинув брови, Ферье продолжал молчать.

– Дай нам время все обдумать, – наконец произнес он. – Выходить замуж ей еще рано.

– У нее есть месяц на раздумья, – произнес Янг. – По истечению этого срока она должна дать ответ.

Подойдя к двери, он обернулся – лицо его пылало, глаза горели ненавистью.

– Если ты вздумаешь пойти против решения Священного совета Четырех, – гневно кричал он. – то пожалеешь, что твои и ее кости не истлели тогда в пустыне Сьерра Бланка!

Погрозив кулаком, лидер мормонов снова повернулся к двери, и Ферье услышал, как захрустели по посыпанной гравием дорожке его тяжелые шаги.

Он сидел, уперев локоть в колено, раздумывая над тем, как же сказать обо всем этом Люси. Вдруг он почувствовал, как мягкая ладонь легла ему на плечо и, обернувшись, увидел стоящую позади него дочь. Достаточно было взглянуть на ее бледное, испуганное лицо, что бы понять – Люси все слышала.

– Я ничего не могла поделать, – она ответила на недоумевающий взгляд отца. – Его голос гремел по всему дому. Ах, отец, отец, что же теперь мы будем делать?

– Ничего не бойся, – ответил он, прижимая ее к себе и ласково проводя своей широкой, натруженной ладонью по каштановым волосам дочери. – Как тебе кажется, ты не изменила свое решение начет этого малого?

В ответ она только всхлипнула и легонько пожала его руку.

– Нет, конечно, нет. Не хотел бы я услышать, что ты его разлюбила. Он славный парень и к тому же христианин, а, значит, гораздо лучше этих святош, несмотря на все их молитвы и проповеди. Завтра в Неваду отправляется еще одна партия старателей, и я найду способ ему передать, в какую беду мы попали. И если я, верно понял, этот парень примчится сюда быстрее телеграфной депеши.

Сквозь слезы Люси рассмеялась над таким сравнением.

– Он приедет и посоветует, как нам лучше быть. Но я боюсь за тебя, дорогой отец. О тех, кто осмелился нарушить приказ Пророка, рассказывают страшные вещи... с этими людьми обязательно случается что-нибудь ужасное.

– Но мы и не идем наперекор ему, – ответил ее отец. – А дальше видно будет. У нас впереди целый месяц. А потом нам лучше будет бежать из Юты.

– Покинуть Юту?!

– Похоже, так.

– Но как же быть с фермой?

– Постараемся что можно продать, а остальное – пусть пропадает. Сказать по правде, Люси, я уже давно об этом подумывал. Не могу я ни перед кем пресмыкаться, как здешний народ пресмыкается перед этим Пророком. Я свободный американец, и все это не по мне. Думаю, я слишком стар, что бы переучиваться. А если он начнет шататься вокруг нашей фермы, то может встретить хороший заряд картечи.

– Но они не дадут нам уехать! – попыталась возразить дочь.

– Дождемся приезда Джеферсона и все уладим. А ты пока ни о чем не беспокойся, девочка моя, а то у тебя опухнут глазки и мне попадет от твоего жениха. Не о чем беспокоиться, никакая опасность нам не грозит.

Джон Ферье уверенным тоном утешал ее, но она не могла не заметить, что этой ночью он тщательно запер все двери, а потом осторожно почистил и зарядил висевшее у него над кроватью старое, ржавое ружье.

Глава 4

Побег

На следующее утро после разговора с Пророком мормонов Джон Ферье отправился в Солт-Лейк-Сити. Разыскав своего знакомого, который отправлялся в горы Невады, он передал ему письмо для Джеферсона Хоупа. В нем Ферье написал о грозящей им опасности и просил, чтобы Джеферсон возвращался как можно быстрее. Отдав письмо, он успокоился, повеселел и отправился домой с легким сердцем.

Подъезжая к ферме, Джон удивился – к столбам ворот были привязаны две лошади. Едва он зашел в дом, как увидел непринужденно расположившихся в гостиной двоих молодых людей. Ферье оторопел. Один из гостей, с бледным, вытянутым лицом, развалился в кресле-качалке, положив ноги на камин. Другой, с бычьей шеей и мясистым, с грубыми чертами лицом стоял напротив окна и, засунув руки в карманы, насвистывал популярный гимн. Оба небрежно кивнули вошедшему Ферье и молодой человек, сидевший в кресле-качалке, первым начал разговор.

– Возможно, ты с нами не знаком, – произнес он. – Он – сын Старейшины Дреббера, а я – Джозеф Стенгерсон, который путешествовал в вами по пустыне, когда Господь протянул руку и привел вас к истинно верующим.

– Точно так же Он приведет к нам и все остальные народы, – произнес второй гнусавым голосом. – Он мелет медленно, но мелко.

Джон Ферье с неприязнью поклонился. Он предполагал, кто эти незваные гости.

– По совету своих отцов, – продолжал Стенгерсон, – мы пришли просить руки твоей дочери. Она должна выбрать одного из нас. Но у меня больше шансов стать мужем твоей дочери – у брата Дреббера семь жен, тогда как у меня всего лишь четыре.

– Как бы не так, брат Стенгерсон! – воскликнул второй. – Дело не в том, сколько у каждого из нас жен, а сколько мы сможем обеспечить. Мой отец отдал мне свои мельничные заводы, и я теперь очень богат.

– Но в будущем я стану более обеспеченным, – горячо воскликнул Стенгерсон. – Когда мой отец уйдет в царство Божье, мне по наследству перейдут его дубильная мастерская и кожевенный завод. И потом, я старше тебя и выше по положению.

– Пусть решает невеста, – возразил Дреббер-младший, усмехаясь своему отражению в зеркале. – Мы предоставим ей такое право.

Пока молодые люди похвалялись своими достоинствами, Джон Ферье, кипя от злости, молча стоял в дверях. Он горел желанием пройтись кнутом по спинам своих гостей.

– Взгляните-ка сюда, – произнес, наконец, Джон Ферье, шагнув им навстречу. – Вы придете только тогда, когда позволит моя дочь. Но до тех пор я не желаю видеть ваши рожи в своем доме.

Молодые мормоны смотрели на него в полном недоумении. По их понятиям, спор между двумя женихами из-за девушки делают большую честь не только самой невесте, но и ее отцу.

– У вас есть два способа покинуть мой дом, – крикнул Ферье. – Один – через дверь, а второй – через окно. Какой же из них вы предпочтете?

Его загорелое лицо было перекошено от злости, а огромные, выглядевшие угрожающе кулаки заставили незадачливых визитеров вскочить на ноги и поспешно ретироваться. Старый фермер проводил их до выхода.

– Обязательно дайте мне знать, как только решите, кто же из вас жених, – с издевкой крикнул он им вслед.

– Ты еще заплатишься за это! – воскликнул Стенгерсон, побелев от злости. – Ты бросил вызов Пророку и Совету Четырех и будешь раскаиваться в этом до конца своих дней!

– Тебя тяжело покарает рука Господня! – кричал Дреббер-младший. – Он восстанет и сотрет тебя в порошок!

– Это мы еще посмотрим, чья рука кого покарает! – с гневом воскликнул Ферье и бросился было наверх за ружьем, но Люси удержала его за руку. Прежде чем ему удалось высвободиться, копыта лошадей застучали по дорожке, и Ферье понял – догнать этих молодчиков ему не удастся.

– Мерзавцы! – воскликнул он, вытирая пот со лба. – Я бы скорее увидел тебя в гробу, чем в гареме одного из них, девочка моя!

– Я согласна с тобой, отец, – храбро ответила девушка. – И к тому же скоро сюда придет Джеферсон.

– Да, ждать нам его осталось недолго. И чем скорее, тем лучше – мы не знаем, что они сделают в следующий раз.

Безусловно, именно в этот момент мужественный старый фермер и его приемная дочь больше всего нуждались в совете и поддержке. За всю историю существования поселения еще ни разу никто не ослушался вынесенного Советом Старейшин решения. Если даже за мельчайшие провинности наказание было столь строгим, то чего мог ожидать бунтарь Ферье? Он прекрасно знал, что деньги и занимаемое положение его не спасут. Люди более богатые и влиятельные, чем он, внезапно бесследно исчезали, а все их имущество переходило к церкви. Ферье был храбрым человеком, но мысль о нависшей над ним незаметной, словно тень, угрозе заставляла его трепетать. Если бы он смог встретиться с опасностью лицом к лицу! Но время, проводимое в тревожном ожидании возмездия, начисто лишало его мужества. Однако, он тщательно скрывал свои чувства от дочери, убеждая ее, что все в порядке. Но Люси очень любила отца и без слов научилась понимать, что у него на душе. Она ясно видела, что все не так хорошо, как он старается показать.

Ферье ожидал, что Янг обязательно должен выразить недовольство его поступком. Он не ошибся, хотя сделано это было в довольно непривычной манере. Проснувшись на следующее утро, он с удивлением обнаружил у себя на покрывале приколотый на уровне груди клочок

бумажки. На нем неровными, крупными буквами было написано: «На то, что бы искупить свою вину, у тебя осталось двадцать девять дней. А потом...».

Это многоточие было страшнее любой угрозы. Джон никак не мог догадаться, как же все-таки записка попала в комнату? Прислуга спала в отдельной пристройке, а окна и двери были закрыты. Он смял бумажку, а дочери ничего не сказал. Но отныне в его душе поселился страх. Двадцать девять дней осталось до конца месяца, то есть срока, назначенного Янгом. Какую мощь, какое мужество нужно иметь, чтобы победить врага, вооруженного столь таинственной силой? Ведь пока Джон Ферье спал, рука, что приколола эту записку, могла пронзить его сердце, и он никогда не узнал бы своего убийцу.

Следующее утро напугало его гораздо больше. Они с дочерью только что сели завтракать, когда Люси вдруг, вскрикнув от неожиданности, указала наверх. На потолке коряво, очевидно, головешкой, были написаны цифры «28». Дочь недоумевала, что бы это могло означать, но отец ничего объяснять ей не стал. На этот раз он просидел с винтовкой всю ночь, но так ничего и не заметил. На утро он снова обнаружил теперь уже приколотую к двери бумажку с огромными цифрами «27».

Так проходил день за днем, и каждое утро он убеждался, что незримые враги аккуратно отсчитывают срок, оставляя в самых неожиданных местах напоминание о том, сколько же дней осталось до трагической развязки. Иногда роковые надписи появлялись на стенах, иногда – на полу, а порой маленькие листки бумаги обнаруживались приколотыми к воротам или забору, окружавшему сад. Как не старался Джон Ферье быть бдительным, но так и не смог определить, откуда берутся эти ежедневные предупреждения. И каждый раз, увидя эти зловещие знаки, он испытывал мучительный суеверный страх. Теперь уже Ферье походил на затравленного зверя. Он исхудал, потерял сон, в глазах его поселился постоянный ужас.

Двадцать дней постепенно сократились до пятнадцати, в свою очередь, пятнадцать превратились в десять, но от Джеферсона Хоупа как и прежде не было никаких известий. Количество отпущенных на раздумья дней непоправимо таяло. Едва заслышав стук копыт по дороге или крики всадника, старый фермер бежал к воротам в надежде, что, наконец-то, пришла помощь. И вот, когда от пяти дней осталось четыре, а потом и три, он окончательно пал духом и потерял всякую надежду на избавление. Ферье прекрасно понимал, что один, да еще практически не зная гор, кольцом охватывающих поселение, он совершенно беспомощен. Проезжие дороги сейчас зорко просматривались и охранялись, и никто не мог пройти по ним без специального разрешения Совета Четырех. Куда ни поверни, нет возможности скрыться от нависшей над ним смертельной опасности. Но ничто не могло поколебать его твердого решения скорее расстаться с жизнью, чем обречь свою дочь на унижительную жизнь.

Вечером Джон Ферье, уйдя с головой в размышления, тщетно пытался найти выход из сложившейся ситуации. Сегодня он обнаружил на стене дома цифру «2». Следующий день должен стать последним. Что будет с ними дальше? Воображение рисовало ему ужасные картины. А дочь – что станет с ней, когда его уже не будет рядом? Неужели нет способа вырваться из заброшенный на них невидимой петли? Положив голову на стол, он рыдал над своим бессилием.

Но что это? Неожиданно раздался слабый стук – негромкий, но вполне отчетливый в окружающей ночной тишине. Звук этот шел от двери. Ферье вышел в прихожую и внимательно прислушался. Несколько мгновений ничего не было слышно, а затем тихий, ясно различимый стук повторился. Очевидно, кто-то негромко постукивал по дощатой двери. Неужели это таинственный убийца пришел исполнить приговор секретного трибунала? Или это напоминание о том, что наступает последний день отсрочки исполнения уже вынесенного приговора? Ферье подумал, что обычная смерть гораздо лучше подобной мучительной неизвестности, заставляющей сердце сжиматься в тревоге при каждом шорохе. Шагнув вперед, Ферье поднял щеколду и открыл дверь.

Снаружи все было спокойно и тихо. Стояла прекрасная ночь, над головой ярко светили звезды. Фермер оглядел маленький, огороженный решеткой садик перед домом – но ни там, ни на улице не было ни души. Разочарованно вздохнув, Ферье посмотрел направо, затем налево, и вдруг случайно глянул вниз – прямо у его ног ничком на земле, раскинув в стороны руки и ноги, лежал человек.

Ферье, прижав руки ко рту, в ужасе отпрянул к стене. Первой его мыслью было то, что этот человек ранен или мертв. Но тот быстро и бесшумно, словно змея, пополз прямо в дом. Оказавшись в прихожей, человек вскочил на ноги и закрыл дверь – удивленный фермер узнал твердое, решительное лицо Джеферсона Хоупа.

– Господи! – воскликнул Джон Ферье. – Как ты меня напугал! Но почему ты добирался ползком?

– Дайте мне поесть, – прохрипел Хоуп. – У меня не было ни крошки во рту двое суток.

С этими словами он жадно набросился на оставшееся после ужина холодное мясо.

– Как Люси? – спросил он, наевшись.

– Хорошо. Она не осознает всю опасность, которой мы подвергаемся, – ответил отец.

– Это даже к лучшему. Дом просматривается со всех сторон – вот почему мне пришлось ползти. Они, конечно, хитры, но охотника из Ушо им не поймать.

Почувствовав, что теперь у него есть преданный союзник, Ферье словно переродился. Он схватил жесткую ладонь парня и крепко стиснул.

– Такими, как ты, можно только гордиться, – произнес он. – Не многие бы отважились разделить с нами такую беду.

– Что верно, то верно, – ответил молодой охотник. – Я вас очень уважаю, но будь вы один замешаны в этом деле, я бы дважды подумал, прежде чем сунуться в это осиное гнездо. Я приехал только ради Люси, и пока Джеферсон Хоуп ходит по земле, ни один волосок не упадет с ее головы.

– Что мы будем делать?

– Завтра – последний день назначенной отсрочки, и если сегодня не покинуть ферму – вы погибли. В Орлином ущелье, нас ждут две лошади и мул. Сколько у вас денег?

– Две тысячи золотом и пять тысяч банкнотами.

– Отлично. У меня почти столько же. Нам необходимо пробраться через горы в Карсон-сити. А теперь разбудите Люси. Хорошо, что слуги спят не в доме.

Ферье пошел помочь дочери собраться в дорогу, а тем временем Джеферсон Хоуп сложил в узелок всю провизию, какая нашлась в доме, и налил воды в глиняные кувшины. Он знал, что в горах источников мало, да и находятся они далеко один от другого. Он едва успел закончить все необходимые приготовления, как вошли фермер с дочерью. Она уже оделась и была готова немедленно отправиться в путь. Влюбленные впопыхах обменялись красноречивыми взглядами – сейчас была дорога каждая минута, а впереди их ждало еще много дел.

– Нам пора отправляться, – произнес Джеферсон негромко. Решительность его тона говорила о том, что молодой охотник прекрасно осознает, сколь опасно их путешествие. И Джеферсон Хоуп сдаваться не собирается.

– Передний и задний выходы просматриваются, но если действовать осторожно, мы можем уйти через боковое окно, и дальше по полю. Выйдем на дорогу, а оттуда всего две мили до Орлиного ущелья, где нас и ожидают лошади. К рассвету мы уже будем на половине пути через горы.

– А если нас остановят? – спросил Ферье.

Хоуп похлопал по рукоятке револьвера, торчащей из-под куртки.

– Если их окажется очень много, то пару-тройку мы заберем с собой, – ответил он, мрачно усмехнувшись.

Весь свет в доме погасили. Ферье высунулся из темного окна и посмотрел на свои поля, которые он сейчас покидал навсегда. Старый фермер очень долго переживал, но понял, что потеря фермы неизбежна. Честь и счастье его дочери были дороже утраченного состояния. Весь мир вокруг дышал спокойствием и счастьем. Вслушиваясь в убаюкивающий шелест деревьев, всматриваясь в широко раскинувшиеся пшеничные поля, Джону Ферье с трудом верилось, что где-то там притаилась смерть. Но побледневшее, напряженное лицо молодого охотника красноречиво говорило о том, что около дома кроется достаточно опасностей, и излишняя осторожность не помешает.

Ферье взял сумку с деньгами, Джеферсон – скудный запас пищи и воды. Люси жехватила с собой только маленький сверток с дорогими сердцу вещами. Открыв без единого звука окно, беглецы с тревогой ждали, когда облако закроет небо. Затем осторожно, по одному они спустились в маленький садик. Припав к земле и тяжело дыша, они пробирались по саду, пока, наконец, не очутились под спасительной тенью изгороди. Обогнув изгородь, беглецы достигли выходящего на кукурузные поля пролома. Неожиданно Джеферсон схватил своих спутников за руки и потянул к земле. Слившись с тенью изгороди, они лежали, дрожа от страха и боясь пошевелиться.

Сейчас их спасло то, что выросший в прериях Джеферсон Хоуп обладал невероятно острым слухом. Он и его друзья успели припасть к земле, прежде чем в нескольких метрах от них уныло прокричала горная сова. Тот час же ей где-то совсем рядом ответила другая. Вдруг в проеме, куда как раз и стремились наши друзья, возникла темная, незаметная фигура, жалобный крик совы повторился – и из темноты показался еще один человек.

– Завтра в полночь, – произнес первый, по-видимому, начальник. – Когда трижды прокричит козодой.

– Хорошо, – ответил второй. – Сказать брату Дребберу?

– Скажи ему, а он пусть передаст остальным. Девять к семи!

– Семь к пяти! – откликнулся второй, и две фигуры бесшумно скрылись, каждый разойдясь в свою сторону. Вероятнее всего, их последние слова были паролем и отзывом. Лишь только их шаги затихли вдали, Джеферсон Хоуп вскочил на ноги, помог своим спутникам миновать пролом и что есть духу помчался по полю. Он поддерживал и помогал Люси тогда, когда девушка слабела и вбивалась из сил.

– Скорее! Скорее! – то и дело шептал он. – Мы миновали линию часовых. Теперь все зависит от быстроты наших ног. – Быстрее!

Выйдя, наконец, на дорогу, где идти было гораздо легче, беглецы зашагали быстрее. Лишь однажды им кто-то попался навстречу, но они успели скользнуть в поле и таким образом, избежать опасности. Не доходя до города, охотник свернул на ведущую в горы узкую и каменистую тропинку. В кромешной темноте над ними возвышались две черные зубчатые вершины, разделенные узким ущельем – это и было Орлиным ущельем, где их ждали лошади. С безошибочным чутьем Джеферсон провел своих спутников мимо громадных валунов по высохшему руслу к укромному месту среди скал, где и поджидали их верные животные. Девушку усадили на мула, держа в руке мешок, старый Ферье сел на лошадь, а Джеферсон Хоуп, взяв другую лошадь под уздцы, повел ее по крутой, обрывистой тропке.

Это был очень трудный путь для тех, кто не привык к путешествиям среди дикой природы. С одной стороны на тысячу футов взметнулась ввысь громадная скала, черная, суровая, с длинными, похожими на ребра окаменевшего чудовища, столбами из базальта, стоящими вдоль отвесной стены. С другой стороны беспорядочно громоздились валуны, пройти по которым просто невозможно. А в середине петляла тропа, местами такая узкая, что проехать по ней можно было по одному, друг за другом, и настолько каменистая, что преодолеть ее мог только лишь опытный наездник. Но, несмотря на все опасности, беглецы воспрянули духом – с

каждым шагом увеличивалось расстояние, разделявшее их и страшную тираническую власть, от которой они пытались спастись.

Но вскоре они воочию убедились в том, что все еще находятся на территории Святых. Они как раз подъехали к самому глухому месту на всем пути, как вдруг девушка испуганно вскрикнула и указала наверх. Над тропинкой, на вершине скалы на фоне неба четко вырисовывался силуэт часового. Он тоже заметил приближающихся путников. «Стой! Кто идет?» – прогремел в тишине над равниной его грозный окрик.

– Путники из Невады, – ответил Джеферсон Хоуп, не снимая руки с лежащего поперек седла ружья.

Часовой, взведя курок, сурово смотрел сверху на путников. Видимо, не удовлетворившись их ответом, он спросил:

– Кто дал разрешение?

– Священный Совет четырех, – ответил Ферье. Достаточно прожив среди мормонов, Ферье знал, что это самый высший и авторитетный орган власти.

– Девять к семи, – крикнул часовой.

– Семь к пяти, – быстро ответил Джеферсон Хоуп, вспомнив подслушанный в саду пароль.

– Проезжайте, и да хранит вас Господь, – услышали они голос сверху. После того, как они миновали пост, тропа расширилась, и лошади перешли на рысь. Обернувшись, беглецы увидели одинокого человека, который стоял на скале, опершись на ружье. И, может быть, они только сейчас осознали, что владения Избранного народа остались позади. Вереди их ждала свобода.

Глава 5 Ангелы-мстители

Всю ночь они передвигались по крутым, извилистым ущельям и узким, каменистым тропам. Не раз они сбивались с пути, но благодаря Джеферсону, отлично знающему горы, они вновь и вновь быстро возвращались на свою стезю. Наступил рассвет, и взорам путников открылось зрелище удивительной и в то же время дикой красоты. Со всех сторон их обступили горные вершины, каждая из которых словно выглядывала из-за плеча друг друга, пытаясь увидеть, что же лежит за далеким горизонтом. Горные склоны были настолько крутыми, что сосны и лиственницы словно нависали над головами путников, едва не касаясь земли. Кажзалось, что стоит только подуть легкому порыву ветра, как деревья будут сброшены вниз. И это не пустые опасения – бесплодная равнина была сплошь усеяна деревьями и валунами, упавшими сверху. И даже когда беглецы проезжали по долине, огромная скала с хриплым грохотом обрушилась вниз, разбудив в молчаливых тесных ущельях такое громкое эхо, что испуганные лошади поскакали быстрее.

Над горизонтом медленно вставало солнце, одну за другой зажигая вершины гор, словно фонарики на празднике, пока все они не засияли алым пламенем зари. Путники невольно любовались этим величественным зрелищем – оно, наполнив их восторгом, придало им новые силы. Около водного потока, стремительно несущегося из ущелья, они наскоро позавтракали и напоили лошадей. Люси и ее отец нуждались в более продолжительном отдыхе, но Джеферсон Хоуп был неумолим.

– Они уже скоро нападут на наш след, – произнес он. – Все зависит от того, как быстро мы сможем ехать. Доберемся до Карсона – там будем отдыхать хоть всю жизнь.

Весь день они пробирались по тропам и, по их подсчетам, от врагов их отделяло более тридцати миль. К вечеру они нашли приют под нависшей скалой, уступы которой смогли хоть немного прикрыть путников от пронизывающего ветра. Здесь теснее прижавшиеся и согреть-

шиеся путники ненадолго заснули, а встав еще до рассвета, снова двинулись в путь. Они не заметили никаких признаков преследования, и Джеферсон Хоуп начал подумывать о том, что им удалось вырваться из лап страшной организации, гнев которой они навлекли на себя. Он, видимо, и не догадывался, насколько далеко способна проникать ее всемогущая рука и как скоро она может схватить и раздавить их.

К середине второго дня после побега их скудный запас пищи подошел к концу. Это не доставляло особого беспокойства молодому охотнику, поскольку для него пребывание в горах всегда было лишь игрой, вызовом судьбе. Ему и раньше приходилось добывать себе пищу, полагаясь лишь на меткость своего выстрела. Выбрав укромное место и набросав несколько веток, Джеферсон развел костер, чтобы хоть как-то помочь своим спутникам согреться. Ведь теперь они находились на высоте пяти тысяч футов над уровнем моря – здесь воздух намного холоднее, чем на равнине. Привязав лошадей и попрощавшись с Люси, он перекинул через плечо винтовку и отправился на поиски какой-нибудь дичи. Оглянувшись, он увидел, что старик и девушка наклонились над костром, а лошади и мул неподвижно стоят за ними. Он прошел пару шагов и окружающие скалы скрыли их из виду.

Он безуспешно шел по равнине милю за милей, хотя по следам, оставленным на стволах деревьев, да и по кое-каким другим приметам он решил, что в этих местах в изобилии водятся медведи. Наконец, после нескольких часов бесплодных поисков, он, отчаявшись, почти уже собрался возвращаться назад, когда вдруг увидел то, что заставило его сердце радостно забиться. На вершине скалы, всего в трехстах – четырехстах футах над ним, стояло животное, на первый взгляд, похожее на овцу, вооруженную парой внушительных рогов. Большерогий козел – а именно так его называют – был, очевидно, вожак стада, которое от охотника скрывали скалы. К счастью, вожак смотрел в другую сторону и не заметил охотника. Лежа ничком на камнях, Джеферсон приставил ружье к скале и долго целился, прежде чем нажать на спусковой крючок. Животное прыгнуло, замерло над скалой в воздухе и с грохотом рухнуло вниз, на землю.

Туша оказалась настолько тяжелой, что охотник решил вырезать бедро и бок, а остальное оставить. Взвалив на плечи свой трофей, он поспешил в обратный путь, поскольку мгла постепенно окутывала горы. Он с трудом двинулся в путь, понимая, однако, что самое трудное еще впереди. Но, пройдя несколько шагов, он вдруг понял, что увлекшись охотой, забрел очень далеко от хорошо знакомых мест и отыскать ту тропинку, по которой он пришел сюда, будет не так-то просто. Долину, в которой он оказался, пересекали многочисленные горные ущелья, настолько похожие друг на друга, что невозможно было отличить одно от другого. Он прошел милю, а может и больше, пока не очутился возле горного потока, которого, он был абсолютно уверен, раньше никогда не видел. Убедившись, что он пошел не по тому пути, молодой охотник направился по другой тропинке. Но результат оказался столь же неутешительным. В горах ночь наступает быстро, и уже почти стемнело, когда, наконец, ему удалось отыскать похожее ущелье. Но и тут ему потребовалось немало усилий, чтобы не сбиться с пути – луна еще не взошла, а по обе стороны тропинки нависали безмолвные скалы, за которыми сгущался мрак. Стибаясь под тяжкой ношей, усталый, он, спотыкаясь, брел вперед, подгоняя себя мыслью о том, что каждый шаг приближает его к встрече с возлюбленной, и что мяса, которое он несет, хватит им до конца путешествия.

Теперь он добрался до ущелья, в котором оставил своих спутников. Даже в темноте он узнал знакомые контуры окружавших его скал. Старик и девушка, наверняка, сильно его заждались, ведь он отсутствовал почти пять часов. Ощущая огромную радость на душе, он приложил ко рту руки – громкое эхо далеко разнесло его ликующий клич, которым он возвещал о своем приходе. Джеферсон Хоуп замолчал и прислушался. Но ответа не было, его крику вторило лишь эхо в мрачном, пустынном ущелье. Он кричал снова и снова, но друзья, которых,

он оставил совсем ненадолго, так ему и не ответили. Неясный, беспричинный страх охватил его, и он с безумной скоростью рванулся вперед, бросив драгоценную ношу.

Обогнув скалу, он увидел площадку, на которой разводил костер. В нем еще тлела кучка золы, но, очевидно, после его ухода никто не поддерживал огонь. Все та же мертвая тишина царила вокруг. Охватившие его поначалу смутные опасения сменился уверенностью, и он в отчаянье закричал. Около тлеющего костра было пусто – животные, старик, девушка – все бесследно исчезли. Пока он плутал по горам, сюда нагрянула беда – беда, поглотившая их и не оставившая никаких следов.

У Джеферсона Хоупа, потрясенного страшным ударом, вдруг потемнело в глазах, голова закружилась и чтобы не упасть, ему пришлось опереться на винтовку. Однако, он был волевым человеком и быстро поборол минутную слабость. Вытащив из почти потухшего костра тлеющую головешку, он подул на нее и принялся осматривать маленький лагерь. Вся земля вокруг была истоптана конскими копытами – значит, на беглецов напал большой отряд всадников, а по направлению следов было видно, что отсюда вся группа повернула обратно в Торки-террас. Они, вероятнее всего, увезли с собой обоих – и старика, и девушку. Он почти уже убедил себя, что именно так и случилось, как вдруг неизъяснимая тревога словно кольнула его сердце, а его нервы напряглись до предела. Немного поодаль он неожиданно заметил небольшую кучку красноватой земли – прежде он ее здесь не видел. Сомнений не было – это недавно засыпанная могила. Молодой охотник подошел ближе – из земли торчала палка, в расщепленный конец, которой был вставлен литок бумаги. Джеферсон прочел краткую, но исчерпывающую надпись.

*Джон Ферье
из Солт-Лейк-Сити
умер 4 августа 1860*

Значит, храброго старого фермера, с которым он не так давно расстался, уже нет в живых, и это – все, что напоминало о нем. Джеферсон Хоуп дико оглянулся вокруг, ища вторую могилу. Но ее не оказалось. Значит, эти чудовища забрали Люси с собой, и она обречена стать одной из множества жен в гареме сына Старейшины. Поняв, что ее судьба решена, и он бессилен изменить ее, Хоуп горько пожалел о том, что не лежит сейчас вместе со стариком в этой тихой могиле.

Но его деятельная натура вновь победила нахлынувшую от отчаянья апатию. Если Люси навсегда потеряна для него, то он может посвятить свою жизнь мести. Наряду с безграничным терпением и упорством, которыми обладал Джеферсон Хоуп, он был человеком злопамятным и мстительным – наверное, эти черты характера он унаследовал от индейцев, среди которых вырос. Стоя у потухшего костра, он почувствовал, что только неотвратимое возмездие, совершенно собственной рукой, поможет пережить ему постигшее его горе. Он решил, что отныне и навсегда его сильная воля и неутолимая энергия будут посвящены этой цели. Бледный и мрачный, он вернулся туда, где бросил свою добычу, развел огонь и приготовил себе еду на несколько дней. Затем, засунув еду в мешок, несмотря на усталость, он отправился через горы по следам ангелов-мстителей.

Пять дней, сбивая ноги и падая от изнеможения, брел он по тому же пути, по которому еще недавно ехал на лошади. На шестой день он подошел к Орлиному ущелью, от которого начался их неудачный побег. Внизу он увидел логово мормонов. Исхудавший, в рваной одежде, Джеферсон Хоуп оперся на винтовку и молча погрозил кулаком широко раскинувшемуся под ним городу. Он заметил, что главные улицы украшены флагами – по всем признакам, в городе какое-то торжество. Джеферсон стоял, размышляя, что же это мог быть за праздник, как вдруг послышался стук копыт и к нему подъехал всадник. Он узнал в нем мормона по имени Купер, которому не раз оказывал услуги. Он заговорил с ним в надежде узнать хоть что-нибудь о судьбе Люси.

– Я – Джеферсон Хоуп, – произнес он. – Ты меня не помнишь?

Мормон посмотрел на него с нескрываемым удивлением – в этом оборванном, грязном путнике с мертвенно-бледным лицом и свирепым взглядом поистине было трудно узнать щеголеватого молодого охотника. Наконец-то всадник его узнал, и изумление на его лице сменилось ужасом.

– Ты с ума сошел! Тебе нельзя сюда приходить! – воскликнул он. – За то, что я говорил с тобой, я могу поплатиться жизнью. Священный Совет приказал арестовать тебя за то, что ты помог бежать Ферье и его дочери.

– Не боюсь я ни вашего Совета, ни его приказов! – резко ответил Хоуп и уже спокойнее продолжил. – Ты должен что-нибудь знать о ней, Купер. Ради всего святого, умоляю, ответь мне хоть на пару вопросов. Ведь мы всегда были друзьями. Только, ради бога, не откажи мне в этой просьбе.

– Спрашивай, но только побыстрее, – неохотно произнес мормон. – Даже у скал есть глаза и уши.

– Что стало с Люси Ферье?

– Вчера ее обвенчали с младшим Дреббером. Эй, парень, да что с тобой, на тебе будто лица нет?

– Со мной все в порядке, – с трудом проговорил Хоуп бескровными губами и опустил на камень. – Ты сказал, обвенчали?

– Церемония состоялась вчера – потому-то и флаги вывесили возле храма. Между Стергерсоном и Дреббером вышел спор, кому она достанется. Эти двое были в отряде, посланном, чтобы поймать беглецов. Стергерсон застрелил ее отца, что давало ему некоторые преимущества, но у Дреббера была сильная поддержка в Совете, и Провидец отдал девушку ему. Только, думается мне, все это ненадолго – вчера я видел на ее лице печать смерти. Не женщина стояла в церкви, а привидение. – Ты что, уходишь?

– Да, – произнес Джеферсон Хоуп, поднявшись с камня. – Его суровое, непроницаемое, лицо, казалось, было высечено из мрамора, лишь в глазах горел зловещий огонь.

– Куда же ты пойдешь?

– Не важно, – ответил он и, перекинув через плечо винтовку, зашагал к ущелью, а оттуда – в самое сердце диких гор, в логово диких зверей. Но и там, среди них, не было зверя более опасного и свирепого, чем сам охотник.

Предсказание мормона в точности сбылось. Была ли тому причиной страшная смерть отца или ненавистное замужество, к которому ее принудили, но бедняжка Люси ходила с опущенным взглядом, постепенно гасла и через месяц умерла. Ее отупевшего от пьянства мужа, женившегося на ней, в основном, из-за денег Ферье, не очень-то огорчила ее безвременная кончина. Люси оплакивали его жены, по обычаю мормонов всю ночь перед погребением просидевшие около ее гроба. Едва забрезжил рассвет, дверь распахнулась, и в комнату к перепуганным, удивленным женщинам вошел дикого вида, одетый в лохмотья косматый человек. Не обращая внимания на жавшихся друг к другу женщин, он подошел к бездыханному телу, в котором еще недавно жила чистая душа Люси Ферье. Наклонившись, он трепетно поцеловал ее в холодный лоб и, схватив за руку, снял с пальца обручальное кольцо.

– Она не ляжет в могилу с этим кольцом! – яростно прорычал он, и прежде, чем женщины успели позвать на помощь, он бросился на лестницу и исчез.

Все это случилось настолько быстро и неожиданно, что женщины, ставшие свидетелями необычной сцены, и сами засомневались – случаем, не привиделось ли им. И уж тем более, никогда бы им не убедить других в том, что все именно так и произошло, если бы не одна деталь: маленький золотой ободок, символ брака, бесследно исчез с пальца Люси.

Несколько месяцев Джеферсон Хоуп жил в горах. Почти одичавший, он постоянно вынашивал овладевший им полностью план мести. В городе поползли слухи о том, что в безлюдных горных ущельях поселилось странное существо, время от времени рышущее по окраине

города. Однажды в дом к Стенгерсону влетела пуля и расплющилась о стену всего в футах от его головы. Другой раз на проходившего под скалой Дреббера свалился камень, и он чудом избежал смерти, мгновенно упав лицом на землю. Двое молодых мормонов сразу догадались, кто и по какой причине пытается их убить. Они отправились в горы в надежде захватить или убить своего врага, но безуспешно. Затем они из предосторожности решили нигде не появляться поодиночке и не выходить из дома после полуночи. Ко всему прочему, каждый поставил около своего дома часовых. Постепенно они перестали соблюдать эти предосторожности, поскольку враг не давал о себе знать. Мормоны решили, что со временем его жажда мести остыла.

Многие именно так бы и поступили, но только не Джеферсон Хоуп. Молодой охотник обладал твердым, негибким характером, и желание отомстить настолько захватило его, что он не мог даже думать ни о чем другом. Однако, ко всему прочему, он был человеком, способным реально оценивать свои возможности. Вскоре Джеферсон понял, что даже его железное здоровье, рано или поздно, не выдержит подобных постоянных испытаний, которым он себя подвергает. Жизнь под открытым небом и отсутствие нормальной пищи подорвали его силы. Если он умрет здесь, как последняя собака, кто тогда отомстит за его возлюбленную? А именно такая смерть ждала его, если он продолжит скитаться по горам. Джеферсон Хоуп знал, что его исчезновение сыграет на руку его врагам. Вот потому он так неохотно вернулся на рудники в Неваду, решив, что там он восстановит подорванное здоровье и накопит денег, чтобы не испытывая нужды, преследовать своих врагов.

В его планы не входило оставаться на рудниках дольше года, но различные непредвиденные обстоятельства задержали его на целых пять лет. Однако, за это время его воспоминания о случившемся были все так же живы и глубоко ранили его душу. Он горел жаждой мести так же сильно, как и в ту памятную ночь, когда он стоял над могилой Джона Ферье. Он изменил внешность и имя, и вернулся в Солт-Лейк-Сити. Собственная судьба его ничуть не интересовала. Он заботился лишь о том, чтобы свершилось справедливое возмездие. В городе его ждало ужасающее известие. Несколько месяцев назад среди Избранного народа произошел раскол – группа молодых членов церкви восстала против безраздельной власти старейшин, в результате чего часть недовольных отказалась от мормонской веры и покинула Юту. Среди них были Дреббер и Стенгерсон. Но никто не знал, что с ними стало. Молва говорила, что Дребберу удалось получить немало денег за свое имущество, и он уехал довольно состоятельным человеком, тогда как его компаньон, Стенгерсон, был сравнительно беден. Но никто не мог предположить, куда они направились.

Даже самого мстительного человека подобные трудности заставили бы забыть о возмездии, но Джеферсон Хоуп не колебался ни секунды. Денег у него было немного, и он хватался за любую работу. Едва сводя концы с концами, он путешествовал по Штатам, переезжая из города в город в поисках своих врагов. Шло время, и вот уже сквозь его темные волосы стала пробиваться седина, но он, словно ищейка, все рыскал по стране, посвятив свою жизнь одной-единственной цели – возмездие. И вот, наконец, его упорство было вознаграждено. Достаточно было одного взгляда, мельком брошенного в окно – и теперь он знал, что люди, за которыми он гонится столько лет, находятся здесь, в Кливленде, в штате Огайо.

В свое убогое жилище Джеферсон Хоуп вернулся уже с готовым планом мести. Однако, Дреббер, выглядывавший в этот момент из окна, узнал шатающегося по улице бродягу и прочел в его глазах смертный приговор. Вместе со Стенгерсоном, ставшим его секретарем, он тут же бросился к мировому судье и сказал, что их ревностно преследует старый соперник и их жизни угрожает опасность. В тот же вечер Джеферсона Хоупа забрали в полицейский участок, и так как поручителей у него не нашлось, он провел там несколько недель. Когда, наконец, его освободили, дом Дреббера и Стенгерсона уже стоял пустой, а он и его секретарь уехали в Европу.

Снова мститель терпит неудачу и снова ненависть бросает его в погоню. Но у Джеферсона Хоупа совсем кончились деньги, и он нанимается на работу, откладывая каждый доллар на предстоящее путешествие. Наконец, накопив достаточную сумму, он отправляется в Европу. Он следует по пятам за своими врагами, переезжая из города в город, попутно не брезгуя никаким заработком. Но Дреббер и Стенгерсон постоянно его опережают. Когда Джеферсон Хоуп приехал в Санкт-Петербург, они перебрались в Париж, а когда он отправился туда – оказалось, что они только что отбыли в Копенгаген. В столицу Дании он опоздал всего на несколько дней – они уже отплыли в Лондон. Лишь там Джеферсону Хоупу удалось настичь своих врагов. Что касается происшедшего в Лондоне, то нам ничего не остается, как довольствоваться рассказом бывалого охотника. Причем, в том виде, в каком он приведен в записках доктора Уотсона, которому мы и так уже многим обязаны.

Глава 6

Продолжение записок доктора Уотсона

Наш заключенный не выказывал по отношению к нам никаких признаков ярости. Чувствуя себя беспомощным, он, примирительно улыбнувшись, спросил, не причинил ли кому-нибудь из нас вреда во время драки.

– Вы, наверное, отвезете меня в полицейский участок, – обратился он к Шерлоку Холмсу. – У дверей стоит мой кэб. Если вы развяжите мне ноги, я спущусь сам. Нести меня вам будет не так-то легко – я потяжелел с прежних времен.

Грегсон и Лестрейд обменялись недоверчивыми взглядами, полагая, что поступить так, как советует преступник, крайне неосмотрительно. Но Шерлок Холмс, взяв с него слово, развязал полотенце, которым были затянуты лодыжки Хоупа. Он встал, разминая ноги, словно желая убедиться в том, что они снова свободны. Смотря на него, я подумал, что не часто мне доводилось встречать человека, обладающего подобной силой. На его темном, загорелом лице застыло решительное выражение, придававшее его грозному облику еще большую внушительность. Казалось, он в любую минуту был готов к действиям.

– Если у вас не занято место начальника полиции, вам оно как раз подойдет, – произнес он, с восторгом взирая на моего компаньона. – Ума не приложу, как вы меня выследили.

– Будет лучше, если вы поедете со мной, – произнес Холмс, обращаясь к Грегсону и Лестрейду.

– Я могу править лошаадьми, – предложил Лестрейд.

– Замечательно! Грегсон сядет со мной в кэб. И вы тоже, доктор. Вы очень интересуетесь этим делом, так что, давайте, поедем все вместе.

Я с радостью согласился, и мы спустились вниз. Наш заключенный не пытался бежать, напротив, он спокойно сел в кэб, и мы последовали за ним. Лестрейд взобрался на козлы, тронул лошадь и вскоре мы подъехали к участку. Нас провели в маленькую комнатку, где сидел полицейский инспектор – с бледным. Ничего не выражающим лицом. Наше появление не вызвало у него никаких эмоций – он вяло, со скучающим видом записал имя заключенного и имена людей, в убийстве которых его обвиняли.

– В течение недели обвиняемый предстанет перед судом, – произнес он. – Джеферсон Хоуп, хотите ли вы о чем-нибудь заявить до суда? Должен вас предупредить, что все ваши слова могут быть обращены против вас.

– Мне нечего скрывать, – медленно ответил задержанный. – И я хотел бы рассказать этим джентльменам все.

– Может, расскажите на суде? – спросил инспектор.

– До суда я, возможно, и не доживу, – ответил он. – Не волнуйтесь, я не собираюсь кончать жизнь самоубийством. Вы, в самом деле врач? – последний вопрос он задал, посмотрев на меня своими темными, свирепыми глазами.

– Да, я врач, – ответил я.

– Тогда дайте сюда свою руку, – произнес он с усмешкой, прикладывая свои скованные наручниками руки к груди.

Я сделал то, о чем он просил. Меня потрясла неестественная пульсация и биение в груди Хоупа. Казалось, его грудная клетка дрожит и вибрирует, словно здание, внутри которого работает сломанный механизм. В наступившей тишине мне были хорошо слышны доносившиеся из его груди монотонные хрипы.

– Боже мой! – воскликнул я. – У вас аневризма аорты!

– Да, так оно и есть, – спокойно ответил заключенный. – Неделию назад я был у врача и он сказал, что аорта должна лопнуть через два-три дня. Дело к этому уже давно идет. С тех пор, когда я слишком долго жил под открытым небом в горах Соленого Озера и ел все, что можно было жевать. Я выполнил все, что хотел, и мне теперь все равно, что я скоро умру, но лучше бы рассказать вам все сейчас – не хочу, чтобы меня считали заурядным головорезом.

Инспектор, Грегсон и Лестрейд быстро посоветовались, не нарушат ли они правила, разрешив заключенному дать показания до суда.

– Доктор, вы действительно считаете, что его положение настолько опасно? – спросил меня инспектор.

– Намного опаснее, чем вы полагаете, – ответил я.

– В таком случае, наш долг в интересах правосудия – снять с него показания, – произнес инспектор. – Можете говорить, Джеферсон Хоуп, но предупреждаю еще раз – ваши показания будут занесены в протокол.

– Разрешите, я сяду, – произнес заключенный, опускаясь на стул. – От этой аневризмы я быстро устаю, а происшедшая полчаса назад борьба не прибавила мне сил. Я одной ногой уже в могиле, и потому не собираюсь вам врать. Каждое сказанное мною слово будет абсолютной правдой, а уж как вы к ней отнесетесь – меня совсем не касается.

Рассказывал он все подробно, спокойным и ровным голосом, будто речь шла не об убийстве, а о чем-то совершенно обыденном. За точность рассказа я могу ручаться, поскольку взял его я из записной книжки Ленстрейда. Он же, в свою очередь, записал рассказ заключенного слово в слово.

– Вам не так уж важно знать, почему я ненавидел этих людей, – произнес Джеферсон Хоуп. – Достаточно сказать, что они виновны в смерти двух человек – отца и дочери. И поплатились за это собственными жизнями. С того момента, как они совершили это преступление, прошло слишком много времени, и мне не удалось бы привлечь их к суду. Но я знал, что они виновны, и решил, что сам буду их судьей, присяжными и палачом. Будь вы на моем месте, то как и любой настоящий мужчина, поступили бы точно так же.

Девушка, о которой я говорил, была моей невестой двадцать лет назад. Против собственной воли ее выдали замуж за некоего Дреббера. Это замужество ее и убило. Накануне ее похорон я снял с пальца покойной обручальное кольцо и поклялся, что убийца перед смертью увидит его и поймет цену совершенного им преступления, за которое он понес эту страшную кару. С этим кольцом я не расставался. Так вот, я гонялся за Дреббером и его спутником по двум континентам, прежде чем мне удалось их настичь. Они пытались взять меня измором – не вышло. И если я завтра умру – а случиться это может когда угодно – я умру с мыслью о том, что выполнил свою работу. И выполнил ее достойно. Они оба нашли смерть от моей руки. В жизни у меня не осталось больше ни надежд, ни желаний.

Они были богаты, а я беден, и потому мне было не так-то легко их выследить. Я приехал в Лондон с пустым карманом и решил, что нужно найти работу, чтобы не умереть с голоду.

Править лошадьми и ездить верхом для меня так же легко, как и ходить пешком. Вот я и обратился в контору наемных кэбов и вскоре получил работу. Каждую неделю я обязан был отдавать определенную сумму своему хозяину, а все, что оставалось – шло мне в карман. Конечно, деньги не ахти какие, но наскрести на жизнь удавалось. Самое трудное для меня оказалось разбираться в улицах – таких лабиринтов, как у вас в Лондоне, я еще ни в одном городе не видел. Но потом я раздобыл карту города, запомнил адреса крупных гостиниц и основных вокзалов, и дело пошло на лад.

Прошло немало времени, прежде чем я вычислил, где поселилась моя парочка. Я спрашивал везде и всюду и все-таки разыскал их. Они снимали меблированные комнаты в Кэмберуелле, по ту сторону от реки. Найдя их, я понял, что мне, наконец, улыбнулась удача. Для того, что бы им было труднее меня узнать, я отрастил бороду. Оставалось теперь следить за каждым их шагом, что бы на этот раз им не удалось ускользнуть.

Я боялся, что в любую минуту они могут скрыться. И потому мне пришлось не отставать от них ни на шаг. Иногда я ехал за ними в своем кэбе, иногда пешком – но ехать даже лучше, ведь так им было труднее скрыться от меня. Теперь я мог работать только по ночам или рано утром, и потому скоро задолжал своему хозяину. Однако, меня это не особо заботило – главное, что теперь они оказались у меня в руках.

Но они были очень хитры. Должно быть, они допускали, что за ними могут следить, и потому нигде друг без друга не появлялись, а после полуночи вообще никогда не выходили из дому. Я колесил за ними по городу две недели подряд и ни разу не видел их поодиночке. Дреббер почти всегда напивался, но Стенгерсон каждый раз был настороже. И днем, и ночью я следил за ними, а подходящего случая все не подворачивалось. Но отказываться от своей затеи я не собирался – я чувствовал, что скоро настанет мой час. Единственное, чего я боялся – что эта штука у меня в груди лопнет раньше, чем я успею закончить свое дело.

Дреббер и Стенгерсон жили на Торки-террас. И вот однажды вечером, проезжая по этой улице, я заметил, что к дверям их дома подъехал кэб. Затем вынесли багаж, вышли Дреббер со Стергерсоном, сели в кэб и поехали. От страха у меня сжалось сердце – что, если они решили уехать из города?! Я подхлестнул лошадь и поехал за ними. Они вышли у Юстонского вокзала. Я, попросив мальчишку присматривать за моей лошадью, направился за ними на платформу. Они спросили, когда отходит поезд на Ливерпуль. Дежурный ответил им, что поезд только что ушел, а следующий отправится через несколько часов. Это неожиданное известие огорчило Стенгерсона, но Дреббера, казалось, даже обрадовало. На вокзале царил ужасная суматоха, но мне это даже было на руку, так как мне удалось встать к ним поближе и подслушать весь их разговор. Дреббер тогда сказал, что у него осталось одно незаконченное дельце, и пусть, дескать, Стенгерсон его подождет, а он скоро вернется. Его секретарь запротестовал, напомнив, что они договорились везде ходить только вдвоем. Дреббер ответил, что это весьма деликатное дело, и он должен пойти один. Я не смог расслышать, что ему на это возразил Стенгерсон, но Дреббер, разразившись бранью, сказал, что Стенгерсон – всего лишь секретарь, которого он нанял, и которому запрещено вмешиваться в дела своего хозяина. Секретарь, видимо, спорить с ним не стал, но условился, что в случае, если Дреббер опоздает на последний поезд, Стенгерсон будет ждать его в гостинице «Холидейз Прайват». Дреббер ответил, что прибудет на платформу раньше одиннадцати, и ушел.

И вот, наконец, пробил мой долгожданный час. Враги были в моих руках. Пока они держались вместе, справиться с ними я не мог, но стоило им разделиться – как они оказывались передо мной бессильны. Однако я не хотел действовать, как обыкновенный убийца и решил пойти гораздо дальше. Месть не доставит удовольствия, если человек не поймет, за что и от чьей руки он умирает. Я разработал план, целью которого было следующее – дать человеку понять, что его наказывают за его старые грехи. Так уж случилось, что несколько дней назад я возил одного джентльмена осматривать пустующие дома на Брикстон-роуд и он обронил в

моем кэбе ключ. Тем же вечером я его и вернул, но к тому времени уже успел сделать слепок и по нему сделать такой же. Таким образом, в этом огромном городе мне удалось найти одно тихое, укромное местечко, где никто не мог помешать мне, исполнить свой план. Но как заманить Дреббера в этот дом – вот проблема, которую мне еще предстояло решить.

Дреббер шел по улице, заглянул сначала в одну распивочную, потом в другую. В последней он просидел полчаса. Наконец, пошатываясь, он вышел – наверняка, подумал я, уже успел изрядно набраться. Впереди меня стояла кэб, и Дреббер его окликнул. Я ехал за ним так близко, что морда моей лошади едва не утыкалась в спину возницы. Мы проехали по мосту Ватерлоо и несколько миль петляли по улицам, пока, наконец, к моему удивлению, не остановились около дома, из которого совсем недавно выехал Дреббер. Я понятия не имел, что ему снова здесь понадобилось, но на всяких случай остановился ярядах в ста. Отпустив кэб, он вошел в дом... Налейте, пожалуйста, воды – у меня во рту пересохло...

Я протянул ему стакан с водой, и он залпом осушил его.

– Теперь, полегче, – произнес он. – Так вот, ждате мне пришлось недолго, всего четверть часа. В доме послышался шум борьбы, и в ту же секунду дверь дома распахнулась, и на пороге показались два человека. Одним из них был Дреббер, а вторым – молодой человек, которого раньше я никогда не видел. Парень, держа Дреббера за воротник, дал ему такого пинка, что тот оказался на середине улицы. «Мерзавец!» – закричал парень, потрясая над ним палкой. – «Я тебе покажу, как оскорблять честную девушку!». Дреббер, испугавшись, что парень пустит в ход свою дубинку, пошатываясь, встал и со всех ног бросился бежать. Добежав до угла, он увидел мой кэб, позвал меня и заскочил внутрь. «Отвезите меня в гостиницу «Холидейз Прайват»», – произнес он.

Он сидит в моем кэбе! Сердце от радости запрыгало у меня в груди от радости так, что я испугался, как бы моя аневризма не прикончила бы меня на месте. Ехал я медленно, раздумывая, что делать дальше. Конечно, я мог бы отвезти его подальше за город и прикончить в каком-нибудь безлюдном месте. Я собрался именно так и поступить, но неожиданно он сам пришел мне на выручку. Ему снова захотелось выпить, и он приказал свернуть в пивную. Он вышел, бросив на ходу, что бы я дождался его. Там он пробыл до закрытия, напившись вдребезги. Я понял – теперь все в моих руках.

Только не думайте, что я собирался хладнокровно убить его. Зная, что убив его, лишь тем самым заставлю свершиться правосудие, я все равно не мог заставить себя это сделать. Я долго думал и определил для себя, что дам ему возможность сражаться за свою жизнь, если он этого захочет. Скитаясь по Америке, я брался буквально за любую работу. Так вот, в свое время мне пришлось даже быть уборщиком в одной из лаборатории Нью-Йоркского колледжа. Однажды профессор во время лекции о ядах продемонстрировал студентам один алкалоид – так он его назвал – выделенный им его из яда, которым южно-американские индейцы покрывают свои стрелы. Он сказал, что яд этот настолько сильный, что одна его крупинка вызывает мгновенную смерть. Запомнив в ряду бутылочек ту, в которой хранился яд, я, когда все ушли, отлил из нее чуть-чуть. Я довольно неплохой фармацевт, и мне не составило труда приготовить из яда отравленные пилюли – маленького размера, легко растворимые в воде. Взяв две коробочки, я положил в каждую из них по точно такой же пилюле, но без яда. Когда пробьет мой час, каждому из вышеупомянутых джентльменов я предложу на выбор принять одну из двух пилюль из этой коробочки, а сам приму вторую. Я решил, что избрал наиболее бесшумный и надежный способ. После этого я всегда держал при себе эти коробочки, ожидая подходящего момента, что бы пустить их в ход.

Была полночь, точнее, время уже близилось к часу, на улице свистел ветер и лил дождь. Но в эту хмурую, мрачную ночь меня переполняла радость, и я готов был кричать от счастья. Представьте себе, джентльмены, вы страстно желаете одну вещь, и ваше ожидание затягивается на долгие двадцать лет – а затем вы получаете ее. Тогда, наверное, вы смогли бы представить

мои чувства. От волнения кровь стучала у меня в висках, и я закурил сигару, чтобы успокоить свои нервы, я закурил сигару. Пока я ехал, перед моими глазами вставали образы Джона Ферье и прекрасной Люси. Они смотрели на меня из темноты и улыбались – я видел это так же ясно, как сейчас вижу эту комнату, джентльмены. И всю дорогу до пустующего дома на Брикстон-роуд они плыли передо мной, справа и слева от лошади.

Вокруг не было ни души, не слышно ни звука. Тишину нарушал лишь монотонный стук дождя. Заглянув внутрь, я увидел, что Дреббер спит, развалившись на сиденье. Я потряс его за руку и произнес: «Приехали, пора выходить».

– Ладно, ладно, кэбмен, – ответил он.

Наверняка он решил, что мы приехали в отель. Так я подумал, потому как он, ни говоря ни слова, вылез из кэба и потащился в окружавший дом сад. Мне пришлось идти рядом и поддерживать его, потому как он до конца еще не протрезвел. Когда мы подошли к двери, я открыл ее и пропустил его вперед. Клянусь, что все это время отец и дочь были рядом с нами.

– Почему, черт возьми, здесь так темно? – произнес он, спотыкаясь.

– Скоро прольется свет, – произнес я, чиркая спичкой и зажигая маленькую свечку, что я захватил с собой. – Ну, а теперь, Енох Дреббер, – продолжил я, поворачиваясь к нему и поднося свечку поближе к своему лицу. – Теперь ты узнаешь меня?

Какое-то время он смотрел на меня, уставившись мутными, пьяными глазами. Вдруг в них мелькнул ужас, его черты лица исказил страх. Я понял, что он узнал меня. Побледнев, он отшатнулся назад – на лбу его выступил пот, а зубы выбивали барабанную дробь. Увидев его, перепуганного до смерти, я оперся спиной о дверь и захохотал. Я всегда знал, что месть будет сладка, но даже и не думал, что почувствую такое блаженство.

– Паршивая собака! – произнес я. – Я гонялся за тобой от Солт-Лейк-Сити до самого Петербурга, и всякий раз тебе удавалось ускользнуть от меня. Но, наконец, твои скитания подошли к концу – одному из нас не суждено дожить до завтрашнего рассвета! – слушая меня, он продолжал пятиться, и по лицу его было видно, что он принимает меня за сумасшедшего. Да, наверное, я был сумасшедшим. В висках у меня стучал кузнечный молот. Без сомнения, я упал бы в обморок, если бы не внезапно хлынувшая носом кровь – это меня и спасло.

– Ну, что, подонок, вспомнил Люси Ферье? – воскликнул я, запирая дверь и вертя ключом у него перед носом. – Возмездие медленно, но неотвратимо приближалось, и наконец-то настигло тебя, – я видел, как трусливо затрясся его подбородок. Он, конечно, стал бы просить пощады, не знай он прекрасно о том, что это его не спасет.

– Ты что, убьешь меня? – пролепетал он.

– Никакого убийства не будет, – ответил я. – Разве уничтожить бешеную собаку – это убийство? А ты пожалел мою несчастную возлюбленную, оттащив ее от тела убитого отца и заперев в своем проклятом бесстыдном гареме?

– Я не убивал ее отца, – воскликнул он.

– Но ты разбил ее невинное сердце, – пронзительно закричал я, суя ему коробочку. – Пусть Господь сам решит, кому из нас остаться в живых. Возьми любую пилюлю и проглоти. В одной из них жизнь, а в другой – смерть. Я проглочу ту, что останется. Посмотрим, есть ли на земле справедливость или же нами правит случай.

Скорчившись от страха, он дико закричал и стал умолять отпустить его, но я приставил нож к его горлу, и, в конце концов, он подчинился. Затем я проглотил оставшуюся пилюлю. Какое-то время мы в тишине стояли друг против друга, ожидая, кто же из нас умрет. Забуду ли я когда-нибудь его лицо, когда, почувствовав первые приступы адской боли, он понял, что проглотил яд? Глядя на него, я рассмеялся и поднес к его глазам обручальное кольцо Люси. Все это длилось несколько секунд – алкалоид действует мгновенно. Лицо его перекошилось, он вытянул вперед руки, зашатался и с хриплым криком рухнул на пол. Я нагнулся и положил руку ему на сердце – оно не билось. Он сдох!

Из носа у меня текла кровь, но я не обращал на это внимания. Даже не знаю, с чего это вдруг мне взбрело в голову написать на стене. Я, скорее, ради шутки решил направить полицию по ложному следу – уж очень легко и радостно у меня было на душе. Я вспомнил, что в Нью-Йорке как-то нашли труп немца, а над ним было написано слово «RACHE» – тогда газеты писали, что это дело рук какого-то тайного общества. Вот я и подумал, что если это поставило в тупик полицию Нью-Йорка, то должно озадачить и лондонскую полицию. Обмакнув палец в кровь, я написал на стене, на самом видном месте, точно такое же слово. Затем я вернулся к кэбу – на улице по-прежнему не было ни души, и дождь лил как из ведра. Проехав немного, я засунул руку в карман, где у меня всегда лежало кольцо Люси, и обнаружил, что оно исчезло. Я был потрясен – ведь это была единственная память о ней! Решив, что я, вероятно, обронил его, когда нагибался над телом Дреббера, я повернул назад и, оставив кэб в переулке, кинулся к дому. Я был готов пойти на все, что бы вернуть это кольцо. Возле дома я чуть было не попался в руки выходящего оттуда полицейского. Мне удалось отвести от себя подозрение, прикинувшись в стельку пьяным.

Вот, значит, как Енох Дреббер нашел свою смерть. Теперь мне оставалось проделать тоже самое и со Стенгерсоном, что бы отомстить за смерть отца Люси. Я знал, что он остановился возле гостиницы «Холидейз Прайват» и стоял возле нее целый день, но он так и не вышел. Думается мне, он что-то заподозрил, когда Дреббер не явился на вокзал. Он всегда был хитер как лис, этот Стенгерсон, и постоянно был настороже. Но напрасно он думал, что ему удастся скрыться от меня, отсидевшись в гостинице. Вскоре я уже знал окно его комнаты и на следующий день, едва начало светать, я взял лестницу, что валялась в переулке за гостиницей и пробрался к нему. Разбудив его, я сказал, что пришел час расплатиться за жизнь, которую он отнял двадцать лет назад. Рассказав Стенгерсону о смерти Дреббера, я предложил ему на выбор две пилюли. Вместо того, чтобы воспользоваться предоставленным ему шансом и спасти свою жизнь, он вскочил с постели, набросился на меня и стал душить. Защищаясь, я вонзил ему в сердце нож. Все равно ему суждено было умереть, провидение бы не допустило, что бы убийца принял пилюлю без яда.

Мне уже немного осталось рассказать, это и хорошо, а то я совсем выбился из сил. Еще день-два я ездил в своем кэбе по городу, надеясь подзаработать денег, и вернуться в Америку. Сегодня утром я стоял на хозяйском дворе, когда появился какой-то мальчишка-оборванец и спросил, нет ли здесь кучера по имени Джеферсон Хоуп. Его, мол, просят подать кэб по адресу Бейкер-стрит, 221-Б. Ничего не подозревая, я поехал туда, а следующее, что я помню – как этот молодой человек защелкивает на моих запястьях наручники, да так быстро, что я и оглянуться не успел. Вот и весь мой рассказ, джентльмены. Можете, конечно, считать меня убийцей, но я, как и вы, боролся за то, чтобы восторжествовало правосудие.

Нас глубоко взволновал рассказ этого человека, а говорил он настолько искренне и выразительно, что мы слушали застыв и не проронив ни слова. Даже Грегсон и Лестрейд, *blase* (*blase* – *пресыщенные*) всеми видами преступлений, с нескрываемым интересом следили за рассказом задержанного. Когда он замолчал, мы неподвижно сидели в тишине, нарушаемой лишь скрипом карандаша Лестрейда, заканчивающего свою стенографическую запись.

– Осталась лишь одна деталь, которую мне хотелось бы узнать, – наконец произнес Шерлок Холмс. – Что за человек приходил ко мне за кольцом по объявлению?

Джеферсон Хоуп шутливо подмигнул моему приятелю.

– Свою тайну я уже вам раскрыл, – произнес он. – Но я не хочу причинять неприятности другим людям. Я увидел ваше объявление и подумал – может быть, это ловушка, а может, действительно, кто-нибудь нашел мое кольцо. Мой друг вызвался пойти и проверить. Думаю, вы не станете отрицать, что он вас ловко провел.

– Это уж точно, – искренне ответил Холмс.

– Ну, а теперь, джентльмены, – важно заговорил инспектор. – Мы должны в точности соблюдать все формальности закона. В четверг заключенный предстанет перед судом, на который вас тоже пригласят. До тех пор ответственность за него лежит на мне, – с этими словами он позвонил, появились два тюремных надзирателя, которые увели Джеферсона Хоупа. А мы с Шерлоком Холмсом отправились на станцию, подозвали кэб и направились на Бейкер-стрит.

Глава 7

Заключение

Всех нас предупредили, что в четверг мы будем вызваны в суд. Но когда этот день наступил, наши показания уже не понадобились. Джеферсона Хоупа призвал высший судья, чтобы вынести ему свой самый строгий и справедливый приговор. Ночью после ареста его аневризма лопнула и на утро его нашли на полу тюремной камеры, лежащего со счастливой улыбкой на лице, словно умирая, он оглянулся на уходящую жизнь и понял, что прожил ее не зря.

– Грегсон и Лестрейд, наверное, места себе не находят от злости, – заметил Холмс, когда вечером мы обсуждали происшедшее накануне событие. – Он умер, а с ним исчезли и все надежды на громкую рекламу.

– Не вижу, чтобы они много сделали для поимки преступника, – ответил я.

– Не важно, сколько вы сделали в этом мире, – горько заметил мой товарищ. – Главное, вы сумели убедить людей, что сделали много. Но все равно, – продолжил он после паузы уже веселее. – Я ни за что не отказался бы от этого расследования. В моей практике я не встречал более интересного, захватывающего дела. Простое по сути, оно, тем не менее, содержит немало поучительного.

– Простое! Вот уж не думал! – воскликнул я.

– На самом деле его с трудом можно назвать сложным, – произнес Шерлок Холмс, глядя на мое удивленное лицо. – И вот вам элементарное доказательство – я посредством обыкновенных умозаключений без посторонней помощи за три дня сумел поймать преступника.

– Верно, – ответил я.

– Я уже как-то вам объяснял, что нечто необычное призвано помогать нам, а не мешать. При решении задач подобного рода очень важно выяснить причинно-следственную связь событий с самого начала, сделать своего рода анализ прошлого. Это чрезвычайно важное качество, способность к которому можно развить довольно легко. Но люди почему-то практически перестали им пользоваться. Решая повседневные проблемы, конечно, полезнее просчитывать все наперед, прогнозировать будущее, забывая о прошлом. Из пятидесяти одного человека пятьдесят могут мыслить синтетически, и всего лишь один – аналитически.

– Признаюсь, вы правы, – ответил я. – Но я не совсем понимаю, куда вы клоните.

– Да, да, конечно. Позвольте объяснить вам все попонятнее. Большинство людей, если вы предоставите им цепочку происшедших событий, предскажут вам результат. Они в уме сложат все звенья этой цепи и просчитают, что в итоге может произойти. Однако, существует немного людей, у которых внутреннее чутье развито настолько, что они способны, имея готовый результат, сказать вам, какие события ему предшествовали. Вот эта способность и есть то, о чем я вам говорю, то есть анализ прошлого.

– Теперь мне все ясно, – произнес я.

– Перед нами возник тот самый случай, когда, был известен результат, а все остальное нам предстояло выяснить самим. Теперь позвольте мне продемонстрировать вам, шаг за шагом, ход моих мыслей. Как вы уже знаете, я подошел к дому пешком, не обремененный мыслями о предстоящем расследовании. Естественно, в начале я осмотрел дорогу, на которой, как мне уже удалось вам рассказать, я увидел четкие отпечатки колес. Они, как я установил из расспросов в ходе расследования, были оставлены ночью. По ширине этих отпечатков я убедился, что ночью

сюда приезжал именно кэб, а не частный экипаж, – обыкновенный лондонский кэб namного уже карет господ.

Вот вам и первое звено цепи. Затем я медленно пошел по садовой дорожке, которая, собственно, представляла собой смесь глины с землей – как раз именно на такой почве все оставленные отпечатки прекрасно видны. Без сомнений, эта дорожка казалась вам сплошным грязным месивом, но для моего опытного глаза каждый след, оставленный на ее поверхности, имел определенное значение. В работе детектива нет ничего важнее, чем искусство читать следы – к сожалению, сейчас этому практически не уделяют внимания. К счастью, я много занимался этим, и умение читать следы стало, практически, моей второй натурой. Я заметил не только тяжелые следы, оставленные констеблем, но и следы двоих мужчин, которые прошли по этой дорожке до того, как сюда явилась полиция. То, что эти двое проходили раньше, определить было очень легко – их следы в некоторых местах были полностью затоптаны входившими в дом другими людьми. Именно здесь у меня сформировалось и второе связующее звено – оно подсказывало мне, что ночных посетителей было двое – один достаточно высокий (я высчитал это из длины его шагов), а второй – щегольски одетый, судя по небольшим изящным следам, оставленным им на дорожке.

Войдя в дом, я воочию убедился в верности моего второго вывода. Он, голубчик, лежал прямо передо мной, обутый в щегольские, дорогие ботинки. Следовательно, высокий, должно быть, и совершил убийство – если оно, убийство, вообще имело здесь место. На теле человека не обнаружено никаких повреждений, но жуткое выражение его лица говорило о том, что он словно предвидел свою скорую смерть. Никогда у человека, умершего от разрыва сердца, или по каким-либо другим естественным причинам, черты лица не искажаются столь страшным образом. Понюхав губы жертвы, я уловил легкий кисловатый запах, и пришел к заключению, что его заставили принять яд. Это еще раз подтверждалось выражением ненависти и ужаса, застывшем на его лице. Я убедился в этом методом исключения – факты не соответствовали ни одной известной мне гипотезе. Не думайте, что здесь произошло нечто неслыханное. Случаи, когда жертву заставляли принять яд, вовсе не новость в уголовной статистике – дело Дольского в Одессе и Летюрье в Монпелье пришли бы на ум любому токсикологу.

А сейчас возникает главный вопрос – каковы мотивы преступления? Кража исключается – все вещи убитого на месте. Возможно, это политическое убийство или же тут замешана женщина. Вот тот вопрос, который встал передо мной. Я больше склонялся к второму предположению, нежели к первому. Политические убийцы, закончив свою работу, стремятся побыстрее исчезнуть. Тогда как в нашем случае, наоборот, преступник действовал не спеша, оставив следы по всей комнате – это говорит о том, что он пробыл там довольно долго. Причины для такой обдуманной, жестокой мести должны быть личные, а не политические. А когда обнаружилась надпись на стене, я еще больше удостоверился в своей правоте. Надпись была сделана для отвода глаз – только слепец способен был этого не заметить. Так вот, когда было найдено кольцо, тут-то все встало на свои места. Ясно, что убийца использовал кольцо, чтобы напомнить своей жертве о какой-то умершей женщине. Это было как раз в тот момент, когда я спросил у Грегсона, не заинтересовался ли он, посылая телеграмму в Кливленда, о каких-либо особых случаях, связанных с жизнью Дреббера. Как вы помните, его ответ был отрицательным.

Затем я продолжил тщательный осмотр комнаты, который только подтвердил мое предположение насчет роста убийцы. Благодаря этому я дополнительно узнал о таких деталях, как трихинопольские сигары и длина ногтей убийцы. Не обнаружив следов борьбы, я сразу пришел к выводу, что от волнения у убийцы пошла из носа кровь – вот откуда она взялась на полу комнаты. Я смог это понять потому, что следы крови совпадали со следами его ног. Крайне редко у человека, если только он очень полнокровен, от волнения пойдет носом кровь, и потому я рискнул предположить, что убийца, возможно, здоровенный детина с красным лицом. Я расценил все верно, и происшедшие события это подтверждают.

Выйдя из дома, я поспешил исправить оплошность Грегсона. Я телеграфировал в главное управление полиции Кливленда с просьбой сообщить факты, касающиеся женитьбы Дреббера. Ответ был исчерпывающим – Дреббер обращался в полицию с просьбой защитить его от давнишнего соперника, Джеферсона Хоупа, и что в данный момент этот Хоуп находится в Европе. Теперь я знал, что в руках у меня ключ к разгадке этой тайны, оставалось только поймать убийцу.

Я уже решил, что человек, вошедший в дом вместе с Дреббером, и кучер, правящий кэбом – одно и то же лицо. По оставленным на дороге следам было видно, что лошадь бродила по мостовой, чего не могло быть, если бы кто-нибудь за ней присматривал. Где же ему быть, как не в доме? К тому же, нелепо даже предполагать, что здравомыслящий человек стал бы совершать заранее запланированное убийство в присутствии некоего лица, не опасаясь предательства. Такое даже невозможно предположить! И последнее: представим себе, что человек решил выследить кого-нибудь в Лондоне – можно ли придумать способ лучше, чем сделаться кэбменом? Все эти рассуждения и привели меня к неопровержимому выводу, что Джеферсона Хоупа следует искать среди столичных кэбменов.

Но если он кэбмен, то вряд ли перестанет им быть, совершив убийство, рассудил я. Если взглянуть с его точки зрения, неожиданная перемена ремесла, вероятно, привлекла бы к нему внимание. Скорее всего, какое-то время он еще будет продолжать заниматься своим делом. И вряд ли он живет под другим именем. Зачем ему менять имя в стране, где его никто не знает? Поэтому я из уличных мальчишек образовал отряд полиции и гонял их по всем конторам наемных кэбов в Лондоне, до тех пор, пока они не разыскали нужного мне человека. Как они его доставили, и как быстро я этим воспользовался, вы прекрасно помните. Убийство Стенгерсона было для меня полной неожиданностью, но в любом случае, я не смог бы его предотвратить. В результате этого, как вам известно, я получил пилюли, о существовании которых, я всегда предполагал. Вот видите, все расследование представляет собой цепь последовательных, безошибочных выводов.

– Превосходно! – воскликнул я. – Ваши заслуги должны быть признаны публично. Вам нужно написать об этом деле. Если вы не напишите, это сделаю я!

– Можете делать что хотите, доктор, – ответил он. – Но сначала взгляните-ка на это, – продолжал он, протягивая мне газету. – Вот!

Это был свежий номер газеты «Эхо». Статья, на которую он указывал, была посвящена делу Джеферсона Хоупа.

«Из-за внезапной смерти Джеферсона Хоупа, – говорилось в ней, – публика лишилась удовольствия наблюдать суд над жестоким убийцей, обвиняющегося в убийстве Еноха Дреббера и Джозефа Стенгерсона. Теперь, наверное, нам никогда не придется узнать подробности этого дела, хотя мы располагаем сведениями из авторитетных источников, что преступление было совершено на почве романтической старинной междоусобицы, в которой немалую роль сыграли любовь и мормонизм. Говорят, что обе жертвы в молодости принадлежали к обществу «Святые последних дней», а Хоуп, скончавшийся заключенный, так же проживал в Солт-Лейк-Сити. Если этому делу не суждено иметь другого воздействия, оно является блистательным доказательством энергии нашей сыскной полиции и послужит уроком для всех иностранцев – пусть они сводят счеты у себя на родине, но не на Британской земле! Также ни для кого не секрет, что слава умелого разоблачителя и задержания преступника всецело принадлежит хорошо известным детективам из Скотланд-Ярда, мистеру Лестрейду и мистеру Грегсону. Оказывается, преступник был схвачен на квартире у некоего мистера Шерлока Холмса, сыщика-любителя, обнаружившего некоторые навыки этой профессии. Будем надеяться, что имея рядом с собой таких учителей, он со временем достигнет определенных высот в искусстве раскрытия преступлений. Оба детектива получают награду в качестве признания их заслуг».

– Ну, а я что говорил вам с самого начала! – воскликнул, смеясь, Шерлок Холмс. – Вот для чего мы создали этот этюд в багровых тонах – чтобы обеспечить им достойную награду!

– Это еще ничего не значит, – ответил я. – Все факты записаны у меня в дневнике, и полиции это прекрасно известно. А пока довольствуйтесь сознанием того, что вы победили, подобно римскому скряге:

«Populus me sibilat, at mihi plaudo

Ibse domi simul ac nummos contemplar in arca».

(«Народ меня освистывает, зато я сам себе рукоплещу, когда люблюсь своим сундуком с деньгами». Гораций, «Сатиры», I, 1, строки 66–67).

Знак четырех

Глава 1

Дедукция как наука

Шерлок Холмс взял стоящий на углу каминной полки пузырек, затем вытащил из обтянутой сафьяном изящной шкатулки шприц для подкожных инъекций. Длинными нервными пальцами он надел на шприц иглу и закатал левый рукав. Окинув придирчивым взглядом свою мускулистую руку и запястье, испещренные шрамами и следами от уколов, он точным движением ввел иглу и нажал на крошечный поршень. Удовлетворенно вздохнув, Шерлок вновь откинулся на спинку кресла.

Трижды в день в течение многих месяцев я становился свидетелем подобной процедуры, но так и не мог к ней привыкнуть. Напротив, с каждым днем меня все сильнее раздражало это неприглядное зрелище. А больше всего я злился на свое безволие и отсутствие смелости. При всем моем негодовании, я ни слова не говорил ему. Сколько раз уверял я себя, что завтра обязательно побеседую с Шерлоком о его пагубной страсти, и всякий раз меня что-нибудь останавливало. Хотя, если сказать честно, от разговора меня удерживало не нечто абстрактное, а простая трусость. Шерлок подавлял меня, и в этом не было ничего удивительного. Весь его облик, манера поведения не оставляли никаких надежд тому, кто рискнул бы читать ему нотации. Я чувствовал себя перед ним безропотным мальчишкой. Его волевая властная натура, снисходительная манера общения, его поразительный опыт – все это вкупе с другими выдающимися качествами делали меня робким и напрочь отшибали всякое желание перечить ему.

И все же в тот день, после обеда я вдруг почувствовал, что не могу больше скрывать свое раздражение, и решил сделать Шерлоку выговор. Трудно сказать, что больше способствовало моему отчаянному порыву, – то ли бутылка вина, прихваченная к обеду, то ли методичное упорство, с которым Шерлок уничтожал себя.

– Ну и что мы принимаем сегодня? – задиристо спросил я. – Морфий? Или кокаин?

Шерлок оторвался от лежащей на его коленях старинной книги, безразлично посмотрел на меня и вяло ответил:

– Кокаин. – Немного помолчав, он продолжил: – Семипроцентный. Хотите попробовать?

– Нет уж, спасибо, – огрызнулся я. – Не хватало еще издеваться над собой наркотиками. Я и без этого предостаточно потерял здоровья в Афганистане.

Мой возмущенный тон вызвал у Холмса лишь легкую усмешку.

– Возможно, вы и правы, Уотсон, – ответил он. – Я не исключаю, что кокаин отрицательно сказывается на физическом состоянии. Однако я обнаружил, что он невероятно стимулирует мыслительную деятельность и очищает ум. По сравнению с этими свойствами его отрицательное побочное действие можно назвать не стоящими внимания.

– Но посудите сами, – с горячностью воскликнул я, – какой ценой вы добиваетесь этого “очищения”?! Мало того, что вы убиваете себя, вы привыкаете к этому!

По-видимому, я был слишком возбужден, чтобы сдерживать себя. Я хлестал Шерлока словами, стараясь заставить его отказаться от наркотиков.

– Или вы не знаете, что адские снадобья, которые вы с таким диким упрямством поглощаете, приводят к изменениям в тканях?! Пройдет совсем немного времени, и вы свалитесь! Но самое обидное, что вы все это прекрасно понимаете! Игра не стоит свеч, Шерлок. То просветление, о котором вы говорите, сведет вас в могилу прежде времени. И я сейчас говорю с вами не как ваш товарищ, а как врач, которому небезразлична ваша судьба. Скажите мне, с

какой такой целью вы размениваете свой талант и свои силы на сиюминутное и чрезвычайно опасное удовольствие?

К моему удивлению Шерлок несколько не обиделся на мои слова. По крайней мере, в его облике не произошло никаких внешних изменений. Он с тем же безучастным видом продолжал смотреть на меня. Более того, мне показалось, что он обрадован возможности поговорить со мной.

– Мой дорогой друг, – начал он, сложив кончики пальцев и уперев руки в подлокотники кресла. – Меня разрушает не кокаин, а бездействие. Дайте мне проблему, над которой можно поломать голову – и я снова приду в норму. Положите передо мной загадочную зашифрованную запись, ошеломите меня невероятно сложной задачей и вы снова увидите, на что я способен. Я не могу жить без умственного напряжения, таково уж свойство моей природы. Именно повинаясь ей, я и занимаюсь своей профессией, которую, можно сказать, сам и создал. Я – единственный в мире, Уотсон. Уникум.

– Единственный в мире кто? Частный сыщик? – недоуменно спросил я.

– Сыщик-консультант, – поправил меня Шерлок. – Последний и лучший из могикан. Когда Лестрейд, Грегсон или Ателни Джонс чувствуют, что зашли в тупик, – хотя, впрочем, это их естественное состояние, – они сразу же бросаются ко мне. Я, специалист-профессионал, знакомлюсь с деталями преступления и даю свое заключение. Славы я не ищу и мне безразлично, появится ли мое имя в газетах или нет. Меня интересует сам процесс раскрытия преступления, мне важно ощущать мощь моего таланта, видеть, как под его напором рушатся самые хитроумные уловки. Вот что мне необходимо и что составляет всю прелесть моей работы. Да зачем я вам все это говорю? – он сокрушенно покачал головой. – Вы и сами видели, как я применяю свои методы на практике. Вспомните дело об убийстве Джефферсона Хоупа.

– Я хорошо понимаю вас, – сочувственно произнес я. – Признаться, ваши методы произвели на меня ошеломляющее впечатление. Кое о чем я даже написал в своей книжке. Название у нее, правда, несколько претенциозное. «Этюд в багровых тонах». Согласен, немного пахнет мелодрамой.

Шерлок уныло кивнул.

– Я видел ее. Сказать по правде мне не с чем вас поздравить. Расследование преступления – это точная наука, что-то вроде математики. И подходить к ней следует точно так же, сухо и бесстрастно. Я, например, не могу себе представить человека, который с театральной экзальтацией декламирует таблицу умножения. Вы же перемешали мои методы с романтическими чувствами. Ну и какой получился эффект? Да такой же, как если в рассуждения о пятом постулате Евклида вернуть слезную любовную историйку.

– Но в том деле действительно была любовная историйка, – возразил я. – Я же не мог игнорировать имеющиеся факты.

– Вам следовало бы это сделать, – наставительно ответил Шерлок. – Или хотя бы не ставить на них акцент. Единственно, что в этом деле поистине заслуживает особого внимания, так это проведенный мною удивительный анализ следствий, который и позволил добраться до причин преступления, а затем и раскрыть его.

Критика Шерлока меня разозлила. Мне казалось, что в своем коротеньком произведении я приложил немало усилий, чтобы угодить ему. Но еще больше меня разозлил его поразительный эгоизм. Шерлок, похоже, укорял меня за то, что я не посвятил ему и его неопределенной деятельности каждую строку книжки. За все те годы, что мы прожили на Бейкер-стрит, я не раз замечал, что за всеми нравоучениями Шерлока скрывается элементарное тщеславие. Она явственно просматривалась даже за его сдержанной манерой поведения. Я счел за лучшее отмолчаться, и принялся массировать ногу. Рана от прошедшей навывлет пули афганца давно зажила, но при внезапных переменах погоды давала о себе знать тупой ноющей болью.

– Похоже, слухи о моих методах дошли до континента, – сообщил Холмс, немного помолчав. Он стал набивать свою любимую вересковую трубку. – Во всяком случае, недавно со мной связался Франсуа де Виллар, довольно толковый французский сыщик. Возможно, его имя вам известно. Нет? – Шерлок бросил на меня любопытный взгляд. – Виллар очень недурен. У него есть интуиция, и он умеет ей пользоваться, но, при этом, совершенно отсутствует тот перечень знаний, который необходим для достижения высшей степени мастерства. Он останется умелым, но ремесленником. Вершин искусства раскрытия преступлений ему не достичь. Так вот что касается того дела, по которому он со мной консультировался. Оно довольно любопытно и имеет отношение к одному завещанию. Я напомнил Виллару два похожих – одно имело место в Риге в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году, второе – в Сент-Луисе, в семьдесят первом, и он, видимо, сумел кое-что уяснить. Да. А сегодня утром я получил от него письмо с выражением признательности за оказанную помощь. Почитайте, если хотите, – с этими словами Шерлок щелчком отправил ко мне смятый лист почтовой бумаги, по внешнему виду явно иностранного производства. Я мельком взглянул на него. В глаза мне тут же бросилась череда эпитетов: «великолепно, удивительно, гениально». Пылкий француз, явно восхищенный Холмсом, не скупился на восторженные похвалы.

– У него тон школьника, потрясенного познаниями своего учителя, – произнес я.

– Возможно, он несколько переоценивает мою помощь, – согласился Шерлок. – Виллар и сам многое умеет. Он способен наблюдать и делать выводы. Как я уже сказал, ему не хватает лишь знаний, за ними он ко мне и обратился. Кстати, он сейчас переводит на французский одну из моих брошюр.

– У вас есть книги?

– А вы не знали об этом? – Шерлок удивился не меньше меня. – Хотя, да, – тут же спохватился он. – Они слишком специальные. Вот, посмотрите, – он подал мне небольшую брошюру, озаглавленную «Исследование пепла различных сортов табака». В ней я рассматривал сто сорок видов пепла сигарного, сигаретного, а также трубочного табака. Есть в книге и цветные фотографии, из которых сразу видна разница между ними. Для криминалистики мой труд имеет необыкновенную ценность, во множестве дел пепел является одной из главных улик. К примеру, если вы определили, что убийца курит индийский табак, это значительно сужает круг подозреваемых. И не стоит думать, что пепел от табака одинаков. Для тренированного глаза пепел, оставленный индийскими сигарами, отличается от сигаретного пепла не меньше, чем картофель от капусты.

– Вы обладаете поразительной способностью замечать незначительные детали, – заметил я.

– Это потому, что я хорошо представляю их значимость, – ответил Холмс. – Вот еще одна моя работа, на этот раз об определении роста по ширине шага. Кроме того в ней я уделяю много внимания использованию гипса для сохранения отпечатков обуви. А эта любопытная книжица – о влиянии профессии на форму руки. В ней также много фотографий. Ладони кровельщиков, моряков, резчиков пробки, композиторов, ткачей, а также шлифовщиков алмазов. Трудно переоценить ценность этой книги для сыщика с научным складом ума. Она незаменима в случаях, когда сыщик хочет представить себе портрет преступника. Однако, я вижу, что вас утомляет моя разговорчивость. Простите, когда дело касается моего увлечения, я становлюсь излишне болтливым.

– Напротив, – возразил я вполне искренне. – Все, что вы рассказываете, представляет для меня огромный интерес, особенно теперь, после того, как я имел возможность убедиться в действенности ваших методов. Однако сейчас вы говорите о наблюдательности, а не об искусстве делать выводы из увиденного. Но я так полагаю, что вы не делаете различия между этими понятиями, первое подразумевает второе и наоборот.

– Здесь вы не правы, – возразил Холмс, вальяжно откидываясь на спинку кресла, и пуская в потолок густые сизые кольца. – И вот вам пример. Наблюдательность подсказывает мне, что сегодня утром вы были на почте, а дедукция помогла узнать, что вы отправили телеграмму.

– Правильно, – усмехнулся я. – Все так и было. Только непонятно, как вы об этом догадались. Дело в том, что я не собирался идти на почту специально, просто зашел туда по дороге. И никому не говорил, что был там.

– Мне не составило труда об этом догадаться, – ответил Шерлок, довольно улыбаясь. – Все настолько просто, что тут даже нечего объяснять. Хотя именно из него вы лучше поймете разницу между наблюдательностью и дедукцией, то есть искусством делать выводы. Так вот. Что касается наблюдательности, то она говорит мне следующее – на ваших ботинках имеются маленькие красноватые капельки. Это – глина. На Уилмор-стрит, как раз напротив почты сняли асфальт и положили землю, так что войти в здание почты и не испачкаться просто невозможно. Причем, глина там особого цвета, подобной ей нет во всей округе. Вот и все, что касается умения наблюдать. Остальное – уже дедукция.

– Она вам и рассказала про телеграмму?

– Ну, разумеется. Во-первых, утром вы не писали писем, я бы это обязательно заметил. Марки у вас есть, но вы их не отрывали. Открыток также не брали с собой. Отбрасываем второстепенные факторы и делаем единственный и правильный вывод – вы зашли на почту, чтобы отправить телеграмму. Больше вам туда идти, как я полагаю, незачем.

– Ну, положим, что здесь вы правы, – согласился я. – Пусть будет так просто, как вы говорите. Только мне хотелось бы усложнить задачу. Вы не против, если я подвергну ваши теории более серьезным испытаниям?

– Напротив, – ответил Холмс. – Я буду этому чрезвычайно рад. Ваши строгие проверки помогут мне избежать лишней дозы кокаина. Говорите, я готов решить любую задачу.

– Вы как-то обмолвились, что каждый предмет, если конечно им длительное время пользовались, носит на себе отпечаток личности своего владельца и что тренированный наблюдатель вполне может составить его портрет по одной только вещи. Недавно у меня появились часы. Так не будете ли вы любезны, рассказать мне кое-что о характере их бывшего владельца?

С этими словами я подал ему часы. Признаюсь, я сделал это не без некоторого злорадства, поскольку считал, по крайней мере, для себя, подобную задачу неразрешимой. Меня частенько охватывало желание поддеть самолюбие Шерлока, уж очень нестерпим был его неумный апломб, так что в душе я радовался неожиданно представившейся мне возможностью преподать зазнайке Холмсу достойный урок. Держа часы за цепочку, Шерлок внимательно рассмотрел их, сначала невооруженным глазом, затем, взяв лупу, принялся внимательно изучать циферблат, а потом – крышку. Наблюдая за его эволюциями, я едва сдерживал улыбку. Наконец Холмс щелкнув крышкой, закрыл часы и подал их мне.

– Об их владельце могу сказать не очень много. Часы совсем недавно почистили, поэтому кое в чем я не совсем уверен. Некоторые предположения есть, но нет уверенности.

– Совершенно верно, – согласился я. – Душа у меня пела. Наконец-то мне удалось стать свидетелем провала всеведущего Холмса. – Перед тем, как перейти ко мне, часы в самом деле были вычищены. Только по мне между чистенными часами и нечищеными нет никакого различия. Ну, хорошо, что же вы все-таки можете мне сказать?

– Из того немногого, что я увидел, кое-какие выводы сделать можно, – задумчиво ответил Холмс, уставясь неподвижным взглядом в потолок. – Если я не ошибаюсь, то часы принадлежали вашему старшему брату. А он получил эти часы от вашего отца.

– Это вы поняли по надписи на крышке часов? Да, там есть буквы «Г.В.».

– Совершенно верно. Судя по дате, часы приобретены пятьдесят лет назад. Инициалы затерты, следовательно, они принадлежали вашему отцу. Насколько я помню, вы говорили, что отец ваш давно умер, значит, часы находились в руках вашего брата.

– Пока все правильно, – кивнул я. – А что еще вам удалось выяснить?

– Брат ваш был человеком неаккуратным и безрассудным. В юности он подавал большие надежды, но растратил по пустякам и свой талант, и оставшиеся ему деньги. Преимущественно он жил в бедности, хотя иной раз ему и везло. Правда, периоды, когда у него водились деньги, были непродолжительными. В конце концов, он попросту запил. Что еще? – Холмс пожал плечами. – Ваш брат недавно умер. Вот, пожалуй, и все.

Пораженный услышанным, я вскочил с кресла и в волнении заходил по комнате.

– Я никогда не думал, что вы опуститесь до такого, Холмс, – с горечью воскликнул я. – Вы навели о моем бедном несчастном брате справки, а теперь делаете вид, что все это якобы рассказали вам старые часы. И вы хотите, чтобы я вам поверил?! – я был искренне возмущен бестактным поведением человека, которого я считал своим другом. – Знаете, кого вы мне сейчас напоминаете? Шарлатана, обычного заурядного мошенника!

– Значит, я не ошибся, мой дорогой доктор, – он немного помолчал и мягко продолжил: – Да, я должен был бы иметь в виду, что мой бездушный анализ способен поранить ваши чувства. Однако уверяю вас, и даже клянусь, если хотите, что никаких справок о вашем брате я не навел. К чему мне это? О том, что у вас был брат, я узнал только сейчас, точнее, когда взял в руки эти часы.

– Я поверю вам только в том случае, если вы расскажете, как вам удалось узнать факты. Откуда они стали вам известны? Или вы обо всем догадались?

– Нет, я никогда ничего не додумываю. Вам может показаться странным, но за всеми моими умозаключениями стоит железная логика, порой убийственная и безжалостная. А догадка – она губительна для способности логически мыслить. В данном случае мне повезло – информации я имел крайне мало, оставалось только делать предположения. Но, судя по вашей реакции, все они оказались правильными. Только уверяю вас, если вы будете видеть ход моих мыслей, вы поймете, что ничего неожиданного в моих выводах нет. Например, я сказал вам, что ваш брат был человеком неаккуратным. Вот, посмотрите на доказательство – обратная сторона часов поцарапана, а крышка в двух местах помята. Это говорит о том, что часы носили вместе с другими металлическими предметами: ключами, монетами. А теперь посудите сами – можно ли назвать аккуратным человека, столь безалаберно относящегося к часам стоимостью в сотню фунтов? Нет, этот человек не только неаккуратный, но и бесшабашный. В молодости же он был талантлив. Это определено, потому что никогда родители не подарят бесталанному отпрыску столь дорогую вещь. Что вы видите в моих рассуждениях сверхъестественного? Ну и простая логика подсказывает, что если у юноши есть часы такой ценности, то, значит, он не беден. Правильно?

Я кивнул, показывая, что слежу за его рассуждениями.

– В ломбардах приемщики вещей часто пишут номер квитанции на задней стенке часов, так удобнее и надежнее, чем вешать ярлык, который могут потерять, а то и вовсе подменить. Так вот, на часах имеется много номеров, по крайней мере, я насчитал четыре. Каков вывод? Ваш брат постоянно нуждался. Второй вывод – эпизодически у него заводились деньги. Иначе как бы он выкупал свой залог? А вот доказательство того, что ваш брат вел не слишком трезвый образ жизни – возле отверстия, куда вставляется ключ, многочисленные царапины. У непьющего человека на часах подобных царапин нет, но у пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы вечером, по возвращению домой. Смотрите сами – вот следы его нетвердой руки.

– Поразительно, – сказал я. – Все просто. Простите меня, Холмс, я был несправедлив к вам. Мне следовало бы иметь больше веры в ваши невероятные способности. Простите за любопытство, а чем вы сейчас занимаетесь? Расследуете что-нибудь?

– Нет, – уныло ответил Шерлок. – Отсюда и кокаин. Не могу жить без напряжения. Да и зачем вообще жить, если мозг не занят работой? Посмотрите в окно. Каким унылым и подавленным кажется мир. Мрачное, беспросветное существование. Этот желтый туман, клу-

блещущий на улице... Вы можете представить себе более удручающее зрелище? Какова польза от всех моих способностей, доктор, если я не могу применить их? Преступники измельчали, преступления пошлы и примитивны. Я не живу, я прозябаю. Да и вся наша жизнь вообще превратилась в сплошное убожество.

Я открыл было рот, чтобы ответить на эту тираду, но внезапно послышался стук в дверь и в комнату вошла наша хозяйка с визиткой на маленьком подносе.

– К вам молодая дама, – возвестила она, подходя к Холмсу.

– Мисс Мэри Морстан, – прочитал Шерлок. – Гм, ее имя ничего мне не говорит. – Хорошо, миссис Хадсон. Пусть она войдет. А вы, доктор, не уходите. Я бы предпочел, чтобы вы послушали наш разговор.

Глава 2

О чем нам поведала мисс Морстан

Она вошла к нам в комнату быстрым уверенным шагом. Белокурая, невысокого роста, изящная, одетая с отменным вкусом. В то же время, как за ее наигранным спокойствием явственно чувствовалось волнение, так и внешняя безукоризненность ее костюма скрывала очевидную стесненность в средствах. Серенькое платье ее, хоть и отлично сшитое, было простеньким, без изыска. На голове мисс Морстан кокетливо сидела шляпка той же унылой расцветки, что и платье, украшенная довольно жалким блеклым перышком. Я бы затруднился назвать мисс Морстан красавицей, более того – она была лишена обычной привлекательности. И все же я не мог оторвать взгляда от ее лица, настолько оно впечатлило меня своей милой добротой. Особенно мне понравились ее большие голубые глаза, в которых светилась сострадание и душевность. Скитаясь по трем континентам, я встречал немало женщин, но ни у одной из них мне не доводилось видеть лица, столь явственно выдававшего тонкую и ранимую душу. Когда незнакомка села на предложенный Холмсом стул, я увидел, как сильно она взволнована – губы и руки ее заметно дрожали.

– Я пришла к вам, мистер Холмс, – заговорила она, – потому что знаю о той неоценимой помощи, которую вы оказали моей госпоже, миссис Сесил Форрестер. Она не перестает восхищаться мастерством, с каким вы распутали одну ее странную семейную историю.

– Миссис Сесил Форрестер? – переспросил Шерлок. – Ах, да, припоминаю. Я действительно оказал ей незначительную услугу. Только дело это не отличалось особой сложностью.

– Она думает иначе, – задумчиво возразила мисс Морстан. – Но даже если и так, мое дело вы легким не назовете. Честно говоря, трудно представить себе более невероятную и диковинную ситуацию, чем та, в которую попала я.

Холмс потер руки, глаза его загорелись, хищное, с ястребиным носом лицо его вдруг стало крайне сосредоточенным. Внимательно глядя на гостью, Шерлок подался вперед.

– И что же это за ситуация? – спросил он мисс Морстан сухим деловым тоном.

Мне показалось, что мое присутствие стесняет нашу гостью, и, поднимаясь с кресла, произнес:

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я вас покину?

К моему удивлению девушка подняла руки в длинных перчатках, останавливая меня.

– Не уходите, прошу вас, – сказала она и повернулась к Холмсу. – Я надеюсь, что и ваш друг не откажет мне в помощи.

Разумеется, я немедленно опустился в кресло.

– Если говорить коротко, то ситуация у меня следующая. Мой отец служил в Индии, я же росла здесь, в Англии. Мать моя умерла, когда я еще была ребенком, родственников здесь у меня нет. До семнадцати лет я находилась в довольно дорогом пансионе в Эдинбурге. В тысяча восемьсот семьдесят восьмом году отец мой, бывший в то время капитаном, получил годовой отпуск и приехал в Англию. Он прислал мне телеграмму, в которой сообщил, что добрался благополучно и просил меня приехать к нему в Лондон, в гостиницу «Лэнгхэм». Телеграмма меня очень обрадовала, текст ее был, насколько я помню, очень радостным и теплым. Приехав в Лондон, я сразу же направилась в «Лэнгхэм», в гостиницу, где узнала, что капитан Морстан действительно остановился там, но ушел прошлым вечером и еще не вернулся. Целый день я прождала его, но безрезультатно. Ни его самого, ни каких-либо сведений о нем я так и не получила. Вечером, по совету хозяина гостиницы, я сообщила обо всем в полицию, а на следующее утро дала объявление в газетах. Но все было напрасно, никто не мог сказать мне ничего существенного о моем бедном отце. Он словно сквозь землю канул. Приехал в Англию в поисках мира и покоя, а вместо этого...

Фраза оборвалась на полуслове. Мисс Морстан, сдерживая рыдания, закрыла лицо руками.

– И когда это случилось? – спросил Шерлок, открывая блокнот.

– Мой отец исчез третьего декабря тысяча восемьсот семьдесят восьмого года, почти десять лет назад.

– Он наверняка приехал с большим багажом. Вы его смотрели?

– Да, в гостинице. Но не нашла ничего, что могло бы прояснить тайну исчезновения моего отца. Кстати, вещей было не очень много кое-какая одежда, несколько книг, и масса мелких безделушек с Андаманских островов. Он служил там, охранял заключенных.

– Были у него в Лондоне друзья?

– Я знаю только одного – майора Шолто, из того же полка, что и мой отец. Тридцать четвертого бомбейского, пехотного. Майор вышел в отставку незадолго до приезда моего отца и обосновался в Верхнем Норвуде. Мы связывались с ним, но он ответил, что и понятия не имел о приезде в Англию своего однополчанина.

– Очень интересный случай, – заметил Холмс.

– Самое интересное началось потом, – снова заговорила мисс Морстан. – Шесть лет назад, а точнее – четвертого мая тысяча восемьсот восемьдесят второго года, я прочитала в «Таймс» объявление, в котором неизвестный мне человек просил сообщить ему адрес миссис Мэри Морстан или же, в случае, если она прочитает объявление, сообщить о себе. Он говорил, что в моих интересах самой дать знать о себе. Адреса под объявлением не было. Тогда я только-только поступила на службу к миссис Сесил Форрестер гувернанткой к ее детям. По совету моей госпожи я послала свой адрес в раздел объявлений в «Таймсе». В тот же день, когда он был опубликован, мне принесли с почты маленькую картонную коробочку, в которой я обнаружила большую прелестную жемчужину. Кроме нее в коробочке ничего не было. Ни письма, ни записки. С тех пор каждый год в один и тот же день я стала получать такую же коробочку с одинаково прекрасными жемчужинами. Кто их посылает, я не знаю. Я показывала жемчужины оценщику, и тот сказал, что это очень редкие экземпляры, стоящие больших денег. Да вот, посмотрите, вы и сами можете в этом убедиться.

С этими словами она открыла небольшую плоскую коробочку и показала нам шесть жемчужин поразительной красоты. Я, конечно, небольшой специалист по драгоценностям, но, признаюсь, что мне подобных жемчужин видеть не доводилось.

– Ваше сообщение заинтересовало меня, – произнес Шерлок Холмс. – А не происходило ли с вами каких-нибудь неожиданных событий?

– Происходило, и не далее, как сегодня. Собственно говоря, поэтому я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Пожалуй, будет лучше, если вы сами прочтете его.

– Благодарю вас, – ответил Холмс. – Конверт тоже дайте, пожалуйста. – Так... Отправлено, судя по штемпелю, седьмого июля, из юго-восточной части Лондона. Отпечаток большого пальца в углу... Его оставил, скорее всего, почтальон... Хм, могу сказать, что ваш корреспондент, мисс Морстан, – человек состоятельный и щепетильный. По крайней мере, относительно канцтоваров. Бумага отменного качества, конверты стоят шесть пенсов за дюжину. Обратного адреса нет... Так, и что же он пишет? «Будьте у театра «Лицей» сегодня вечером в семь. Стойте у третьей колонны слева. Если опасаетесь, приходите не одна. Можете привести двух друзей, но с условием – они не должны быть полицейскими. С вами поступили нечестно, и я хочу восстановить справедливость. Предупреждаю вас – если вы придете с полицией, то этим все испортите. Ваш друг». Вот как. Очень любопытно. И что же вы намереваетесь делать, мисс Морстан?

– А что бы вы мне посоветовали?

– Идти, разумеется. Незвестный пишет, что вы можете привести с собой двоих друзей. В таком случае мы будем сопровождать вас – я, и мой друг Уотсон. Нам уже не раз приходилось действовать вдвоем, и могу заверить вас, что он – человек вполне надежный.

– Но согласится ли он сопровождать меня? – спросила мисс Морстан. В ее голосе мне послышалась мольба, и я тут же ответил:

– Буду только счастлив помочь вам, – сказал я с достоинством. – И благодарю вас за то, что вы обратились ко мне.

– Вы так добры, – залепетала мисс Морстан. – Это мне следует благодарить вас. Дело в том, что в Лондоне у меня совсем нет ни знакомых, ни друзей. Я живу довольно замкнуто. Так, значит, если я приеду к вам в шесть, это будет нормально? Мы успеем?

– Да, но постарайтесь не опоздать, – ответил Холмс. – Кстати, я вот еще о чем хотел спросить вас. Вы не заметили, письмо написано той же рукой, что и адреса на коробочках с жемчужинами?

– Проверьте сами. Я их все принесла с собой, – отозвалась девушка, доставая из сумочки листки с адресами.

– Да вы просто идеальный клиент, – воскликнул Шерлок Холмс. – Вам не откажешь в интуиции. Ну что ж, давайте посмотрим, – Шерлок разложил на столе листки. – Почерк в адресах сильно изменен, и отличается от почерка, которым написано письмо. Но рука одна и та же, это несомненно. Посмотрите, как четко он выводит «е» и конечную «s». Нет, как он ни старается коверкать свой почерк, индивидуальность тем не менее прослеживается. Да... Вы знаете, мисс Морстан, я не хотел бы вам внушать пустые надежды, но не похож ли этот почерк на руку вашего отца?

– Ни в малейшей степени, – уверенно ответила девушка.

– Так я и предполагал, – удовлетворенно сказал Холмс. – Ну что ж, тогда до вечера. Ждем вас ровно в шесть. Не будете ли вы любезны оставить мне все эти бумаги? Мне хотелось бы изучить их более внимательно. Благодарю вас. Итак, сейчас половина четвертого. Au revoir.

– Au revoir, – ответила мисс Морстан, окинув нас доброжелательным взглядом. Она убрала в сумочку коробочки с жемчужинами и заторопилась к выходу.

Подойдя к окну, я смотрел на ее милую удаляющуюся фигурку. Скоро она совсем растворилась вдали, в угрюмой безликой толпе. Я различал лишь расплывчатое пятнышко ее шляпки с бледным крошечным пером.

– Очень милая женщина, – произнес я, обращаясь к своему компаньону.

– Правда? – равнодушно ответил Холмс. Он уже закурил свою трубку и со знакомым мне полусонным взглядом, сидел, откинувшись на спинку кресла. – Не заметил.

– Вы знаете, я давно заметил, что у вас совсем нет эмоций, – в сердцах воскликнул я. – Вы напоминаете мне машину, постоянно занятую вычислениями. Честное слово, в вас есть что-то нечеловеческое.

Шерлок Холмс слабо улыбнулся.

– Я взял себе за правило никогда не поддаваться эмоциям, – ответил он. – Личные качества могут повлиять на чистоту суждения. Для меня клиент – это всего лишь фактор, составная часть задачи, требующей разрешения. А что касается эмоций, в отсутствии которых вы меня упрекнули, то знайте – они несовместимы с рассудком. Самая красивая женщина из всех, что я встречал, была повешена. Она застраховала своих детей на крупную сумму, после чего хладнокровно отравила их. Есть у меня один знакомый самого гнусного и отталкивающего вида, который только можно себе представить. Так вот – он известный филантроп, потративший четверть миллиона фунтов на помощь несчастным лондонским беднякам.

– Да, но эта девушка...

– Я ни для кого не делаю исключений, – перебил меня Шерлок. – Исключения ниспровергают правило, доказывают его ошибочность. И не забивайте себе голову пустяками. Лучше

давайте попробуем представить портрет человека, написавшего это письмо. Вам еще никогда не доводилось узнавать характер человека по почерку? Вот вам прекрасная возможность. Ну, что вы можете сказать о человеке, который пишет такими вот каракулями?

– Никакие это не каракули, – раздраженно ответил я. – Почерк вполне сносный, хорошо читается. Скорее всего, это человек степенный, с устоявшимися привычками. Характера сильного и уравновешенного. Посмотрите, как он твердо выводит буквы.

Холмс согласно кивнул.

– Совершенно верно. Но только все буквы у него одинаковой высоты. Не поймешь где «l», а где «e». Так же трудно отличить «d» от «a». У человека с твердым характером, как бы плох ни был его почерк, написание этих букв обязательно отличается. Судя по тому, как неуверенно он пишет строчную «k» и все прописные буквы, наш корреспондент отличается неуравновешенностью и непостоянством. В то же время он довольно высокого мнения о себе. Даже слишком высокого. Могу сказать еще много нелестного о нем, но сначала нужно кое-что проверить. Посмотрите пока вот эту книгу, едва ли не самую значительную из всех, которые видело человечество. Называется «Мученичество человека», автор Уинвуд Рид. Полагаю, она поможет вам скоротать время до моего прихода. А я вернусь не позже, чем через час.

Я сел у окна с томиком в руках, попытался вникнуть в строчки, но мысли мои блуждали далеко. Я вспоминал нашу неожиданную гостью, ее улыбку, приятный глубокий голос, таинственность, окружающую ее. «Сколько ей может быть лет?», подумал я. «Если десять лет назад ей было семнадцать, то, значит, сейчас ей двадцать семь. Прекрасный возраст. В эти годы человек, расставаясь с иллюзиями и застенчивостью, начинает набираться опыта и мудрости». Так я сидел, размышляя, до тех пор, пока течение моих мыслей не приняло столь опасного направления, что я, подскочив, как ужаленный, метнулся к своему столу и впился взглядом в статью по патологии. «И что ж это я, отставной армейский хирургиска с хилой ногой и с еще более хилым кошельком, возомнил о себе? Да как мне только подобное в голову пришло? Нет, она – всего лишь часть задачи, фактор. И, самое главное, надо трезво глядеть на вещи. Каким бы мрачным не было мое будущее, встретить его следует по-мужски. А тешить себя сладкими грезами, идиллическими картинками разыгравшегося воображения – это просто слюнтяйство».

Глава 3

Мы отправляемся на поиски решения

Холмс вернулся в половине шестого, бодрый, веселый, в хорошем настроении. Было видно, что он готов к действию. Я несколько не удивился происшедшей в нем перемене, так как привык к тому, что приступы черной меланхолии сменялись у Шерлока пароксизмами активности.

– Ничего таинственного в этом деле нет, – заявил он, принимая налитую мной чашку чая. – Факты говорят о том, что объяснение всему может быть только одно.

– Как!? – удивился я. – Вы уже все разгадали?

– Ну, я бы не сказал, что все. Но я обнаружил один многообещающий факт. Очень даже многообещающий, – последнюю фразу Шерлок произнес с некоторым смаком. – Детали, правда, мне пока не совсем ясны, но все станет понятно в процессе расследования. Все это время, пока вы меня ждали, я смотрел последние страницы «Таймса» и вот что обнаружил. Оказывается, майор Шолто, служивший в тридцать четвертом пехотном бомбейском полку и проживавший в Верхнем Норвуде, скончался двадцать восьмого апреля тысяча восемьсот восемьдесят второго года.

– Не сочтите меня глупцом, Шерлок, но я не понимаю, куда вы клоните.

– Серьезно? Вы меня удивляете. Тогда посмотрите на это иначе. Капитан Морстан бесследно исчезает. Единственным человеком в Лондоне, кого он мог бы навестить, является майор Шолто. Но тот утверждает, что капитан к нему не приезжал. С момента исчезновения капитана Морстана проходит четыре года, майор Шолто умирает, а через неделю после этого в адрес мисс Морстан приходит первая посылка. Каждый год она получает дорогостоящие подарки, а в финале – письмо, в котором некий аноним извещает ее о том, что с ней поступили дурно. Но что в ее жизни произошло дурного, если не считать смерти отца? И почему подарки начали посылать ей сразу после смерти майора Шолто? Не потому ли, что и сам он, и его наследники знали о тайне исчезновения капитана Морстана? Вам это кажется невероятным? Тогда предложите свою, более правдоподобную, гипотезу.

– Какая дикая странность – посылать компенсацию за смерть отца! А зачем такие предосторожности?! И почему бы не послать письмо тогда, шесть лет назад?! Тем более, если речь идет о восстановлении справедливости. Что мешало восстановить ее раньше? И о какой, собственно, справедливости говорит автор письма? Шерлок, я надеюсь, вы не думаете, что отец мисс Марстон жив? Полагаю, такая мысль была бы явным преувеличением. Но тогда о какой все-таки справедливости он говорит?

– Согласен с вами, в моей гипотезе не все гладко. Есть уязвимые места, есть, – задумчиво произнес Шерлок. – Но я надеюсь, что наша сегодняшняя поездка разрешит все сомнения. А вот и кэб. Это приехала мисс Морстан. Вы готовы? Тогда пора отправляться, а то опоздаем. Уже начало седьмого.

Я взял шляпу и самую тяжелую трость из всех, что у меня имелись. Шерлок Холмс, как я заметил, вытащил из ящика стола револьвер и сунул его в карман. Следовательно, дело обещало быть серьезным.

Открыв дверцу кэба, я увидел мисс Морстан, закутанную в длинное темное пальто. Держалась она спокойно, лишь бледное, напряженное лицо ее выдавало тщательно скрываемое волнение. Я поразился ее самообладанию. Отправляясь в столь необычную поездку, она, как представительница слабого пола, должна бы чувствовать себя довольно неуютно, и тем не менее, во всем ее поведении ощущалась уверенность и выдержка. Холмс задал ей несколько вопросов, она отвечала на них ровным, спокойным голосом.

– Майор Шолто был самым близким другом моего отца, – говорила она. – Он часто писал о нем в письмах. Но в этом нет ничего удивительного, судьба надолго забросила и моего отца, и майора Шолто на Андаманские острова. Они были старшими офицерами и, конечно же, часто общались. Кстати, в письменном столе отца я нашла одну странную бумагу. Рассматривали ее много раз, но никто так и не понял, что обозначают все эти рисунки и надписи. Я на всякий случай захватила ее с собой, но не думаю, что она вам особенно пригодится. Вот, посмотрите, – она протянула Холмсу лист бумаги.

Шерлок осторожно расправил ее и, вытащив из кармана двукратную лупу, начал внимательно изучать странный документ, попутно давая объяснения.

– Бумага изготовлена в Индии. Когда-то она была приколоты к доске. Карта очень похожа на план какого-то большого здания. Много залов, коридоров, переходов. Одно место отмечено маленьким красным крестиком. Это чернила. Рядом надпись, сделанная карандашом: «3,37 слева». В левом верхнем углу какой-то непонятный знак. Очень похоже на четыре креста с соприкасающимися краями. Рядом – надпись. Судя по корявым буквам, вывел ее человек грубый и необразованный: «Джонатан Смолл, Магомет Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Признаться, пока я не вижу, какое отношение эта бумага может иметь к нашему делу, но одно несомненно – это очень важный документ. Хранился он бережно, скорее всего, в блокноте. Обе стороны на удивление чистые.

– Совершенно верно, – подтвердила девушка. – В блокноте я ее и нашла.

– Постарайтесь не потерять эту бумагу, мисс Морстан. Мне кажется, она нам еще понадобится. Интуиция подсказывает мне, что дело может оказаться намного сложнее, чем я предполагал.

Шерлок откинулся на спинку сиденья. Я изредка посматривал на своего друга – его сдвинутые брови и отсутствующий взгляд говорили о напряженной работе мысли. Мы с мисс Морстан тихо разговаривали о нашей необычной поездке, высказывая предположения о ее возможных последствиях. Все это время Шерлок молчал. Он ни слова не проронил вплоть до того момента, пока мы не подъехали к цели нашего путешествия.

Несмотря на сентябрь и вечернее время, а было уже почти семь, на улице стояла удушьящая жара. Гигантский город окутывал плотный туман. Его серые клубы ползли по грязным улицам, обволакивая дома, кэбы, людей. Фонари на Стренде напоминали бесформенные пятна. Они отбрасывали на мокрый тротуар унылые, дрожащие бледные круги. Даже яркий свет многочисленных окон магазинов не мог пробить тоскливую давящую мглу. Слабенькими потоками он струился на улицу, выхватывая из гнетущей, вязкой темноты лица многочисленных прохожих. Было что-то зловещее в бесконечной череде лиц, печальных и веселых, старых и юных, изможденных невзгодами и искрящихся весельем. На один краткий миг они появлялись передо мной в ореоле света и тут же исчезали во мраке. Мне казалось, что я вижу вереницу привидений. Я непроизвольно задумался о бренности бытия. Вообще-то я человек не слишком впечатлительный, но увиденная мной на фоне душного, тяжелого вечера, жутковатая картина подействовала на меня угнетающе. Не самое радостное впечатление оставляло и то таинственное дело, по которому мы ехали. Короче говоря, я немного приуныл. Я взглянул на мисс Морстан и сразу понял, что и у нее настроение тоже упало. Один только Холмс сохранял все тот же невозмутимый и уверенный вид. Удручающая обстановка не оказывала на него никакого воздействия. Он, словно исполин, возвышался над мелочностью ощущений, если не сказать больше – они ему попросту были неведомы. Держа на коленях блокнот, он время от времени делал в нем какие-то записи, светя себе карманным фонариком.

Когда мы подъехали к театру «Лицей», у его боковых входов уже стояла густая толпа. К парадному, поскрипывая и стуча колесами по мостовой, беспрерывно подъезжали кэбы и двуколки. Останавливаясь, они высыпали на тротуар свой драгоценный груз – расфранченных, в белоснежных рубашках мужчин и осыпанных бриллиантами, закутанных в шуршащие шали

женщин. Мы подошли к месту встречи, третьей колонне, и в ту же минуту к нам подбежал невысокий юркий человечек, по внешнему виду – обычный кэбмен.

– Вы пришли вместе с мисс Морстан? – спросил он.

– Да. Я – мисс Морстан, а эти двое джентльменов – со мной.

Он внимательно оглядел нас. Взгляд у незнакомца оказался на удивление пронизывающий.

– Простите меня, мисс, но я обязан спросить вас. Никто из ваших друзей не служит в полиции? – отрывисто проговорил он.

– Даю вам слово, что они не из полиции, – спокойно ответила мисс Морстан.

Незнакомец пронзительно свистнул. В ту же секунду уличный мальчишка подвел к нам стоящий на противоположной стороне улицы кэб и открыл двери. Встретивший нас человечек взгромоздился на козлы, мы же сели внутрь. Не успели мы устроиться поудобнее, как кучер щелкнул бичом и кэб с бешеной скоростью помчался по мглистым улицам.

Ситуация складывалась довольно занятная. Мы ехали неизвестно куда и, собственно говоря, непонятно зачем. Вся история могла быть и просто хорошо разыгранной мистификацией, такой вариант не исключался. Если же все было правдой, то нас могли ожидать события довольно серьезные. Мисс Морстан казалась все такой же уверенной и собранной. Я попытался было приободрить ее воспоминаниями о своих необыкновенных приключениях в Афганистане. Но, сказать по правде, сам был так взволнован происходящим и настолько поглощен мыслями о цели нашего путешествия, что мои истории сильно смахивали на затертые анекдоты. Да и рассказывал я их несколько путано. По сей день она вспоминает, как я, вероятно, совсем забывшись, поведал ей о том, как глухой темной ночью в мою палатку заглянул мушкет, которого я уложил дуплетом из тигренка. Вначале я еще как-то ориентировался и понимал, куда мы едем, но вскоре из-за тумана, скорости, а также слабого знания Лондона, я запутался в мелькающих улицах. Лишь одно я знал несомненно – едем мы уже довольно долго. Но Шерлок Холмс, как всегда, был на высоте. Он бормотал про себя названия извилистых улиц и улочек, по которым грохотал колесами наш кэб.

– Рочестер-роуд, – сказал он. – Проехали. Теперь мы въехали на Винсент-сквер. Выехали. Воксхолл-бридж-роуд. Ага, значит мы едем в сторону дороги на Саррей. Да, совершенно верно. Ну что ж, я так и думал. Вот и мост. Посмотрите в окно, увидите блеск воды.

Мы и в самом деле увидели под нами сверкающую Темзу, фонари на широкой и тихой водной глади реки. Вскоре они исчезли, и наш кэб снова помчался по лабиринту улиц.

– Уондсворт-роуд, Прайори-роуд, – продолжал перечислять Шерлок. – Ларкхолл-лейн, Стоквелл-плейс... Роберт-стрит, Колдхарбор-лейн. Да, похоже расследование нам придется продолжать не в самой фешенебельной части Лондона.

Мы действительно въехали в довольно подозрительный район. Длинные ряды мрачных кирпичных домов оживляло, если можно так сказать, тусклое свечение грязных окон пивных сомнительного достоинства. Затем по обеим сторонам кэба потянулись двухэтажные домики, каждый с небольшим садиком перед входом, а потом снова пошли непрерывные линии новеньких, сверкающих свежим кирпичом, домов (похожих на страшные щупальца, раскинутые во все стороны городом-монстром). Наконец, у третьего дома в недавно построенной улице кэб остановился. Ни один из рядом стоящих домов не был заселен. Да и тот дом, к которому мы подъехали, также был темен и мрачен. Лишь на кухне слабо горел свет. На наш стук дверь открыл слуга-индус в желтом тюрбане, белом свободном одеянии, подпоясанный широким, также желтым поясом. Столь колоритная восточная фигура казалась неуместной здесь, в третьеразрядном загородном районе. Она странным образом диссонировала со всем окружением, и, прежде всего, с дверью, такой же неказистой, как и сам дом.

– Сахиб ждет вас, – сказал индус и в тоже миг из глубин дома донесся тонкий, визгливый голос.

– Проведите их ко мне, хидхидмутгар. Немедленно проведи их ко мне!

Глава 4

История человечка с лысиной

Вслед за индусом мы прошли по слабо освещенному мрачному проходу, скудно обставленному плохонькой мебелью. Вскоре справа показалась дверь. Индус толкнул ее. На нас хлынул поток яркого света. В центре образовавшегося сияния стоял маленький человечек с высокой, по форме напоминающей яйцо, головой, обрамленной венчиком рыжих волос. Его сверкающая лысина казалась горной вершиной в окружении густой растительности. Человечек постоянно тер руки, словно ему было очень холодно, а черты лица его находились в постоянном движении. Мне показалось, что они не знают покоя, то растягивались в улыбке, то хмурились, но ни на секунду не замирали. Природа одарила его отвислой нижней губой, из-за которой виднелась полоска желтых неровных зубов. Последнее он тщетно пытался скрыть, поминутно потирая подбородок. Но, несмотря на нахально сверкающую лысину, человечек был явно молод, ему никак нельзя было дать более тридцати. Впоследствии это наблюдение подтвердилось.

– Ваш покорный слуга, мисс Морстан, – неустанно повторял он противным визгливым голосом. – Проходите, пожалуйста, джентльмены. К вашим услугам. Ради бога, войдите в мое скромное убежище. Извините за то, что оно такое маленькое, мисс, но обстановка, здесь, надеюсь, вам понравится. Так сказать, оазис искусства среди мерзости запустения южного Лондона.

Мы были ошарашены видом комнаты, в которую он пригласил нас. Похожая на бриллиант чистой воды в грубой оправе, она совершенно не вязалась с убожеством остального дома. Поразительной дороговизны гобелены закрывали стены. Кое-где они были откинута и тогда взору нашему представлялись либо картина в богатой раме, либо восхитительная восточная ваза. Пол устилал ручной работы ковер с желто-черными узорами, такой мягкий и толстый, что нога приятно утопала в нем, словно во мху. Две великолепные тигровые шкуры лежали на ковре, усиливая ощущение восточной роскоши, царившей в комнате. Картину довольства и неги завершал стоящий в углу, на коврик, кальян. Под потолком была протянута тончайшая, почти невидима глазу золотая проволока, на которой висела изящная серебряная лампа, выполненная в форме птицы. Загораясь, она наполняла комнату не только светом, но тонким, приятным ароматом.

– Позвольте представиться. Меня зовут Тадеуш Шолто, – произнес маленький человечек, не переставая дергаться и улыбаться. – А вы, конечно же, мисс Морстан. Ага, ну а эти джентльмены...

– Мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон.

– Доктор? Вот как! – радостно воскликнул он. – А нет ли у вас с собой случайно стетоскопа? О, какое счастье! Вы знаете, я очень беспокоюсь за свой митральный клапан. Не будете ли вы любезны послушать меня? Аорта меня не очень волнует, она в полном порядке, но вот митральный клапан... Мне бы очень, очень хотелось услышать ваше мнение о нем.

Нагнувшись, я послушал его и не нашел никаких отклонений, если не считать, конечно, того, что мой случайный пациент буквально трясся от страха. Казалось, его всего бил нервный озноб.

– На мой взгляд, у вас все нормально, – сказал я. – Причин для волнения нет.

– О, простите мне мою назойливость, мисс Морстан. Но я так волнуюсь... – залепетал он с внезапной галантностью. – Боже мой, сколько мне приходится страдать! А тут еще этот клапан! Благодарю вас, доктор. Вы меня очень утешили. Значит, вы считаете, мой митральный клапан в порядке? – Я молча кивнул. – Если бы ваш отец мистер Морстан больше щадил свое сердце и избегал волнений, он был бы сейчас жив.

У меня появилась непреодолимое желание вlepить ему пощечину за столь грубое и беспардонное отношение к тому деликатному делу, по которому мы приехали. Мисс Морстон, смертельно побледнев, опустилась в кресло.

– В глубине души я чувствовала, что его нет в живых, – прошептала она.

– Подождите, я вам все объясню, – сказал человек. – И не только объясню, но и постараюсь исправить причиненную вам несправедливость. Что бы ни говорил мой брат Бартоломью, я обязательно это сделаю. Очень хорошо, что вы пришли сюда не одна, а с друзьями – они станут свидетелями того, о чем я собираюсь вам рассказать. Кроме того, нам втроем будет легче переубедить Бартоломью. Но только давайте не вмешивать в наше дело посторонних – ни полицию, ни кого-либо еще. Мы все уладим сами, ко всеобщему согласию. Нам не нужны лишние участники. Единственно, чего боится мой брат Бартоломью, так это огласки, – проговорив это, он сел на низенькую софу и уставился на нас любопытными, подслеповатыми глазами голубовато-водянистого цвета.

– На мой счет можете быть абсолютно спокойны, – заговорил Холмс. – Что бы вы ни соизволили сказать, дальше меня это не пойдет.

Я склонил голову, показывая, что полностью солидарен с моим другом.

– Прекрасно! Прекрасно! – отозвался человек. – Мисс Морстан, вы позволите мне предложить мне бокал «кьянти»? Или, может быть, вы предпочитаете токайское? Других вин у меня нет. Прикажете открыть бутылочку? Нет? Ну что ж, тогда, я надеюсь, вы не будете возражать, если я закурю? Восточный табак – это просто бальзам. К тому же, я слегка нервничаю, а кальян меня очень успокаивает. Он незаменим в минуты волнения.

Он подсоединил к большой чаше трубку, и вскоре мы услышали веселое бульканье розовой воды. В предвкушении рассказа, мы, вытянув шеи и уперев ладони в щеки, расселись полукругом возле нашего странного рассказчика. Тот, натужно пыхтя, и не переставая дрожать, впивался в трубку кальяна. Блеск его лысины соперничал по яркости с сиянием экзотического курительного инструмента.

– Когда я, наконец, решил связаться с вами, – заговорил он. – Я не сообщил вам свой адрес, поскольку боялся, что вы приведете с собой не желательных для меня людей. Поэтому я позволил себе назначить вам встречу таким образом, чтобы мой человек, Вильямс, в чьей преданности я не сомневаюсь, мог бы увидеть вас первым. Вильямсу были даны указания не вступать с вами в разговор, если бы пришедшие с вами люди, показались ему подозрительными. Прошу простить меня за все эти меры предосторожности, но я человек весьма восприимчивый, я бы даже сказал, утонченный. Сам вид полисмена претит моему эстетическому вкусу. Боже, как я не люблю этот грубый материализм! Видите ли, я не стараюсь часто вступать в контакт с невежественной толпой. Живу я, как вы уже заметили, в атмосфере утонченности, меня вполне модно назвать покровителем искусств. Да, искусство – моя слабость. Вон тот пейзаж – это подлинный Коро. Конечно, кое – кто из знатоков мог бы поспорить относительно Сальватора Роза, то вот этот Бугро не вызовет никаких сомнений. Я, знаете ли, поклонник современной французской школы.

– Прошу прощения, мистер Шолто, – сказала мисс Морстон. – Но я пришла сюда по вашей просьбе и желала бы услышать то, что вы хотели сообщить мне о моем отце. Сейчас уже поздно, и я не могу здесь долго оставаться. Прошу вас, покороче, пожалуйста.

– Думаю, что наша беседа все-таки затянется, – ответил он. – Нам определенно нужно будет ехать в Норвуд, к моему брату Бартоломью. Ехать придется всем вместе, одному мне трудно с ним разговаривать. Он и так очень недоволен тем, что я действую так, как, мне кажется, будет справедливым. Вчерашний разговор с ним происходил на высоких тонах. Не представляете, какой это тяжелый человек, а особенно, когда рассердиться.

– Если нам нужно еще и ехать в Норвуд, то давайте отправляться немедленно, – рискнул вставить я.

Человечек рассмеялся так, что даже уши у него покраснели.

– Не стоит так торопиться, – воскликнул он. – Еще неизвестно, как мой брат Бартоломью воспримет ваше неожиданное появление. Нет, нет, что вы, я должен подготовить вас к встрече, рассказать о моих отношениях с Бартоломью. Прежде всего, я вынужден сказать вам, что во всей этой истории есть места, и для меня самого не очень ясные. Все, что я могу сделать – это сообщить вам факты, мне известные и понятные.

Мой отец, майор Джон Шолто, как вы уже, вероятно, догадались, служил в Индии. Лет одиннадцать тому назад он вышел в отставку и, возвратившись в Англию, поселился в Пондичерри-лодж, в Верхнем Норвуде. В Индии отцу моему удалось разбогатеть, и вернулся он сюда с большими деньгами и громадной коллекцией восточных редкостей. Довольно ценных, нужно сказать. Кроме того, он привез с собой несколько слуг – индусов. Не стесненный в средствах, он купил себе небольшой домик и зажил в роскоши, ни в чем себе не отказывая. Наследников у него только двое – я, и Бартоломью, мой брат-близнец.

Я очень хорошо помню тот ужас, который охватил нас, когда мы узнали об исчезновении капитана Морстана. О деталях этого обстоятельства мы прочитали в газетах. Зная, что он является другом нашего отца, мы частенько в его присутствии говорили о загадочном исчезновении Морстана. Отец нередко принимал участие в наших разговорах и делился своими соображениями. Мы и не подозревали, что из всех людей только он один знает о судьбе несчастного Артура Морстана. Нам и в голову тогда не приходило, что наш отец может быть причастен к этому делу.

Но мы догадывались о другом – мы чувствовали, что наш отец скрывает какую-то тайну, и все его поведение показывало, что над ним нависла огромная опасность. Он вдруг стал на редкость боязлив – никогда не выходил из дома один, а вскоре нанял двух телохранителей, бывших боксеров. Они служат в Подничерри-лодж привратниками. Кстати, один из них – тот самый Вильямс, который привез вас сюда. Да, да, когда-то он был чемпионом Англии в легком весе. Наш отец никогда не говорил нам о том, кого именно он боится. Но через некоторое время мы заметили, что особую ярость у него вызывают люди с деревяшками вместо ног. Как-то раз он даже открыл огонь из револьвера по какому-то безногому, который, как выяснилось впоследствии, был всего лишь коммивояжером, пришедшим к нам предложить свой товар. Слава богу, все обошлось, бедолага даже не был ранен, но нам пришлось выложить немалую сумму за его молчание и за то, чтобы замять все это дело. Вначале мы подумали, что неприязнь к безногим у нашего отца – это одна из малообъяснимых странностей его характера. Однако, последующих ход событий заставил нас изменить это мнение.

В начале 1882 года отец мой получил из Индии какое-то письмо, которое повергло его в панику. Прочитав его за завтраком, отец едва не лишился чувств. С того дня он заболел и вскоре уже лежал при смерти. Мы не знали, что это за письмо, и кто его автор, но оно было очень короткими и написано корявым почерком, вероятно, человеком малограмотным. С момента получения письма отец впал в глубокую депрессию, затем ему стало значительно хуже, а уже в конце апреля нам сообщили, что отец безнадежен и хочет проститься с нами.

Когда мы вошли в его комнату, то увидели нашего отца, высохшего, бледного, утопавшего в подушках. Тяжело дыша, он попросил нас запереть дверь и встать по обеим сторонам кровати. Затем, лихорадочно двигая руками и задыхаясь, голосом, в котором звучало волнение и мука, он сообщил известие, поразившее нас. Я попытаюсь вспомнить и передать все сказанное им его же собственными словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.